

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

2021 Том 29 № 3

Тема выпуска:

НОВЫЕ ТРЕНДЫ, СТРАТЕГИИ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3

<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Ибероамериканских исследований экономического факультета РУДН, директор Института Латинской Америки РАН, член научного совета при Совете безопасности РФ и научного совета при Министре иностранных дел РФ, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Приглашенный редактор

Зюнова Е.А. – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Бруно С. – доктор наук, профессор Университета Мессины (Мессина, Италия), Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета, Кембридж, США

Гишар Ж.П. – доктор наук, профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис, Ницца, Франция

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Дантас А.Т. – доктор наук, профессор департамента экономического развития экономического факультета, председатель Центра исследования Америки Университета штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

Кенан К. – доктор наук, профессор Университета Париж III Новая Сорбонна, Париж, Франция

Кузнецов А.В. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, Москва, Россия

Кулаков М.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран экономического факультета МГУ, Москва, Россия

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Мидиярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета РУДН, Москва, Россия

Реджепаджич С. – профессор экономики, Университет Лазурного Берега, Ницца, Франция

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия

Стрыжакевич Т. – профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии, Москва, Россия

Турель И.Д. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Турчуа Н. – доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис, Ницца, Франция

Школяр Н.А. – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва, Россия

Ярыгина И.З. – доктор экономических наук, профессор, заведующая базовой кафедрой Газпромбанка «Экономика и банковский бизнес» МГИМО, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика – это научный журнал общео экономического содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала:

- вопросы экономической теории;
- аспекты продвижения экономических реформ в России и других странах СНГ;
- проблемы экономической интеграции и глобализации;
- задачи экономик развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- аспекты экономики отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала – профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2021. Выход в свет 30.09.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,90. Тираж 500 экз. Заказ № 629. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

2021 VOLUME 29 NUMBER 3

Theme of Issue:

NEW TRENDS, STRATEGIES AND STRUCTURAL CHANGES IN EMERGING MARKETS

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir M. Davydov, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Ibero-American Studies Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Scientific Committee under the Security Council of the Russian Federation and Scientific Council under the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Marina S. Reshetnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Yulia A. Konovalova, PhD (Economics), Senior Lecturer, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

GUEST EDITOR

Elena A. Zvonova – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Sergio Bruno – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina (Messina, Italy), Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Cambridge, USA

Aléxis Toribio Dantas – Doctor of Economics, Full Professor of the Department of Economic Evolution, the Economic Science Faculty, Coordinator of NUCLEAS (Núcleo de Estudos das Américas), State University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Nikolay P. Gusakov – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Jean-Paul Guichard – Full Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis, Nice, France

Mikhail V. Kulakov – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Laboratory for the Study of Socio-Economic Problems of Emerging Countries, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexey V. Kuznetsov – Doctor of Economics, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

Sergey N. Lavrov – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Diana M. Madiyarova D.M. – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan

Yuri N. Moseikin – Doctor of Economics, Full Professor, Dean of the Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Carlos Quenan – Doctor of Economics, Full Professor, The New Sorbonne University, Paris, France

Srdjan Redžepagić – Research Professor, Professor of Economics, University Côte d'Azur, Nice, France

Softja I. Rekord – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Nikolay A. Shkoltyar – Doctor of Economics, Full Professor, Leading Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tadeusz Strykiewicz – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznań, Poznań, Poland

Marina F. Tkachenko – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Department of International Economic Relations, Russian Customs Academy, Moscow, Russia

Nadine Tournois – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis, Nice, France

Irina D. Turgel – Doctor of Economics, Full Professor, Deputy Director for Research, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irina Z. Yarygina – Doctor of Economics, Full Professor, Head of Economy and Banking Department, MGIMO University, Moscow, Russia

Nabi Ziyadullaev – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher of Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets;
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal – professional economists, high school teachers, postgraduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ТРЕНДЫ, СТРАТЕГИИ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

В этом номере 477

МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛА

Грачева А.Д., Мирошина Е.А. Внешняя задолженность Беларуси в условиях пандемии и пути ее урегулирования 479

Маньшин Р.В., Гафари А.Л. Инвестиционное сотрудничество России и Индии 490

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Gusakov N.P., Konovalova Yu.A., Reshad S.A. The Indian Republic in the global energy markets (Индийская Республика на мировых рынках энергетических ресурсов) 502

Ястребов О.А., Тинькова А.А. Мировой рынок юридических услуг: современное состояние и перспективы развития 510

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Бижан А., Эджазий Э. Исследование роли Международного валютного фонда в процессе разрешения финансовых кризисов на примере Греции 524

Воротынцева Т.М. Проблемы таможенного контроля за перемещением опасных отходов через таможенную границу Евразийского экономического союза 537

Ненадышина Т.С. Trade facilitation: понятие и актуальное значение для экономического развития России 554

Andronova I.V., Dembele M. Mali's participation in the West Africa's integration processes (Участие Мали в интеграционных процессах Западной Африки) 567

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A. What's happening to the locomotive of global economy, or The myths about the recovery of China (Что же происходит в экономике «мирового локомотива», или Мифы о восстановлении Китая) 575

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Tileva I. Contribution of Lionel Robbins' essay to economic psychology (Вклад эссе Лайонела Роббинса в экономическую психологию) 587

Pavlov O.I., Pavlova O.Yu. Group averaging and the Gini deviation (Усреднение по группам и изменение коэффициента Джини) 595

CONTENTS

NEW TRENDS, STRATEGIES AND STRUCTURAL CHANGES IN EMERGING MARKETS

In this issue	477
GLOBAL CAPITAL MARKET	
Gracheva A.D., Miroshina E.A. Belarus' external debt in the context of the pandemic and ways to resolve it	479
Manshin R.V., Ghafari A.L. Investment cooperation between Russia and India	490
INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS	
Gusakov N.P., Konovalova Yu.A., Reshad S.A. The Indian Republic in the global energy markets	502
Yastrebov O.A., Tinkova A.A. Legal services global market: current state and development prospects	510
ECONOMIC INTEGRATION AND GLOBALIZATION	
Bijan A., Ejazi E. Investigating the role of the International Monetary Fund in the process of resolving financial crises: case study of Greece	524
Vorotyntseva T.M. Problems of customs control over the movement of hazardous waste across the customs border of the Eurasian Economic Union	537
Nenadyshina T.S. Trade facilitation: definition and current significance for economic development of Russia	554
Andronova I.V., Dembele M. Mali's participation in the West Africa's integration processes	567
ECONOMY OF DEVELOPED AND EMERGING COUNTRIES	
Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A. What's happening to the locomotive of global economy, or The myths about the recovery of China	575
ECONOMIC AND SOCIAL TRENDS	
Tileva I. Contribution of Lionel Robbins' essay to economic psychology	587
Pavlov O.I., Pavlova O.Yu. Group averaging and the Gini deviation	595

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-477-478

Редакционная статья / Editorial

В этом номере

М.С. Решетникова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ reshetnikova-ms@rudn.ru

In this issue

Marina S. Reshetnikova

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ reshetnikova-ms@rudn.ru

Составлять аналитические обзоры по состоянию национальных экономик в постковидный период весьма сложно. До начала пандемии понятие «неопределенность» применялось скорее при анализе теоретических общемировых экономических процессов. В настоящей момент его можно смело использовать при оценке практически всех участников экономической деятельности на всех уровнях. Ожидаемые результаты (ВВП, объемы капиталовложений и инвестиций, рост доходов населения) – вот основной эпитет экономического анализа сегодня. Аналитические прогнозы больше напоминают тревожные предсказания.

Цель тематического выпуска – обмен идеями по выявлению возникающих вызовов и проблем в эпоху пандемии и постпандемии, предоставление результатов анализа новых тенденций, структурных изменения и стратегий преодоления кризиса на развивающихся рынках, определение влияния процессов модернизации и инновационного развития экономических систем, цифровой трансформации экономик и преодоление последствий мирового кризиса.

Статьи выпуска посвящены широкому кругу вопросов, среди которых:

- нестабильность мировой экономики, вызовы и проблемы в постпандемическом мире;
- новые тенденции, структурные изменения, стратегии и программы выхода из кризиса в развивающихся странах;
- текущие тенденции в международном движении капитала;
- международная торговля и торговая политика, международная экономическая интеграция в новой реальности;
- модернизация и инновационное развитие экономических систем, цифровая трансформация экономики;

© Решетникова М.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

– проблемы национального и международного бизнеса в России и других странах с развивающейся экономикой;

– региональные и отраслевые особенности экономического развития на развивающихся рынках, новые тенденции в энергетическом секторе.

Номер подготовлен на базе материалов VIII Международной научной конференции «Новые тренды, стратегии и структурные изменения в экономике стран с развивающимися рынками».

ENG

It is very difficult to compose analytical reviews on the state of national economies in the post-COVID period. Before the outbreak of the pandemic, the concept “uncertainty” was applied rather in the analysis of theoretical global economic processes. Now, it can be safely used in assessing almost all factors and indicators in economic activity at all levels. Expected results (GDP, volumes of capital and investments, growth, income) – this is the main epithet of economic analysis today. Analytical forecasts are more like worrying predictions.

The purpose of this thematic issue is to exchange ideas on identifying emerging challenges and problems in a pandemic and post-pandemic world as a new reality, to present the results of an analysis of new trends, structural changes and strategies to overcome the crisis in emerging markets, to determine the impact of these processes on modernization and innovative development of economic systems, digital transformation of the economy and overcoming the consequences of the global crisis.

Articles of the issue are devoted to a wide range of issues, such as:

– instability of the world economy, challenges, and problems in a pandemic and post-pandemic world as a new reality;

– new trends, structural changes, strategies, and programs for overcoming the crisis in emerging markets;

– current trends in international capital movements;

– international trade and trade policy, international economic integration in a new reality;

– modernization and innovative development of economic systems, digital transformation of the economy;

– problems of national and international business in Russia and other countries with emerging markets;

– regional and sectoral features of economic development in emerging markets, new trends in the energy sector.

The issue includes articles based on materials of the VIII International Scientific Conference “New Trends, Strategies and Structural Changes in Emerging Markets”.

Сведения об авторе / Bio note

Решетникова Марина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

Marina S. Reshetnikova, PhD, Associate Professor of Economic and Mathematic Modelling Department, Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛА GLOBAL CAPITAL MARKET

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-479-489

УДК 330.101.541

Научная статья / Research article

Внешняя задолженность Беларуси в условиях пандемии и пути ее урегулирования

А.Д. Грачева✉, Е.А. Мирошина

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49*✉ ann.gracheva05.12@gmail.com

Аннотация. Проводится анализ изменений величины внешнего долга Беларуси в зависимости от различных факторов. Выяснено, что значительное воздействие на увеличение суммы внешней задолженности оказали последствия эпидемии COVID-19. Кроме того, в причинах роста внешнего долга Беларуси особый вес имеют политические протесты против правительства, последствием которых стало существенное снижение уровня доверия со стороны иностранных инвесторов, что повлекло за собой падение рубля. Рассмотрены роли зарубежных стран как основных кредиторов во внешнем долге Беларуси, в экономике Беларуси в целом, а также значение белорусской «дружбы» с Россией. В заключение проведена оценка структуры белорусской экономики и методов ее регулирования, представлены возможные пути урегулирования белорусского долга.

Ключевые слова: внешняя задолженность, Беларусь, пути урегулирования, пандемия коронавируса, экономика Беларуси, внешний долг, Россия, основной кредитор

История статьи: поступила в редакцию 18 апреля 2021 г.; проверена 15 мая 2021 г.; принята к публикации 10 июня 2021 г.

Для цитирования: Грачева А.Д., Мирошина Е.А. Внешняя задолженность Беларуси в условиях пандемии и пути ее урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 479–489. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-479-489>

Belarus' external debt in the context of the pandemic and ways to resolve it

Anna D. Gracheva✉, Elena A. Miroshina

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradskii Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation*✉ ann.gracheva05.12@gmail.com

Abstract. The changes in the amount of the external debt of Belarus depending on various factors are analyzed. The study found that the consequences of the epidemic COVID-19 had a significant impact on the increase in the amount of external debt. In addition, political protests

© Грачева А.Д., Мирошина Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

against the government have a special weight in the reasons for the growth of Belarus' external debt, since their consequences significantly reduced the level of confidence on the part of foreign investors, which led to a fall in the ruble. The role of foreign countries as the main creditors in the external debt of Belarus, as well as in the economy of Belarus as a whole is examined, and the importance of the Belarusian "friendship" with Russia is considered. In conclusion, an assessment of the structure of the Belarusian economy and methods of its regulation is carried out, and then possible ways of settling the Belarusian debt are presented.

Keywords: external debt, Belarus, ways to settle, coronavirus pandemic, economy of Belarus, Russia, main creditor

Article history: received 18 April 2021; revised 15 May 2021; 10 June 2021.

For citation: Gracheva, A.D., & Miroshina, E.A. (2021). Belarus' external debt in the context of the pandemic and ways to resolve it. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 479–489. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-479-489>

Введение

Ежедневно люди сталкиваются с ограниченностью денежных средств на свои нужды, тогда они занимают деньги у друзей, знакомых или берут кредит. Точно такие же ситуации случаются с государством. Иногда оно находится в таком положении, что потребляет меньше, чем производит. В подобном случае появляется дефицит средств, и приходится занимать деньги у других государств. К счастью, другие государства обладают достаточным количеством денежных средств, чтобы предоставить внешние кредиты. Таким образом образуется возможность развить систему заимствования и кредитования на международном уровне, за чем следует и образование внешней задолженности.

Основаниями формирования мнения о наступлении начала кризиса внешней задолженности, как правило, считается нарушение графика погашения кредитных задолженностей, которые были получены с помощью государственных каналов.

Когда наступает такая ситуация, при которой одна или несколько стран заявляет, что не имеет возможности выплачивать свой внешний долг, начинаются финансовые кризисы. Из-за того, что в качестве кредитора выступает суверенный экономический агент (или правительство иностранного государства), получение от неплательщика погашения долга становится невозможным. Причинами этого является недоступность санкций, которые принято применять к обычным должникам, то есть физическим и юридическим лицам, а не государству. Наличие государственного банкротства пагубно влияет на баланс международного кредитного рынка, а также усложняет процедуры выдачи кредитов и предоставления заимствований.

Проблема внешней задолженности была актуальной в прошлом и сохранит свою актуальность в настоящем и будущем. Развитие кризиса внешней задолженности оказывает негативное воздействие не только на государства-должники, но и на страны-кредиторы. В связи с этим поиск решения проблемы задолженности – задача совместных усилий стран-заемщиков, стран-кредиторов, а также коммерческих банков и международных финансовых организаций.

Цель работы – проанализировать проблематику внешней задолженности и пути ее урегулирования на примере Беларуси.

Методы исследования

Методом исследования послужил контент-анализ открытых источников информации – данных с официальных сайтов Министерства финансов Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь, различных экспертных сообществ и научных работ экономических экспертов. Для определения наиболее перспективных направлений и условий организации кооперации применен морфологический анализ.

Результаты исследования

В современном мире все чаще слышатся термины «внешний долг» и «международный кредит». И это не удивительно, ведь сейчас активно осуществляется процедура международного кредитования, то есть государства, испытывающие финансовые трудности, смело обращаются к своим соседям и союзникам за финансовой поддержкой. Участниками этих сделок могут выступать различные государства, международные объединения, ТНК и ТНБ¹. Международный кредит ничем не отличается от обычного классического кредита. Ему так же свойственна возвратность, он обладает сроком выплаты и заключается на определенных условиях.

Для большинства стран заимствование денежных средств является неотъемлемой частью ведения экономики. Но часто неспособность погасить задолженности перед другими государствами ведет к необходимости получения новых кредитов, целью которых является погашение ранее взятых (Гуляева, Уманская, 2016).

Одной из стран, активно использующих внешние займы, является Беларусь (Ананьева, Наталуха, 2019). Внешняя задолженность Республики Беларусь на 1 февраля 2021 г. составила 59,7 млрд руб., при этом, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь), относительно января 2021 г. она увеличилась на 1,9 млрд руб. Беларусь по показателю задолженности находилась на 16 месте в рейтинге стран мира в 2020 г. (таблица). Для понимания специфики внешней задолженности Беларуси нужно детально изучить, с чего все начиналось.

До прихода к власти Александра Лукашенко в 1994 году страна была в ужасном состоянии: уровень инфляции зашкаливал (около 1959,7% в 1994 г.), белорусский рубль активно падал, страна не справлялась с выполнением своих основных задач. Спасением для Беларуси стал российский дефолт, произошедший в 1998 г.² Благодаря ему Беларусь и Россия начали бартерную деятельность по поставке электроэнергии. Беларуси удалось стать нефтяным «магнатом», не имея собственной нефти, а продавая на внешние рынки полученное из России сырье.

¹ Доклад о приемлемости внешней задолженности и развитии, подготовленный секретариатом Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию от 30 июля 2020 года. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/a75d281_ru.pdf (дата обращения : 21.03.2021).

² Романчук Я. Конец эксперимента : что стало с белорусской экономикой при Лукашенко // Forbes. 2020, 28 августа. URL : <https://www.forbes.ru/biznes/407643-konec-eksperimenta-chto-stalo-s-belorusskoy-ekonomikoy-pri-lukashenko> (дата обращения : 21.03.2021).

Начиная с 2007 г. можно наблюдать, как задолженность Беларуси набирала темпы параллельно развитию экономики страны (доходы всех секторов экономики составили 49,3 % ВВП за 10 месяцев, в январе – октябре этого же года произошел рост депозитов населения на целых 25,1 %), в это время весь мир переживал кризис, а национальная экономика ощутила существенный рост цен на энергоносители из России (Попкова, 2011). В тот момент Республика Беларусь начинает усиленно занимать средства у стран и международных объединений, а также выпускает государственные облигации. Происходит увеличение золотовалютных резервов за счет средств, взятых в кредит у международных сообществ и зарубежных стран. Бизнес и банки, в свою очередь, беря пример с правительства, тоже начинали интенсивно прибегать к международным кредитам.

Рейтинг стран по внешнему долгу за II квартал 2020 года, млн долл.

Страна ↓↑	II кв. 2018 г.	III кв. 2018 г.	IV кв. 2018 г.	I кв. 2019 г.	II кв. 2019 г.	III кв. 2019 г.	IV кв. 2019 г.	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	Внешний долг к ВВП (номинальный), %	Внешний долг на душу населения, долл.
Сейшельские острова	4654	4617	4771	4749	4765	4808	4886	4969	5052	297,2	52625
Молдавия	7127	7326	7465	7376	7337	7315	7546	7581	7581	63,2	2827
Киргизия	8061	8097	8139	8290	8441	8340	8333	8182	8182	96,3	1281
Македония	9777	9678	8984	9256	9473	9370	9124	9169	9909	78,0	4766
Армения	10 585	10 843	10 914	11 074	11 465	11 666	12 341	11 985	12 548	91,6	4226
Сальвадор	16 864	17 014	16 661	16 582	17 047	17 921	17 410	17 429	18 223	67,5	2824
Грузия	17 461	17 282	17 812	17 822	18 233	17 900	18 627	18 327	18 762	106,0	5038
Исландия	21 928	21 190	19 598	19 159	19 745	19 108	19 165	18 388	19 105	78,9	53 515
Эстония	23 239	23 070	22 769	23 274	25 237	23 895	23 243	23 242	23 242	73,8	17541
Коста-Рика	28 443	28 708	29 089	29 293	28 973	29 155	30 655	29 206	30 655	49,4	6040
Иордания	29 120	29 784	31 312	31 704	32 237	32 548	32 329	32 420	32 420	72,7	3219
Литва	41 441	41 793	40 695	38 488	39 057	36 893	37 125	34 151	38 342	70,7	13 777
Латвия	41 836	42 359	41 150	41 030	40 346	39 342	40 075	38 067	40 810	119,7	21 255
Тунис	32 922	33 152	35 059	33 780	34 637	35 146	40 009	38 070	37 982	97,9	3223
Болгария	40 368	40 756	38 813	39 302	39 760	38 871	40 364	38 633	39 443	58,1	5674
Беларусь	39062	39 163	39 289	38 923	40 071	39 673	40 723	39 469	41 116	65,2	4339

Источник: составлено авторами на основе материалов сайта «Статистика стран мира: экономика, население, здравоохранение, спорт». URL : <https://svspsb.net/sverige/statistika-stran-mira.php> (дата обращения : 21.03.2021).

Rating of countries on external debt for the second quarter of 2020, mln doll.

Country ↑↓	II qrt. 2018	III qrt. 2018	IV qrt. 2018	I qrt. 2019	II qrt. 2019	III qrt. 2019	IV qrt. 2019	I qrt. 2020	II qrt. 2020	External debt to GDP (nomi- nal), %	External debt per capita, USD
Seychelles	4654	4617	4771	4749	4765	4808	4886	4969	5052	297.2	52625
Moldova	7127	7326	7465	7376	7337	7315	7546	7581	7581	63.2	2827
Kyrgyzstan	8061	8097	8139	8290	8441	8340	8333	8182	8182	96.3	1281
Macedonia	9777	9678	8984	9256	9473	9370	9124	9169	9909	78.0	4766
Armenia	10 585	10 843	10 914	11 074	11 465	11 666	12 341	11 985	12 548	91.6	4226
Salvador	16 864	17 014	16 661	16 582	17 047	17 921	17 410	17 429	18 223	67.5	2824
Georgia	17 461	17 282	17 812	17 822	18 233	17 900	18 627	18 327	18 762	106.0	5038
Iceland	21 928	21 190	19 598	19 159	19 745	19 108	19 165	18 388	19 105	78.9	53 515
Estonia	23 239	23 070	22 769	23 274	25 237	23 895	23 243	23 242	23 242	73.8	17541
Costa Rica	28 443	28 708	29 089	29 293	28 973	29 155	30 655	29 206	30 655	49.4	6040
Jordan	29 120	29 784	31 312	31 704	32 237	32 548	32 329	32 420	32 420	72.7	3219
Lithuania	41 441	41 793	40 695	38 488	39 057	36 893	37 125	34 151	38 342	70.7	13 777
Latvian	41 836	42 359	41 150	41 030	40 346	39 342	40 075	38 067	40 810	119.7	21 255
Tunisia	32 922	33 152	35 059	33 780	34 637	35 146	40 009	38 070	37 982	97.9	3223
Bulgaria	40 368	40 756	38 813	39 302	39 760	38 871	40 364	38 633	39 443	58.1	5674
Belarus	39062	39 163	39 289	38 923	40 071	39 673	40 723	39 469	41 116	65.2	4339

Source: compiled by the authors based on the materials of the website "Statistics of the Countries of the World: Economy, Population, Health, Sports". Retrieved March 21, 2021, from <https://svspb.net/sverige/statistika-stran-mira.php>

В то время как весь постсоветский мир в 2007 г. осуществлял переход к рыночной экономике, Беларусь не желала менять структуру экономики (в стране сохранялась плановая централизованная экономика), отказывалась от трансформации системы принятия решений, изменения технологии производства³, она делала упор на увеличении золотовалютных резервов за счет средств, взятых в кредит у международных сообществ и европейских стран. В результате принятие займов без проведения глубоких структурных реформ привело в долговую ловушку. Этой ошибки можно было бы и избежать, если бы Беларусь приняла решение создать резервный фонд с помощью нефтяного экспорта (Попкова, 2011).

На рис. 1 можно наблюдать рост задолженности Беларуси с 2000 по 2020 г.

³ Дашкевич В. Белорусская экономическая модель // Наше мнение. 2005, 27 июля. URL : <https://nmnby.eu/news/analytics/2433.html> (дата обращения : 21.03.2021).

К марту 2021 г. можно наблюдать постоянное увеличение государственной задолженности Беларуси. Согласно прогнозам, сумма общих выплат по внешнему долгу в 2021 г. будет варьироваться в районе 4,2 млрд долл. США. Однако нельзя отрицать и возможность увеличения задолженности, особенно учитывая ситуацию во всем мире в течение последнего года. Правительство Беларуси оценивают рост государственного долга до 40–45 % ВВП в 2021 г., причем законодательство допускает до 45 % ВВП.

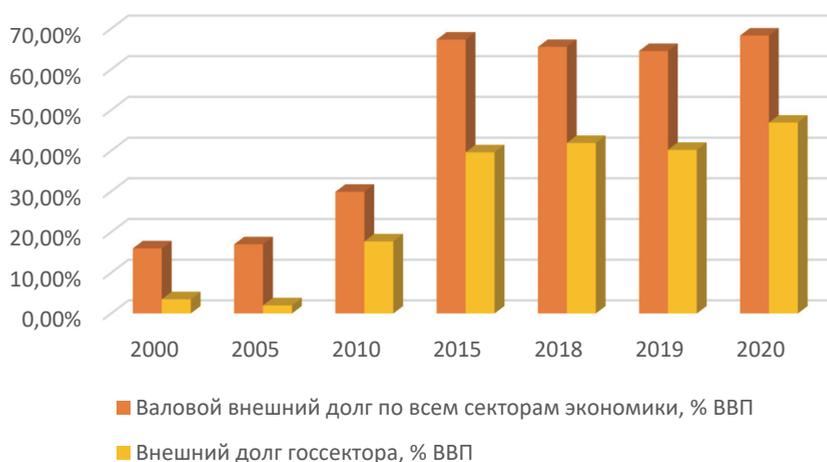

Рис. 1. Рост задолженности Белоруссии

Источник: составлено авторами на основе официального сайта Национального банка Республики Беларусь. URL : <https://www.nbrb.by/publications/balpay> (дата обращения : 21.03.2021).

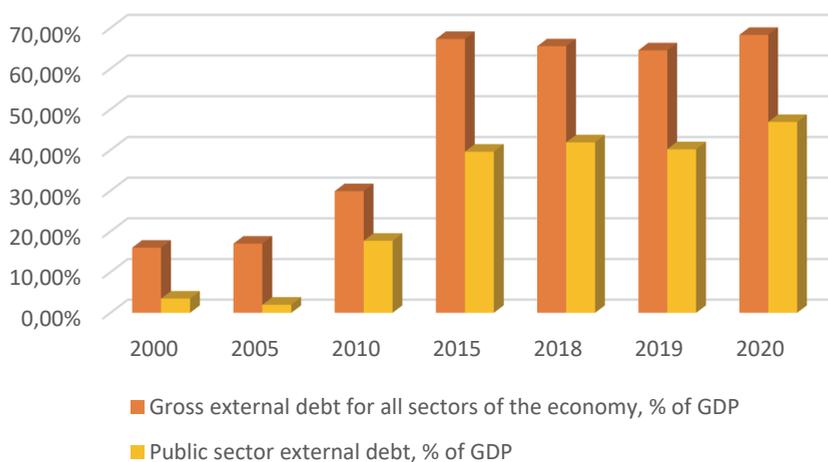

Figure 1. Belarus' debt growth

Source: compiled by the authors on the basis of the official website of the National Bank of the Republic of Belarus. Retrieved March 21, 2021, from <https://www.nbrb.by/publications/balpay>

Значительным ударом по экономике Беларуси стали пандемия COVID-19 и массовые политические протесты в стране, связанные с выборами прези-

дента в 2020 г., также серьезное воздействие оказала проблема поставки российской нефти (Панюсько, 2020).

Из этого следует, что увеличения задолженности избежать было невозможно. На рис. 2, видно, что основным кредитором страны является Россия. В августе 2020 г. Беларусь обратилась к России с просьбой рефинансировать государственный долг в размере 1 млрд долл. США, то есть почти ту же сумму, на которую выросла задолженность за полгода.

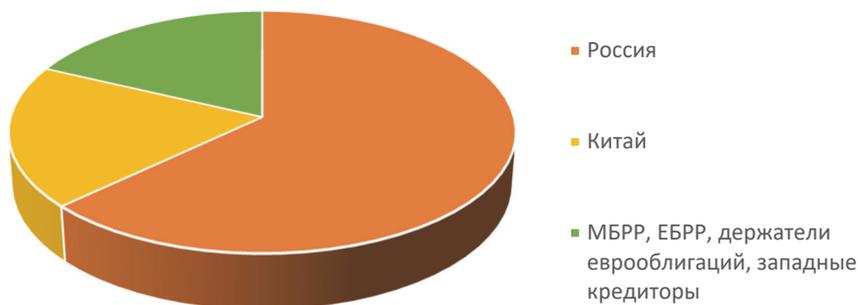

Рис. 2. Кредиторы Беларуси

Источник: составлено авторами на основе официального сайта Министерства финансов Республики Беларусь. URL : https://minfin.gov.by/special/ru/public_debt/pressreleases/8074d74891f14642.html (дата обращения : 21.03.2021).

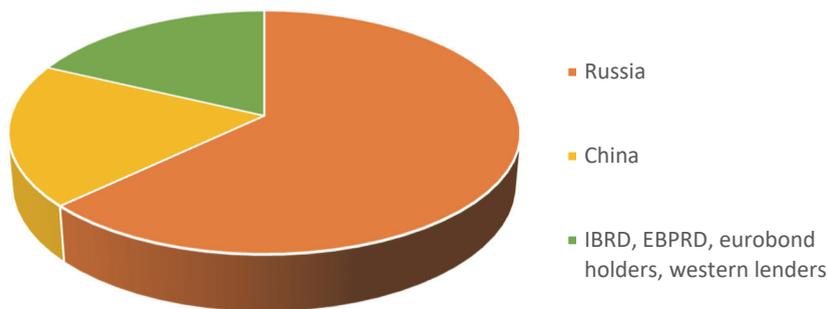

Figure 2. Creditors of Belarus

Source: compiled by the authors on the basis of the official website of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus. Retrieved March 21, 2021, from https://minfin.gov.by/special/ru/public_debt/pressreleases/8074d74891f14642.html

Беларусь сумела к концу 2020 г. поставить свой собственный исторический рекорд по внешней задолженности, уже тогда составившей 18,151 млрд долл.

США. Учитывая, что в 2021 г. будет осуществлен второй транш кредитования со стороны России в поддержку Беларуси, понесшей большие убытки из-за эпидемии и политических протестов, страна снова побьет рекорд задолженности.

Доктор экономических наук, директор Центра белорусских исследований Института Европы РАН Николай Межевич считает: «Миллиард долларов – это не самая гигантская сумма для двусторонних отношений государств, однако сейчас она является для Беларуси стратегически важной»⁴. Стоит отметить, что наличие других союзников страны остается под вопросом, в большей степени это связано с ограничениями из-за протестных движений, да и в принципе любой инвестор понимает, что не стоит инвестировать свои средства в государство с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией. В связи с падением курса рубля доверие к государству потеряли не только другие страны и международные объединения, но и сами граждане Беларуси. Они начали снимать свои сбережения со вкладов и депозитов, а затем переводить рубли в доллары, что явилось одной из причин падения рубля. Следовательно, страну может ожидать невозможность рефинансирования внешнего долга, снижение интереса к республике со стороны иностранных инвесторов, что повлечет сокращение международных кредитов и уменьшение возможности размещать еврооблигации на внешнем рынке по рыночной ставке.

Пока вся Европа наблюдала падение спроса на свою продукцию и в связи с этим сокращала производство, в Беларуси шел рост ВВП, так как для ее модели экономики не принято сокращать объем производства. Однако вся эта продукция накапливается и в будущем может привести к еще большим убыткам.

Катерина Борнукова, директор Центра экономических исследований (BEROC), отметила, что рост всей экономики Беларуси в будущем будет замедляться, поскольку государство пытается помочь государственным предприятиям поддерживать уровень выпуска на высоте, а за этим следуют убытки. Для их устранения государство выделяет кредиты, что обостряет риск возникновения кризиса⁵.

Говоря об упадке курса белорусской национальной валюты (в декабре 2020 г. девальвация белорусского рубля по доллару составила 22 %, по евро – 34 %), президент республики считает, что российский кредит станет отличной поддержкой белорусской экономики. На встрече с губернатором Новосибирской области в 2019 г. Лукашенко заявил, что сотрудничество с Беларусью необходимо и самой России.

На рис. 3 можно увидеть долю участия России во внешней торговле Беларуси, что подтверждает высказывание о необходимости для России сотрудничества с Беларусью (Глазьев, 2020). Однако российская финансовая поддержка для Беларуси более чем необходима, об этом свидетельствуют

⁴ Курманова Д. Почему Беларусь берет основные займы у России? // Sputnik. 2020, 29 августа. URL : <https://sputnik.by/20200829/Pochemu-Belarus-beret-osnovnye-zaymy-u-Rossii-1045580134.html> (дата обращения : 21.03.2021).

⁵ Александровская Б. Три месяца протестов и пандемия. Что будет с экономикой Беларуси? // Deutsche Welle. 2020, 11 ноября. URL : <https://www.dw.com/ru/tri-mesjaca-protestov-i-pandemija-chto-budet-s-jekonomikoj-belarusi/a-55557548> (дата обращения : 25.03.2021).

тот факт, что за 10 лет поддержки Беларуси со стороны РФ страна получила 424,9 млн долл. США списания белорусских долгов.

Нельзя забывать и про политическую составляющую «дружбы» России и Беларуси. Ситуацию в отношениях двух стран в настоящее время можно назвать сложной (Колода и др., 2019). Если «нефтяной конфликт» будет прогрессировать, разрыв экономических отношений неизбежен, обе страны понесут глобальные убытки, однако потери Беларуси будут существенно больше. Россия, понимая это, может в некотором роде манипулировать страной-союзником, например за счет увеличения цен на газ и нефть.

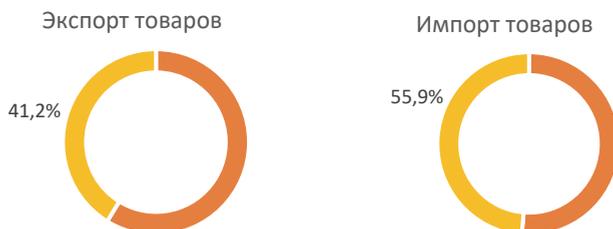

Рис. 3. Доля России в белорусской внешней торговле в 2019 году

Источник: составлено авторами на основе официального сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL : <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/> (дата обращения : 21.03.2021).

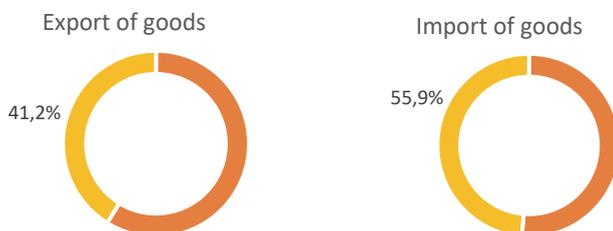

Figure 3. Russia's share in Belarusian foreign trade in 2019

Source: compiled by the authors based on the official website. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Retrieved March 21, 2021, from <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/>

Беларуси стоит понять, что хорошие отношения с Россией очень важны для ее экономики, однако только эти отношения не смогут спасти страну от роста внешней задолженности, поэтому ей следует встать на путь принятия более кардинальных решений по уменьшению суммы внешней задолженности.

В современном мире международное сообщество пришло к мнению, что поиск решения проблемы внешней задолженности является одинаково важным как для стран-кредиторов и стран-заемщиков, так и для коммерческих банков и различных финансовых образований. Эта важность обуславливается риском сокращения импорта, который будет вызван ограничением возможности всех стран в увеличении темпа роста (Ананьева, Наталуха, 2019). Следствием этого может стать полное фиаско мировой торговли, что

пагубно отразится на большинстве стран, которые не в состоянии обеспечить себя всеми необходимыми товарами (Попов, 2019).

На протяжении длительного периода (2015–2020 гг.) в экономике Беларуси наблюдается колебание совокупных выплат в районе 3 млн долл., продолжение которых ожидается и в будущем. Как бы государство ни пыталось выбраться из уз долга, а постоянное снижение курса национальной валюты по отношению к иностранным все больше усугубляет положение, ведь почти весь государственный долг находится в валюте.

Современная экономическая модель Беларуси, основанная на государственном регулировании экономики, «оттягивании» негативных социальных последствий, связанных с рыночными преобразованиями (Луцкая, 2019), отказ от использования процедуры банкротства в отношении предприятий государственной формы собственности, работающих в убыток, а также отказ от принудительного перевода финансово несостоятельных негосударственных предприятий в государственные демонстрирует необходимость ее трансформации, а также внесения дополнительного денежного капитала (в частности, это обуславливается невозможностью достижения высокого экономического роста и ее эффективности)⁶.

Заключение

В СМИ появилась информация, что в 2021 г. правительство Беларуси сохранит политику рефинансирования долга, что подразумевает получение новых кредитов для погашения ранее взятых. Стоит заметить, что в связи с крайне жестким белорусским графиком осуществления платежей по государственному займу данная мера регулирования долга в отношении масштабов экономики является вынужденной стратегией.

Для проведения мер по улучшения ситуации задолженности Беларуси необходима модернизация экспортной политики на возврат долга, причем усовершенствованная политика должна сочетаться и с другими инструментами, применяемыми в политике задолженности, например, реструктуризацией задолженности и ее списанием⁷. Таким образом, найти лучшее решение позволит исключительно комплексный подход к решению проблемы задолженности.

Список литературы

- Ананьева М.В., Наталуха С.Н.* Бюджетный дефицит и государственный долг : пути преодоления // Экономика и бизнес : теория и практика. 2019. № 7. С. 8–10. <http://dx.doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11065>
- Глазьев С.Ю.* Белорусский выбор // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3 (33). С. 11–25. <http://dx.doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-11-25>
- Гуляева О.С., Уманская В.Г.* Государственный долг: сущность, последствия и возможность погашения // Экономический вестник университета. 2016. № 29–1. С. 222–229.

⁶ *Дашкевич В.* Белорусская экономическая модель // Наше мнение. 2005, 27 июля. URL : <https://nmbny.eu/news/analytics/2433.html> (дата обращения : 21.03.2021).

⁷ *Александровская Б.* Три месяца протестов и пандемия. Что будет с экономикой Беларуси? // Deutsche Welle. URL : <https://www.dw.com/ru/tri-mesjaca-protestov-i-pandemija-chto-budet-s-jekonomikoj-belarusi/a-55557548> (дата обращения : 25.03.2021).

- Колода С.А., Эпштейн В.А., Вильчинский А.С. Двусторонние отношения России и Белоруссии на современном этапе // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 44–53. <http://dx.doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10005>
- Луцкая Е.Е. Финансовая система Белоруссии: проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2 : Экономика. 2019. № 3. С. 111–116.
- Панюсько А.С. Влияние пандемии COVID-19 на экономику Республики Беларусь и экономику развитых стран // Архивариус. 2020. № 4 (49). С. 55–56.
- Попкова А.С. Анализ валового внешнего долга Беларуси на основе данных платежного баланса страны // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D : Экономические и юридические науки. 2011. № 5. С. 9–17.
- Попов Н.Е. Механизмы урегулирования проблемной задолженности // Инновации и инвестиции. 2019. № 12. С. 161–164.

References

- Ananyeva, M.V., & Natalukha, S.N. (2019). Budget deficit and public debt: Ways to overcome it. *Economics and Business: Theory and Practice*, (7), 8–10. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11065>
- Glazyev, S.Yu. (2020). Belarusian choice. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 3(33), 11–25. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-11-25>
- Gulyaeva, O.S., & Umanskaya, V.G. (2016). State debt: The essence, consequences and the possibility of repayment. *Economic Bulletin of the University*, (29–1), 222–229. (In Russ.)
- Koloda, S.A., Epstein, V.A., & Vilchinsky, A.S. (2019). Bilateral relations of Russia and Belarus at the present stage. *The World of Russian-Speaking Countries*, 2(2), 44–53. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10005>.
- Lutskaaya, E.E. (2019). The financial system of Belarus: problems and prospects of development. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 2: Economics*, (3), 111–116. (In Russ.)
- Panyusko, A.S. (2020). The impact of the COVID-19 pandemic on the economy of the Republic of Belarus and the economy of developed countries. *Archivarius*, 4(49), 55–56. (In Russ.)
- Popkova, A.S. (2011). Analysis of the gross external debt of Belarus on the basis of the country's balance of payments data. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences*, (5), 9–17. (In Russ.)
- Popov, N.E. (2019). Mechanisms of problem debt settlement. *Innovations and Investments*, (12), 161–164. (In Russ.)

Сведения об авторах / Bio notes

Грачева Анна Дмитриевна, студентка, факультет экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. E-mail: ann.gracheva05.12@gmail.com

Anna D. Gracheva, student, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: ann.gracheva05.12@gmail.com

Мирошина Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. E-mail: [easila@yandex.ru](mailto: easila@yandex.ru)

Elena A. Miroshina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: [easila@yandex.ru](mailto: easila@yandex.ru)

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-490-501

УДК 339

Научная статья / Research article

Инвестиционное сотрудничество России и Индии

Р.В. Маньшин^{1,2✉}, А.Л. Гафари¹

¹Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,

Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

✉ manshin-rv@rudn.ru

Аннотация. Анализируется длительное партнерство России и Индии в области инвестиций. Данное сотрудничество имеет важное стратегическое значение не только для развития обеих стран, но и для решения проблем на глобальном уровне. В мире в настоящее время происходят масштабные изменения, затрагивающие самые разные сферы общественной жизни. На основании российской и индийской статистики, а также статистики международных организаций сделаны выводы о распределении прямых иностранных инвестиций России и Индии, указано на их различное положение в международном движении капитала и неравномерном распределении. Приведены примеры конкретных инвестиционных проектов между ТНК двух стран. Обоснованы перспективы инвестиционного сотрудничества двух стран. Цель исследования – изучить инвестиционное сотрудничество России и Индии. Теоретической базой послужили работы зарубежных и российских авторов, посвященные вопросам социально-экономического положения развивающихся стран, а именно экономического развития Индии и российско-индийских отношений. В работе использовались методы анализа и сравнения теоретических положений, а также методы статистической и аналогической аналогии, экспертных оценок. Установлено, что наиболее интересными для индийской экономики являются такие проекты, как добыча нефти и других полезных ископаемых, сфера строительства, торговли, недвижимости. Для России особый инвестиционный интерес представляют сферы обрабатывающего производства и торговли, а также финансовый сектор.

Ключевые слова: инвестиции, сотрудничество, Прямые иностранные инвестиции, план, привлечение

История статьи: поступила в редакцию 27 марта 2021 г.; проверена 10 апреля 2021 г.; принята к публикации 10 июня 2021 г.

Для цитирования: Маньшин Р.В., Гафари А.Л. Инвестиционное сотрудничество России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 490–501. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-490-501>

© Маньшин Р.В., Гафари А.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Investment cooperation between Russia and India

Roman V. Manshin^{1,2✉}, Abdul Latif Ghafari¹

¹People's Friendship University of Russia, (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi St, bldg 1, Moscow, 119333, Russian Federation

✉ manshin-rv@rudn.ru

Abstract. The long-term cooperation between Russia and India in the investment field is analyzed. This cooperation is of great strategic importance not only for the development of these countries, but also for solving problems at the global level. The world is currently undergoing large-scale changes affecting various spheres of public life. On the basis of Russian and Indian statistics, as well as statistics of international organizations, conclusions are drawn about the uneven distribution of foreign direct investment between Russia and India, and their different position in the international movement of capital is indicated. Examples of specific investment projects between TNCs of the two countries are given. Prospects for investment cooperation between the two countries have been substantiated. The purpose of this research is to study investment cooperation between Russia and India. The theoretical basis of the study was the works of Russian and foreign authors, which examine the issues of the socio-economic situation of developing countries, and in particular, the economic development of India and Russian-Indian relations. The work used methods of analysis and comparison of theoretical positions, as well as methods of statistical and analogy, expert assessments. It was found that the most interesting projects for the Indian economy are the extraction of oil and other minerals, construction, trade, and real estate. For Russia, the sphere of manufacturing is of particular investment interest, as well as the sphere of trade and the financial sector.

Keywords: investment, cooperation, foreign direct investment, plan, attraction

Article history: received 27 March 2021; revised 10 April 2021; accepted 10 June 2021.

For citation: Manshin, R.V., & Ghafari, A.L. (2021). Investment cooperation between Russia and India. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 490–501. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-490-501>

Введение

Международное инвестиционное сотрудничество – тип партнерских отношений, объединяющих в себе совместные усилия двух или более государств. В результате проводится разделение труда между государствами, обновляется экономическая структура участвующих производств.

Российско-индийское инвестиционное сотрудничество регулируется Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о торговле и экономическом сотрудничестве, закрепленным 4 мая 1992 г. В нем зафиксирован режим наибольшего благоприятствования во взаимном инвестиционном сотрудничестве. На сегодняшний день выработалась обширная договорно-правовая база, а также разработаны институциональные механизмы сотрудничества на уровне правительств двух стран и по линии деловых кругов.

Следует отметить такие институциональные механизмы, как Российско-индийский форум по торговле и инвестициям, Российско-индийский деловой совет, Российско-индийская межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и ее рабочие группы и др. Интенсивно функционируют между собой различные торгово-промышленные палаты и союзы предпринимателей.

Российско-индийское партнерство имеет стратегический и привилегированный характер в рамках Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640. Приоритетным является укрепление взаимовыгодных двусторонних связей в торгово-экономической сфере. Одним из стратегических направлений деятельности Российского экспортного центра является развитие торгово-экономических отношений Индией и Россией, что подчеркнул в своем выступлении генеральный директор Российского экспортного центра на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2019 г.

Обзор литературы

В процессе исследования использовались аналитические доклады, средства массовой информации, а также публикации зарубежных и отечественных исследователей.

Для России в нынешних условиях существенно усиливается роль индийского капитала в форме прямых иностранных инвестиций, возрастает отраслевая диверсификация и расширяется присутствие индийских инвесторов в регионах России. Также происходит изучение и освоивание проектов российскими инвесторами на территории Индии, как отмечает в своих работах В.Г. Кандалицев, Ю.А. Коновалова, Н.В. Галищева.

В работе «Перспективы российско-индийского инвестиционного сотрудничества» Т.В. Ахмадулина и В.М. Распопов выделяют приоритетные сферы и имеющиеся ограничения инвестиционного сотрудничества России и Индии. Например, в области энергетики имеется неудовлетворенный спрос на российские нефть и природный газ. Индия – пятая страна в мире по количеству производимой и потребляемой энергии. Совокупный спрос к 2022 г. оценивается в размере 1905 ТВт. Не существует ограничений с индийской стороны на прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в производство электроэнергии, ее передачу и распределение. Практически отсутствуют ограничения в нефтегазовом секторе и добыче, за исключением нефтепереработки на предприятиях государственного сектора (лимит ПИИ – 49 % с одобрения правительства).

О.А. Мальцева и Е.Д. Дружкин в работе «Перспективы индийских прямых инвестиций в российской экономике» отмечают, что в современных условиях значение индийского капитала в виде прямых инвестиций для России значительно возрастает, ее региональное присутствие прогрессивно расширяется, охватив более двадцати российских регионов, углубляется отраслевая диверсификация индийских вложений. Интерес к России со стороны малых и средних высокотехнологичных компаний Индии значительно воз-

рос, что способствует инновационному развитию регионов России. Эти замечательные изменения в движении индийских капиталов внесут значительный вклад в укрепление экономического сотрудничества между двумя странами.

Методы и подходы

В исследовании использовались статистический, сравнительно-типологический и аналитический методы. В целом использованные статистические данные и анализ работ в исследовании становятся источником теоретических выводов и обеспечивают достоверность полученных результатов.

Результаты

Прямые инвестиции из Индии в экономику России составили 42,3 млрд долл. США, что больше по сравнению с предыдущим годом, когда ПИИ составляли 39,9 млрд долл. США (табл. 1). Такой рост притока индийских инвестиций повлекли за собой смягчения ограничений для ПИИ в некоторых отраслях (в том числе в сфере авиатранспорта, электроэнергетики и розничной торговли).

По данным официальных источников прогнозируется, что ПИИ в экономику Индии могут увеличиваться до 75 млрд долл. США ежегодно в течение ближайших 5 лет. Однако правительство Индии намеревается довести эти объемы до 100 млрд долл. США за два года (Ахмадулина, Распопов, 2016).

Таблица 1

Прямые инвестиции в экономику России и Индии, млн долл. США

Страна	2016	2017	2018	2019
Индия	44 064,1	44 480,6	39 903,8	42 285,7
Россия	11 857,8	37 175,8	25 953,5	13 332,4

Источник: составлено на основании данных Евразийской экономической комиссии и Индийского совета по глобальным отношениям (Gateway House). URL : <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения : 25.03.2021)

Table 1

Direct investment in the Russian and Indian economies, USD million

Country	2016	2017	2018	2019
India	44 064.1	44 480.6	39 903.8	42 285.7
Russia	11 857.8	37 175.8	25 953.5	13 332.4

Source: compiled on the basis of data from the Eurasian Economic Commission and the Indian Council on Global Relations (Gateway House). Retrieved March 25, 2021, from <http://eec.eaeunion.org/>

Стоит отметить, что в 2016 г. Правительство Индии упростило некоторые условия для инвесторов. В соответствии с новыми правилами, возможная доля прямых иностранных инвестиций в оборонных отраслях увеличивается с 49 до 100 %, а в авиакомпаниях – с 74 до 100 %. Кроме этого, прямые иностранные инвестиции смогут достигать 100 % в капитале компаний по производству продуктов питания и других компаний и 74 % в фармацевтических компаниях¹.

¹ Генконсул Индии рассказал об инвестициях в нефтегазовый сектор России // РИА Новости. 2020, 1 января. URL : <https://ria.ru/20200101/1563058790.html> (дата обращения : 10.01.2021).

В 2019 г. объемы прямых иностранных инвестиций в России составили 13,3 млрд долл. США, что в два раза ниже показателя 2018 г. (табл. 1). Аналитики связывают это с общей тенденцией к снижению притока ПИИ на развивающиеся рынки. Они отводят основную роль в ухудшении динамики притока ПИИ в Россию инвестициям в небанковский сектор. Снижение ПИИ в России ограничивает возможности экономического роста страны (рис. 1).

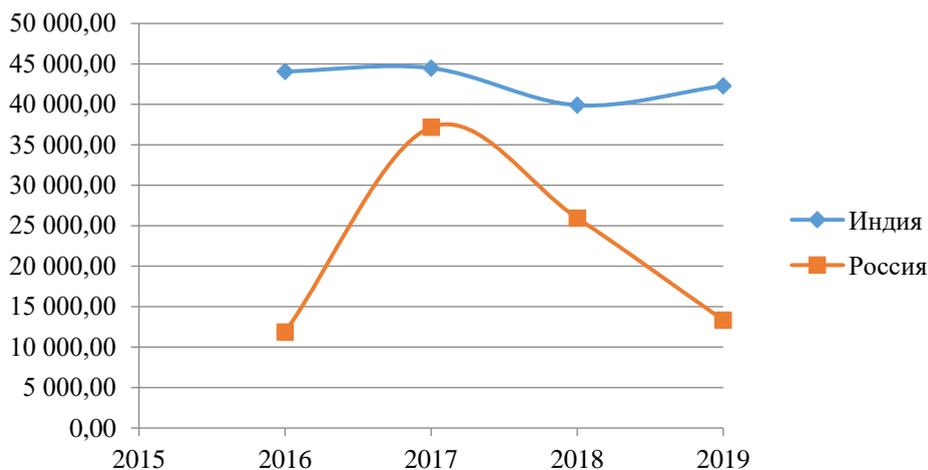

Рис. 1. Прямые инвестиции в экономику России и Индии, млн долл. США

Источник: составлено авторами по данным Евразийской экономической комиссии. URL : <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения : 25.03.2021).

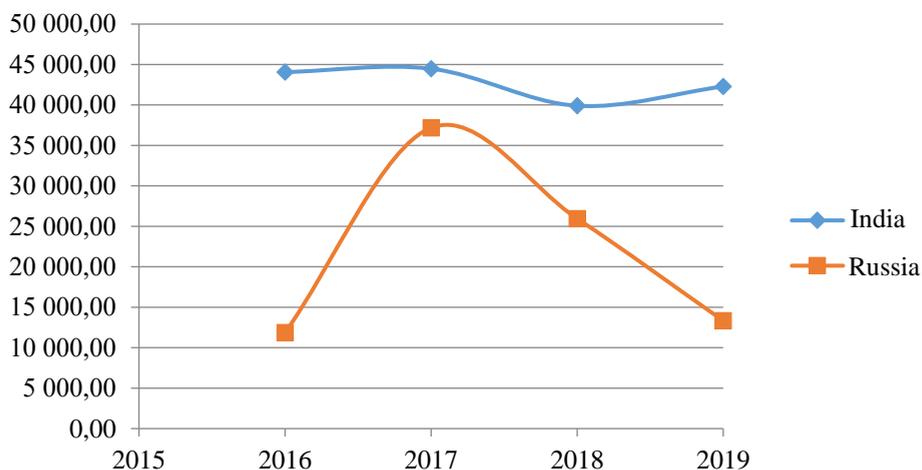

Figure 1. Direct investments in the economies of Russia and India, million USD

Source: compiled on the basis of data from the Eurasian Economic Commission. Retrieved March 25, 2021, from <http://eec.eaeunion.org/>

В отношениях России и Индии ключевую роль играют нефтяная промышленность и атомная энергетика. От всего индийского импорта на долю России приходится меньше 1 % энергоресурсов (общая сумма поставок составляет менее 1 млрд долл.). Для укрепления российско-индийского со-

трудничества в сфере торговых отношений также важное значение имеют такие направления, как поставки СПГ, транспортные средства на природном газе, ВИЭ (табл. 2)².

На сегодняшний день компании Индии уже вложили внушительные суммы в нефтяные месторождения России. Общая сумма таких инвестиций составляет 10 млрд долл.

Россия для крупнейшей индийской электростанции поставляет технологии для проекта АЭС «Куданкулам», а также ядерное топливо.

Таблица 2

Инвестиции Индии в нефтегазовую отрасль России

Наименование проекта	Индийский партнер	Доля, %
«Сахалин-1»	OVL	20
«Империял Энерджи»	OVL	100
Лицензия № 61	OIL-IOC	50
«Ванкорнефт»	OVL, BPCL, OIK-IOC	49
«Таас-Юрях»	BPCL, OIL-IOC	29,9

Источник: составлено авторами по данным Индийского совета по глобальным отношениям (Gateway House). URL : <https://www.gatewayhouse.in/> (дата обращения : 20.03.2021).

Table 2

India's investment in the Russian oil and gas industry

Project	Indian partner	Share, %
Sakhalin-1	OVL	20
Imperial Energy	OVL	100
License No 61	OIL-IOC	50
Vankorneft'	OVL, BPCL, OIK-IOC	49
Taas-Yuriah	BPCL, OIL-IOC	29.9

Source: compiled on the basis of data from the Indian Council on Global Relations (Gateway House). Retrieved March 20, 2021, from <https://www.gatewayhouse.in/>

Расширение сотрудничества в торгово-экономическом направлении между Россией и Индией является основным приоритетным направлением для политического руководства двух стран, которые планируют увеличить двусторонние инвестиции до 50 млрд долл. США и товарооборота до 30 млрд долл. США к 2025 г. Товарооборот в 2019 году составил 11,16 млрд долларов США, при этом экспорт Индии составил 3,92 млрд долл., а экспорт России – 7,24 млрд долл. (Кандалинцев, 2015).

Развитию экономического сотрудничества способствует ряд механизмов на правительственном и неправительственном уровнях. Индийско-российская межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству руководствуется экономическим сотрудничеством на межгосударственном уровне, Индо-российский форум по торговле и инвестициям и Совет директоров Индии и России пре-

² ЕАЭС и страны Евразийского континента : мониторинг и анализ прямых инвестиций. 2017. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. URL : <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evraziyskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017/> (дата обращения : 25.02.2021).

вратились в платформы для облегчения прямого B2B взаимодействия между двумя странами.

В соответствии с решением, принятым на 19-м Двустороннем саммите, был учрежден индийско-российский стратегический экономический диалог (IRSED) для установления партнерских отношений, обмена опытом в области разработки экономической политики, регулярного взаимодействия и сотрудничества между двумя странами.

Индия также рассматривает возможность заключения Соглашения о свободной торговле/Соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве с ЕАЭС. Евразийский экономический союз является одним из новых важных экономических блоков, и Индия стремится к более тесному взаимодействию с Россией и странами СНГ для дальнейшей активизации торгово-экономического сотрудничества с регионом (Мальцева, Дружкин, 2020).

В настоящее время Индия является довольно динамично развивающейся страной, у которой повышаются потребности в конкурентоспособной продукции.

Активное развитие индустриализации вызывает необходимость в получении больших объемов энергетической мощности. Поэтому для Индии в настоящее время являются востребованными поставки энергетического оборудования. Интерес для страны представляют, как традиционные, так и нетрадиционные источники энергии.

Оценки наиболее авторитетных национальных и международных центров прогнозирования подтверждают продолжающийся значительный рост энергопотребления в Индии. Таким образом, в *World Energy Outlook 2019* отмечается, что общее потребление энергии в Индии составит 1,84 млрд т нефтяного эквивалента в 2040 году против 916 млрд т нефти в 2018 г., то есть удвоится. В текущем стратегическом сценарии данного исследования ожидается дальнейший рост – до 2,06 млрд т нефтяного эквивалента.

При сценарии устойчивого развития, который соответствует идеологии энергетического перехода, прогнозируется, что к 2040 г. потребление энергии в стране вырастет до 1,29 млрд т нефтяного эквивалента, то есть в 1,4 раза.

Во всех сценариях *World Energy Outlook 2019* будет продолжаться значительный рост потребления нефти и природного газа, а в базовом сценарии, и тем более в текущем политическом сценарии, также будет сохранен уголь. В то же время возрастет зависимость Индии от импорта основных энергоресурсов. Таким образом, к 2040 г. эксперты МЭА ожидают, что доля импорта в потреблении нефти достигнет 92 % (рис. 2), в потреблении природного газа – от 59 % в исходном сценарии до 74 % в сценарии устойчивого развития, в потреблении угля (в зависимости от сценария) – от 35 до 38% (Мастепанов, 2019).

Российский газ – важный фактор в обеспечении энергетической безопасности Индии. В настоящее время СПГ в Индию поставляют «НОВАТЭК» и «Газпром». Дочерняя компания Газпрома, *Gazprom Marketing and Trading Singapore*, в октябре 2012 г. подписала контракт с индийской государственной компанией GAIL на поставку 2,5 млн т СПГ в год в течение 20 лет. Позднее условия контракта были изменены: GAIL обязалась закупить на

6 млн т СПГ больше, чем было согласовано изначально. Контракт также был продлен до 23 лет.

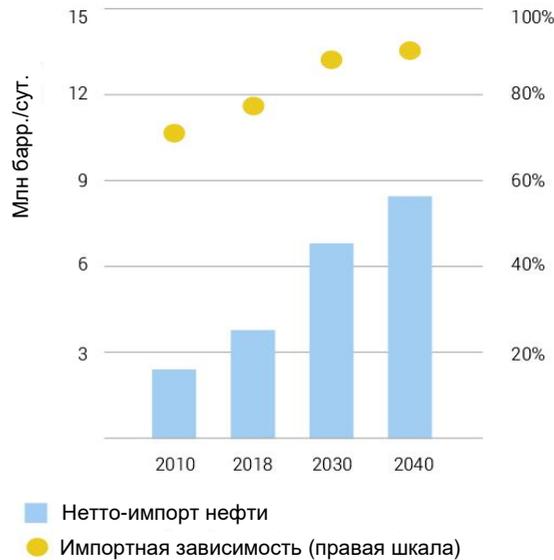

Рис. 2. Динамика нетто-импорта нефти Индией и ее импортная зависимость от нефти в Базовом сценарии WEO-2019

Источник: составлено по материалам аналитического доклада «Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 г.». URL : <https://mgimo.ru/upload/iblock/022/russia-v-mdk-2018-nach-2019.pdf> (дата обращения : 20.04.2021).

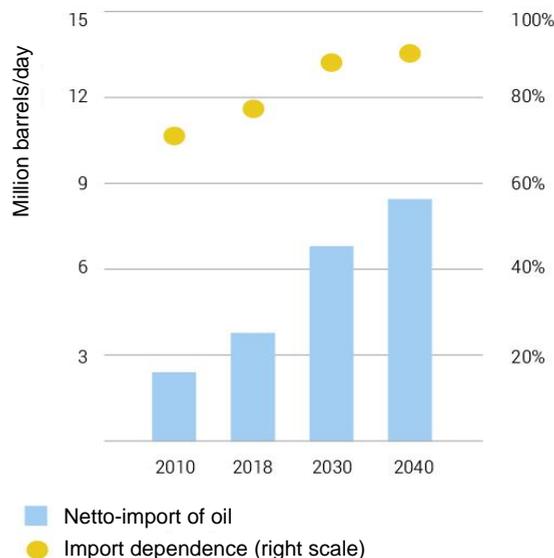

Figure 2. Dynamics of India's net oil imports and its import dependence on oil in the WEO 2019 Baseline Scenario

Source: Compiled based on the materials of the analytical report “Russia in the international capital movement in 2018 – early 2019.” Retrieved April 20, 2021, from <https://mgimo.ru/upload/iblock/022/russia-v-mdk-2018-nach-2019.pdf>

Первая партия продукции по контракту была получена уже в июне 2018 г. В 2019 г. российской компанией «Газпром» было поставлено в Индию 1,1 млрд м³ сжиженного газа. Также в этот период Индия производила закупки сжиженного газа в США в общем объеме 2,6 млрд м³.

С 2019 г. Индия стала также проявлять интерес к поставкам СПГ с российского Дальнего Востока и арктического шельфа. Для импорта СПГ в настоящее время является препятствием слабо развитая инфраструктура.

Также Индия имеет потребность в российской сельскохозяйственной технике. В частности, стране требуется оборудование для обработки и переработки сельскохозяйственной продукции.

Сегодня в Индии действуют программы, направленные на стимулирование экологической фермерской деятельности. Для реализации данной цели фермерам потребуются органические удобрения. Поэтому Россия также имеет перспективы увеличить объемы поставок по данной продукции.

В Индии имеются серьезные проблемы с экологической обстановкой, в связи с чем правительство стало уделять повышенное внимание решению проблем, связанных с загрязнением природных объектов.

Так, в рамках программы «Чистая Индия» в качестве одного из приоритетных направлений названо внедрение и развитие технологий в сфере переработки твердых отходов, контроля за загрязнением воздуха и воды, а также их очистки. Важным направлением в данной сфере является развитие инноваций для преобразования отходов в энергию.

Также следует отметить, что в Индии активно развивается инфраструктура (аэропорты, автодороги, линейные объекты (трубопроводы и газопроводы)). Соответственно, повышается потребность в осуществлении контроля за ними. В этой связи повышается спрос на системы видеонаблюдения, распознавания и т. д. Развиваются в стране и внутренние водные пути, что приводит к появлению необходимости в развитии портовой инфраструктуры. Увеличивается интерес к проведению арктических исследований. Также в стране востребованы системы связи и автоматики, системы спутниковой навигации, проектирование подводной робототехники и нефтедобывающих платформ.

Таким образом, Россия и Индия являются стратегическими партнерами в торговых отношениях. На основе проведенного анализа можно прийти к выводу, что данное сотрудничество основывается на доверии и взаимном уважении (Абанна и др., 2018).

В настоящее время на территории России и Индии уже реализуется несколько крупных бизнес-проектов, созданных на основе сотрудничества данных стран. В частности, это проекты в углеводородной сфере, химической промышленности, фармацевтике.

Индийские компании также принимают участие в таких крупных нефтегазовых проектах, как «Сахалин-1», «Ванкорнефть», «Таас-Юрях Нефтегазодобыча». Кроме этого, межгосударственное сотрудничество осуществляется и в области атомной энергетики.

В целях развития инвестиционного взаимодействия российские компании стремятся вступить в отношения для реализации проектов в сфере автомобилестроения, авиастроения, фармацевтики, металлургии.

Инвестиции в инфраструктуру должны стать важным аспектом финансового и банковского сотрудничества России и Индии. Ключевая задача на ближайшее время – привлечение частных инвестиций в инфраструктуру через государственно-частное партнерство.

Восприятие отношений с Индией как само собой разумеющихся долгое время оставалось отличительной чертой российской внешней политики. Индия рассматривалась в качестве партнера на многосторонних площадках, в то время как двусторонние связи во многом обесценились. Для достижения всеобъемлющего партнерства обе стороны должны быть экономически сильными. Только здоровое состояние экономики может стимулировать двусторонние связи, торговлю, туризм и отношения между людьми на различных уровнях.

Как для России, так и для Индии российско-индийские отношения имеют самостоятельное значение. Исторически сложилось так, что интересы Индии в глобальном и региональном масштабе чаще сходились и совпадали с интересами России, а не других великих держав (Булатов и др., 2019).

Радикальные политические и экономические изменения в России и Индии, общее изменение мировой ситуации не могли не внести новые нюансы и акценты в российско-индийские отношения. Показательно, что сегодня и Москва, и Нью-Дели говорят не столько о дружбе и сотрудничестве в отношениях, сколько о привилегированном стратегическом партнерстве.

Стратегическое развитие этого партнерства свидетельствует о взаимодействии двух стран по основным вопросам международной политики, а вне политики значимым является российско-индийское сотрудничество в области энергетики, в том числе ядерное и военно-техническое, а также в сфере мирного освоения космоса.

Импортируя треть потребляемых нефти и газа, Индия вкладывает большие средства в разработку энергоресурсов России. Это особенно актуально для России в настоящее время, когда из-за введенных западных санкций западные компании не могут на законных основаниях участвовать в новых российских нефтегазовых проектах, в том числе в Арктике. Индии срочно необходимо развитие ядерной энергетики, и сегодня Россия – единственное иностранное государство, которое строит атомные электростанции в Индии. Россия приняла это важное решение в пользу страны, не являющейся участником Договора о нераспространении ядерного оружия, потому что доверяет Индии и дорожит ее объединением. Россия поддерживает вступление Индии в Группу ядерных поставщиков.

Заключение

Российско-индийское партнерство – неотъемлемая часть глобальных и региональных процессов. Сегодня мир стоит на границе перехода к новому порядку с многоцентричной политической системой и мультивалютной системой экономики. Такой порядок, по всей видимости, должен гарантировать взаимное уважение и равенство интересов стран в политике, общую и взаимную выгоду, как в экономике, так и во взаимном обогащении, в сфере безопасности, культуры, взаимного доверия и сотрудничества, а также об-

щую ответственность в глобальных вопросах. Особо привилегированное российско-индийское стратегическое партнерство призвано внести значительный вклад в построение такого мирового порядка.

Список литературы

- Абанина И.Н., Данилов Р.А., Дерябина Н.Н. и др. Международная торговля : проблемы и перспективы : монография / под ред. М.Б. Медведевой. М. : Научная библиотека, 2018. 238 с.
- Ахмадулина Т.В., Распопов В.М. Перспективы российско-индийского инвестиционного сотрудничества // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 8. С. 112–124.
- Булатов А.С., Квашинин Ю.Д., Кузнецов А.В. и др. Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 года: аналитический доклад / под ред. А.С. Булатова. М. : МГИМО-Университет, 2019. 59 с.
- Галищева Н.В., Ильичева Ю.А. Особенности инвестиционного сотрудничества Индии со странами АСЕАН на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. 2020. Т. 28. № 2. С. 288–299. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-288-299>
- Кандалинцев В.Г. Индия: инвестиционный климат и приток ПИИ // Восточная аналитика. 2015. № 2. С. 35–47.
- Коновалова Ю.А. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе // Наукоедение. 2015. Т. 7. № 2 (27). С. 39.
- Коновалова Ю.А. Россия – Индия : особенности взаимной торговли на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. 2017. Т. 25. № 3. С. 295–308. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-295-308>
- Коновалова Ю.А. Россия – Индия : сотрудничество в 21 веке : монография. М. : Экон-Информ, 2017. С. 251.
- Мальцева О.А., Дружкин Е.Д. Перспективы индийских прямых инвестиций в российской экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. 2020. Т. 28. № 2. С. 254–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-254-272>
- Мастепанов А.М. Энергетический переход: к чему готовиться мировому нефтегазу // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 10 (178). С. 5–14.

References

- Abanina, I.N., Danilov, R.A., Deriabina, N.N., et al. (2018). *International trade: Problems and prospects* (M.B. Medvedeva, Ed.). Moscow: Nauchnaya Biblioteka Publ. (In Russ.)
- Akhmadulina, T.V. (2016). Prospects for Russian-Indian investment cooperation. *Russian Foreign Economic Bulletin*, (8), 112–124. (In Russ.)
- Bulatov, A.S., Kvashnin, Y.D., Kuznetsov, A.V., et al. (2019). *Russia in the international movement of capital in 2018 – early 2019: Analytical report* (A.S. Bulatov, Ed.). Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
- Galistcheva, N.V., & Illicheva, Y.A. (2020). Special aspects of investment cooperation between India and ASEAN countries in the modern period. *RUDN Journal of Economics*, 28(2), 288–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-288-299>
- Kandalintsev, V.G. (2015). India: Investment climate and FDI inflows. *Eastern Analytics*, (2), 35–47. (In Russ.)
- Konovlova, Yu.A. (2015). Present condition of Russia and India trade and economic cooperation. *Naukovedenie*, 7(2(27)), 39. (In Russ.)

- Konovalova, Yu.A. (2017) Russia – India: Modern features of common trade. *RUDN Journal of Economics*, 25(3), 295–308. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-3-295-308>
- Konovalova, Yu.A. (2017). *Russia – India: Cooperation in 21th century* (p. 251). Moscow: Econ-Inform Publ. (In Russ.)
- Maltseva, O.A., & Druzhkin, E.D. (2020). Prospects of Indian direct investment in the Russian economy. *RUDN Journal of Economics*, 28(2), 254–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-254-272>
- Mastepanov, A.M. (2019). Energy transition: What to prepare for the global oil and gas. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*, (10(178)), 5–14. (In Russ.)

Сведения об авторах / Bio notes

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук. E-mail: manshin-rv@rudn.ru

Roman V. Manshin, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of International Economics, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); leading researcher, Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. E-mail: manshin-rv@rudn.ru

Гафари Абдул Латиф, магистр, кафедра международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: Latifghafari@gmail.com

Abdul Latif Ghafari, master's degree in the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples Friendship University of Russia. E-mail: Latifghafari@gmail.com

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-502-509

UDC 339

Research article / Научная статья

The Indian Republic in the global energy markets

Nikolay P. Gusakov, Yulia A. Konovalova , Sayar Akhmad Reshad

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*
 konovalova_yua@pfur.ru

Abstract. Energy is an integral part of the economic security of any state, and it is more complex, the lower the degree of provision with its mineral resources and the higher the number of the population living in the country. Being the undisputed world leaders in terms of population (1.4 billion people and 1.3 billion people), China and India are concerned about ensuring the energy security of their national economies. According to the latest forecasts formed by the International Energy Agency, by 2040, these two countries will become world leaders in terms of imports of mineral products (in this case: crude oil and natural gas). China is the world leader in exporting goods; India is implementing an economic and industrial policy to turn the country into a world manufacturing hub. In this regard, providing countries with energy resources is one of the most critical tasks. At the same time, a significant problem is a dependence on regular supplies of raw materials and world prices for energy carriers. Respectively, countries should pursue a policy of diversification of suppliers of mineral products. The subject of this study is the Republic of India and its position in the world energy markets; issues of energy security and energy policy are also highlighted.

Keywords: India, energy security, crude oil, natural gas, mineral resources, economic security

Article history: received 12 April 2021; revised 25 May 2021; accepted 10 June 2021.

For citation: Gusakov, N.P., Konovalova, Yu.A., & Reshad, S.A. (2021). The Indian Republic in the global energy markets. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 502–509. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-502-509>

Индийская Республика на мировых рынках энергетических ресурсов

Н.П. Гусаков, Ю.А. Коновалова , А.С. Решад

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
 konovalova_yua@pfur.ru

Аннотация. Энергетическая безопасность является неотъемлемой частью экономической безопасности любого государства, и ее обеспечение тем сложнее, чем ниже степень обеспеченности собственными минеральными ресурсами и выше численность

проживающего в стране населения. Китай и Индия, являясь безоговорочными мировыми лидерами по численности населения (1,4 и 1,3 млрд чел. соответственно), озабочены обеспечением энергетической безопасности национальных экономик. По последним прогнозам, сформированным Международным энергетическим агентством, к 2040 г. указанные страны станут мировыми лидерами по показателю импорта минеральной продукции (в данном случае сырой нефти и природного газа). Китай – мировой лидер по экспорту товаров, в Индии реализуется экономическая и промышленная политика по превращению страны в мировой производственный хаб, в этой связи обеспечение стран энергетическими ресурсами одна из важнейших задач. Одновременно с этим важной проблемой является зависимость от регулярных поставок сырья и мировых цен на энергоносители, соответственно, страны должны проводить политику диверсификации поставщиков минеральной продукции. Предметом исследования стали Республика Индия и ее положение на мировых рынках энергетических ресурсов; освещаются также вопросы энергетической безопасности и проводимой в области энергетики политики.

Ключевые слова: Индия, энергетическая безопасность, сырая нефть, природный газ, минеральные ресурсы, экономическая безопасность

История статьи: поступила в редакцию 12 апреля 2021 г.; проверена 25 мая 2021 г.; принята к публикации 10 июня 2021 г.

Для цитирования: *Gusakov N.P., Kononova Yu.A., Reshad S.A.* The Indian Republic in the global energy markets // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 502–509. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-502-509>

Introduction

Despite the reasonably broad and complete coverage of world energy markets and energy security in modern economic literature, many countries are insufficiently considered in scientific research. Among the Russian specialized institutes in whose scientific interests the Indian Republic falls, one can single out the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the work of the Center for Indian Studies under T.L. Shumyan (Shaumyan, 2020; Mal'yarov, 2014). Scientific research of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences is also devoted to the Indian Republic (Bragina, 2020). The works of N.V. Galisheva, an employee of the MGIMO University, are devoted to the Indian economy (Galisheva, 2019, 2020). The Peoples' Friendship University of Russia also has many studies, the subject area of which is the Indian Republic, its role and place in the world economy, as well as in the system of trade and economic relations with the Russian Federation (Kononova, 2018, 2021; Gusakov, Kononova, 2017). Economic and foreign economic security issues were reflected in the works of the scientific, economic school of such authors as I.V. Andronova, N.P. Gusakov, N.A. Zotova.

Methods

The tools used in this work seem to the authors to be quite logical and straightforward, since it is associated with traditional survey analytical methods, such as deduction, induction, retrospective. The study's primary purpose is to identify the degree of importance and interconnection of the country's position on the world energy market with the categories of economic and energy security.

India in the world energy markets: in the context of economic and energy security

The global momentum in using traditional energy sources persists, despite the growing interest in alternative energy sources, and crude oil, natural gas, and coal have essential positions in the world energy markets.

The Indian Republic belongs to the circle of countries whose population, resource endowment, and industrial potential, together with ongoing reforms and transformations, determine the state's high dependence on regular supplies of mineral products. The Republic's dependence on the uninterrupted supply of energy resources is included in the system of energy security and economics, respectively.

Considering that, according to the International Energy Agency (IEA) forecasts, China and India will become world leaders in the import of natural gas and crude oil by 2040, ensuring relative energy security and diversifying the geography of supplies of mineral products are critical tasks for these countries.

According to OPEC estimates, by 2045, India and China will accumulate about 40% of global GDP. According to the organization's experts, it is developing countries with a high population (including China and India) that play a crucial role in maintaining the demand for traditional energy sources. OECD countries are reviewing energy policies and technologies, switching to low carbon production, being concerned about the environment, and introducing alternative energy sources. More than half of the demand for conventional energy sources by 2045 will come from India and China. By 2045, the demand of the Indian Republic for coal will increase by an average of 2.6% annually, despite the global downward trend in demand for this type of raw material. Demand for crude oil by 2045 from developing countries will only continue to grow. The main prerequisites for such growth are increased middle-class share in developing countries, high population growth rates, and substantial economic potential. The Indian Republic, by the indicated forecast period, will become the primary consumer and generator of demand for crude oil in the world (Figures 1 and 2).

An additional factor contributing to the maintenance of high demand for traditional energy sources is the growth of urbanization, the increase in the number of cities, urban settlements, the development of infrastructure, and the implementation of industrialization processes in them.

Despite the optimistic forecasts by OPEC for India, the country is pursuing a policy of gradually reducing the use and purchases of traditional energy sources in the direction of renewable energy sources. The country is undergoing economic transformations to transform the country into an international industrial hub. The issues of dependence on the supply of energy resources and fluctuations in world prices for raw materials seem to be more than essential and acute.

According to the latest figures released by the Ministry of Industry and Trade of India, FY2019–2020 key importers of the product group “27 – Mineral fuels, mineral oils, and products, distillates” are Iraq (15.4%), Nigeria (6.5%), Saudi Arabia (15%), UAE (10.5%).

OPEC countries account for a significant share in the geography of raw materials supplies to India, which means that the Republic is tied to world prices for raw materials and is forced to pursue a policy of diversifying supplies.

	Levels <i>mboe/d</i>						Growth <i>mboe/d</i>	Growth <i>% p.a.</i>	Share <i>%</i>	
	2019	2025	2030	2035	2040	2045	2019–2045	2019–2045	2019	2045
OECD Americas	56.3	55.7	56.2	56.2	56.0	55.8	-0.5	0.0	19.5	15.5
OECD Europe	36.5	35.3	34.9	34.4	33.8	33.3	-3.1	-0.3	12.6	9.2
OECD Asia Oceania	18.3	17.7	17.8	17.8	17.6	17.5	-0.7	-0.2	6.3	4.9
OECD	111.1	108.7	109.0	108.4	107.4	106.7	-4.4	-0.2	38.4	29.5
China	65.6	71.5	75.8	78.6	80.6	82.3	16.7	0.9	22.7	22.8
India	18.9	22.2	26.6	31.1	35.2	38.8	19.8	2.8	6.5	10.7
OPEC	20.5	22.2	25.3	28.1	30.6	32.2	11.7	1.8	7.1	8.9
Other non-OECD	50.0	55.2	61.5	67.8	73.8	76.5	26.5	1.6	17.3	21.2
Russia	14.9	14.6	14.6	14.6	14.6	14.4	-0.5	-0.1	5.2	4.0
Other Eurasia	8.1	8.5	9.0	9.6	10.0	10.4	2.4	1.0	2.8	2.9
Non-OECD	178.1	194.3	212.9	229.8	244.9	254.6	76.5	1.4	61.6	70.5
World	289.1	303.0	321.9	338.1	352.3	361.3	72.1	0.9	100.0	100.0

Figure 1. Total primary energy demand by region in 2019–2045

Source: World Oil Outlook – 2020. Retrieved May 15, 2021, from <https://woo.opec.org/pdf-download/index.php>

	Levels <i>mboe/d</i>						Growth <i>mboe/d</i>	Growth <i>% p.a.</i>	Fuel share <i>%</i>	
	2019	2025	2030	2035	2040	2045	2019–2045	2019–2045	2019	2045
Oil	4.7	5.7	7.0	8.3	9.6	10.7	6.0	3.2	24.8	27.6
Coal	8.6	9.9	11.7	13.6	15.3	16.6	8.0	2.6	45.6	42.9
Gas	1.1	1.4	1.9	2.4	2.8	3.2	2.1	4.1	5.9	8.2
Nuclear	0.3	0.4	0.6	0.8	0.9	1.2	0.9	6.0	1.3	3.0
Hydro	0.3	0.3	0.4	0.5	0.5	0.6	0.3	3.1	1.4	1.5
Biomass	3.8	4.0	4.1	4.2	4.2	4.2	0.4	0.4	19.9	10.7
Other renewables	0.2	0.5	0.9	1.4	1.8	2.3	2.1	10.1	1.0	6.0
Total	18.9	22.2	26.6	31.1	35.2	38.8	19.8	2.8	100.0	100.0

Figure 2. India primary energy demand by fuel type in 2019–2045

Source: World Oil Outlook – 2020. Retrieved May 15, 2021, from <https://woo.opec.org/pdf-download/index.php>

The “energy transition,” which is currently being implemented in India, is primarily interconnected with the problems of environmental pollution and “movement” towards green technologies, the use of alternative energy sources, and moving away from traditional “dirty” forms of energy.

The “energy transition,” both on the part of developed economies and developing ones, should, according to experts, be carried out sequentially, with a step-by-step abandonment of the use of traditional energy sources, the restructuring of the technologies, infrastructure, and production capacities, which, in turn, requires colossal investment.

The currently used technologies and production processes, in general, are in direct dependence on cheap and accessible raw materials, and the “exclusion” of

traditional energy sources from this link is associated with an imbalance and regular supply of goods, fluctuations in the indicators of international economic relations.

The “transition” is fraught with threats of fluctuations in economic growth and development indicators as well as in prices for alternative energy sources and an impact of international businesses whose activities are related to energy, and hence profit indicators.

Unfortunately, there is no separate particular document regulating Indian policy in energy and economic security. However, some regulatory legal acts related to this topic have been developed and are functioning: Hydrocarbon Vision – 2025, Electricity Act – 2003, National Energy Plan, National Action Plan on Climate Change – 2008, New National Electricity Plan – 2018, India Cooling Action Plan – 2019.

On the world energy markets, the weight of the Indian Republic is not significant: the country’s share in terms of proven reserves of crude oil was 0.3% in 2019; the share of countries in the world oil production (in thousand barrels per day) – 0.9%; in the world production of crude oil (in a million tons) – 0.8%; in the consumption of crude oil (in thousand barrels per day) – 5.4 and 5.3%.

In the world oil market, the first two places in terms of consumption are assigned to the world leaders: the United States and China. Mainly, the positions of these countries among world consumers are associated with the scale of GDP (21 and 14 trillion dollars respectively), population size, production capacities, leading positions in the system of international exchange of goods and services. At the same time, OPEC countries (UAE, Saudi Arabia, Iran, Kuwait) are the leading suppliers of this energy asset to the Indian market. In order to reduce the country’s dependence on crude oil supplies, the government is pursuing a policy of forming strategic reserves.

The share of the Indian Republic in the global natural gas market (in terms of proven reserves) is also very insignificant, and in 2019 it amounted to 0.7% (of the global volume of trillion cubic meters). In terms of natural gas production, the country’s share is similar to that of proven reserves (0.7%), while India’s share in world natural gas consumption is two times higher – 1.5%. The key suppliers of natural gas to the territory of the Indian Republic are Qatar, Angola, and Nigeria.

Despite such “insignificant” indicators of the country’s participation in the world oil and gas markets, India occupies one of the critical positions in the world coal market.

Coal continues to be one of the critical resources for power generation in the Indian Republic and neighboring China, which is a global importer and consumer of coal.

India’s share of the world’s proven coal reserves is 9.9%; in terms of production, the country’s share on a global scale is 7.6%; in terms of consumption, India weighs 11.8%.

As already mentioned, the first place in the world coal consumption belongs to the People’s Republic of China, whose share in 2019 was 51.7%, the second place belongs to India. It is coal that accounts for the bulk of electricity generation in the country, and China also takes first place in this indicator (Figure 3).

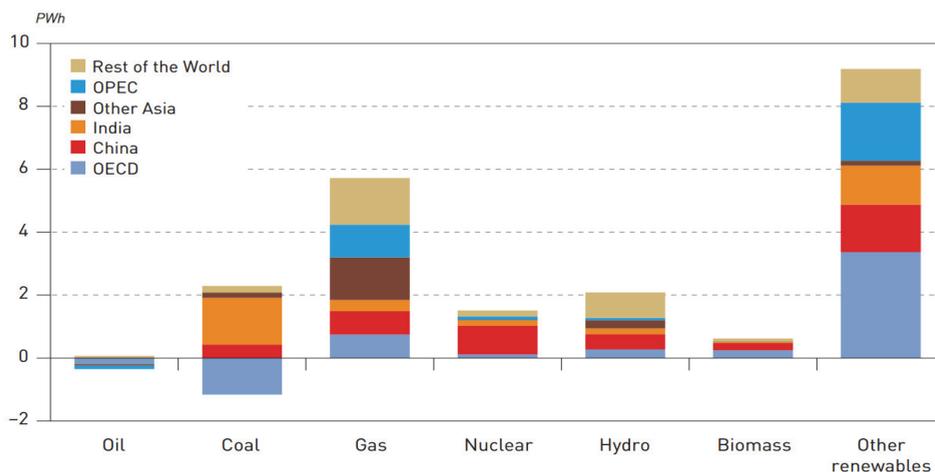

Figure 3. Electricity generation growth by fuel and region in 2019–2045

Source: World Oil Outlook – 2020. Retrieved May 15, 2021, from <https://wo.opec.org/pdf-download/index.php>

The use of rather dirty and waste raw materials in the production process by the most populous countries affects the environment and ecology. In addition, “dirty industries” affect the health sector and increase the number of diseases of the so-called socially significant ailments.

The transition to “clean and green” technologies and types of energy is closely related to large-scale investment injections, which are reflected in the “Investment Consolidated Policy of India.”

Providing the Indian population with affordable electricity is one of the critical items on the country’s political agenda. For the period from 2000 to 2019, about 750 million people in the country gained access to the electricity grid. While endorsing the results of the Indian government, the IEA is pushing for access to electricity for isolated communities and an uninterrupted supply of electricity. IEA experts recommend carrying out reforms in India in electricity, aimed at more profound and more active integration of alternative and renewable energy sources into the country’s energy system since this potential is not fully used in the country.

Liberalization of the Indian economy started with the launch of economic reforms in the 90s. The 20 century was aimed at “opening” the Indian economy, creating favorable conditions for foreign investment and capital inflow into the country (given the lack of these resources).

The liberalization of the investment sphere took place gradually, step by step: more and more sectors were opened, the threshold for foreign investors to enter the industry increased. However, there are still some economic activities, access to which is closed for foreign investors, in particular, these include: lottery business (including state lottery, private lottery, online lottery), gambling business (including casinos), Chit funds, Nidhi companies, trade-in transferable development rights, real estate or farm construction, production of cigarettes and cigarillos from tobacco and tobacco substitutes, sectors closed to private investors (nuclear energy, railways).

The Production, Oil, and Gas sector is an economic activity open to foreign investment. It is one of India's investment policy priorities while paying attention to the need to develop alternative and renewable energy sources. However, entry into the sector has some restrictions, in particular: the threshold for entry into the sector is 100%, subject to agreement with the government authorities (except for oil refining by public sector enterprises, without any investment or dilution of domestic capital in the existing 49% along with an automatic path approval).

The policy directives allow coal to be mined for the necessary and regular use for energy projects in the metallurgical industry and other types of industrial production. Foreign investors are allowed to establish coal processing plants, restricting that the company does not mine and sell coal through its factories.

There are some restrictions on the titanium industry related to technology transfer: FDI in the mining of “prescribed substances” is prohibited, and FDI in the titanium industry must be associated with related industries.

In the context of economic security, the dependence of the Indian Republic on the regular supply of mineral resources and FDI is a rather serious issue. The preconditions for the transformation of India's energy sector into an attractive investment are related to the following factors: The Indian economy is a growing and developing economy (annual GDP growth of 7%), a high population ensures high and stable growth in mineral products and electricity generation. The Indian consumer market is large enough, as evidenced by the growth of the middle class; consumption of mineral products in the country is increasing; the country has operating regimes for support, licensing and production of hydrocarbons.

One of the main problems of the Indian economy is industrial and infrastructural backwardness, significant depreciation of assets, and often a complete lack of technology and any progress (this can be seen both in urban and rural areas).

The country's energy policy in the diversification of suppliers considers the Russian Federation as a potential market for the supply of cheap, affordable, uninterrupted raw materials. However, the “stumbling block” on the development of Russian-Indian energy cooperation is the Indian-Chinese religious-territorial differences and the orientation of the Indian industry to use oil and coal to a greater extent than natural gas. Natural gas supplies are carried out in the liquefied format from Sakhalin. However, the volume of supplies is not sufficient and not to such an extent in demand.

Conclusion

All economic activities of the Indian Republic are experiencing a shortage of energy resources, first of all, oil, and a slowdown in the economic system. Lack of access or limited access to electricity also complicates social progress.

One of the weaknesses of the Indian energy sector is the virtual absence of a legal and regulatory framework governing the monitoring of energy data at the central government level.

Statistics are collected, processed, and published by many central and state agencies. In 2021, the Central Statistical Office began to consolidate all statistical information related to the energy sector. However, the data published by ministries and agencies vary considerably and often do not correspond.

The relative “lack” of complete information does not allow the assessment of the current state of affairs adequately and, accordingly, to develop a set of necessary measures and a regulatory framework in the form of programs, policies, and initiatives.

References

- Andronova, I.V., & Gusakov, N.P. (2015). Prospects for the development of the Eurasian Economic Union in the context of external economic security of the Russian Federation. *RUDN Journal of Economics*, (1), 47–56. (In Russ.)
- Bragina, E.A. (2020). India’s economy under pressure from COVID-19. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(5), 128–144. (In Russ.)
- Galisheva, N.V. (2019). The industrial policy as a driver of the Indian economy’s development. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 205–222. (In Russ.)
- Galisheva, N.V. (2020). The role of small-scale industries in achieving the sustainable development: The experience of India. *MGIMO Review*, 13(3), 151–169. (In Russ.)
- Gusakov, N.P., & Konovalova, Yu.A. (2017). The current state and prospects for the Russia-India cooperation in the high technology industries. *Credit and Finance*, 5(725), 292–308 (In Russ.)
- Konovalova, Yu.A. (2021). India on the international market of pharmaceutical goods: Problems and prospects. *Vestnik MIRBIS*, 1(25), 170–180. (In Russ.)
- Konovalova, Yu.A., & Valueva, I.A. (2018). Military and technical cooperation of two regional leaders: New challenges for Russia and India. *RUDN Journal of Economics*, 26(1), 28–37. (In Russ.)
- Malyarov, O.V. (2014). *The state sector of India*. Moscow. (In Russ.)
- Shaumyan, T.L. (2020). BRICS as an important factor in international relations. New and the Newest History, (1), 247–248. (In Russ.)

Сведения об авторах / Bio notes

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: gusakov-np@rudn.ru

Nikolay P. Gusakov, Dr. Econ. Sci., Full Professor, Professor of the Department of International Economic Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: gusakov-np@rudn.ru

Коновалова Юлия Александровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: konovalova-yua@rudn.ru

Yulia A. Konovalova, Candidate of Science (in Economics), the head teacher of the Department of International Economic Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: konovalova-yua@rudn.ru

Решиад Сайяр Ахмад, аспирант 1-го года обучения кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: sayarakhmad@yandex.ru

Sayar Akhmad Reshad, PhD student of the first year of education of the Department of International Economic Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: sayarakhmad@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-510-523

УДК 339.9

Научная статья / Research article

Мировой рынок юридических услуг: современное состояние и перспективы развития

О.А. Ястребов^{ID}, А.А. Тинькова^{ID}✉

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ tinkova-aa@rudn.ru

Аннотация. Обсуждаются отличительные особенности мирового рынка юридических услуг в условиях глобализации, а также его место и роль в международной торговле и торговой политике. Исследование разделено на 3 части. Первая часть структурирует основные положения теоретического характера, касающиеся мирового рынка юридических услуг: рассмотрены понятие и классификация юридических услуг, формы и механизмы международной торговли юридическими услугами. Во второй части анализируются конъюнктурные показатели мирового рынка юридических услуг, характеризуются основные проблемы и тенденции его развития. Выявлены место и роль России на мировом рынке услуг. Третья часть затрагивает проблемы внешнеторговой политики, механизмов защиты внутреннего рынка. Особое место уделяется анализу индекса ограничения торговли юридическими услугами. Проиллюстрирован механизм воздействия внешнеторговой политики стран на сектор юридических услуг Великобритании в условиях Брексита.

Ключевые слова: юридические услуги, внешнеторговая политика, мировые финансовые центры, мировой рынок

История статьи: поступила в редакцию – 13 апреля 2021 г.; проверена – 15 мая 2021 г.; принята к публикации – 13 июня 2021 г.

Для цитирования: Ястребов О.А., Тинькова А.А. Мировой рынок юридических услуг: современное состояние и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 510–523. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-510-523>

Legal services global market: current state and development prospects

Oleg A. Yastrebov^{ID}, Arina A. Tinkova^{ID}✉

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ tinkova-aa@rudn.ru

Abstract. The article answers the question: what are the distinctive features of the global legal services market in the context of globalization, as well as what place and role it occupies in international trade and trade policy? The study is divided into 3 parts. The first part

© Ястребов О.А., Тинькова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

structures the main theoretical aspects concerning the legal services world market: the concept and classification of legal services, forms and methods of international trade in legal services. The second part analyzes the market indicators of the global legal services market, characterizes the main problems and trends in its development. The place and role of Russia in the global legal services market are revealed. The third part deals with the foreign trade policy issues, mechanisms for protecting the internal market. Special attention is paid to the analysis of the Services Trade Restrictiveness Index for legal services. The mechanism of countries' foreign trade policies' influence on the British legal services sector is illustrated in the context of Brexit.

Keywords: legal services, foreign trade policy, world financial centers, world market

Article history: received – 13 April 2021; revised – 15 May 2021; accepted – 13 June 2021.

For citation: Yastrebov, O.A., & Tinkova, A.A. (2021). Legal services global market: Current state and development prospects. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 510–523. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-510-523>

Введение

Начало формирования мирового рынка юридических услуг было положено в послевоенный период и тесно связано с процессом создания международных экономических организаций и формирования международных финансовых рынков. Пионером этого процесса стали американские юридические компании, проводившие экспансионную политику на европейском рынке (Charman, Tauber, 1995), благодаря чему США остаются лидерами рынка и по сей день.

В настоящее время рост объемов международной торговли и услуг, глобализация и цифровизация экономики создают благоприятные условия для роста и развития международной торговли юридическими услугами. Юридические услуги являются одним из самых быстрорастущих (более 5 % в год) секторов бизнес-услуг на мировом рынке и играют важную роль в функционировании современной экономики. Они характеризуются высоким уровнем рентабельности по сравнению с другими бизнес-услугами (Nadimpalli, 2017), высококвалифицированной трудоемкостью, развитостью ассортимента шлейфа.

Компании, выходя на внешние рынки со своим товаром, нуждаются не только в правовой защите, но и в консультационных услугах, например, в сфере налогообложения, защиты интеллектуальной собственности и др. Спрос на мировом рынке юридических услуг исходит в первую очередь от транснациональных корпораций, участвующих во внешнеэкономической деятельности, а предложение, помимо юридических ТНК (Big Law), исходит со стороны стран, специализирующихся на аутсорсинге, мировых финансовых центров и офшоров. Последние зачастую сами создают условия, в которых иностранные фирмы вынуждены импортировать местные юридические услуги. Эти условия, а также особенности профессии, создают предпосылки формирования механизма внешнеторговой политики на рассматриваемом рынке.

Торговая политика на мировом рынке юридических услуг характеризуется наивысшими барьерами в среднем среди бизнес-услуг, а средний индекс ограничения торговли юридическими услугами занимает второе место в рей-

тинге среди всех секторов услуг, уступая лишь услугам в сфере авиаперевозок. Эти показатели доказывают стратегическую важность рассматриваемого сегмента, которая провоцирует страны применять протекционистские меры.

Обзор литературы

Анализом международной торговли юридическими услугами занимаются Всемирная торговая организация (D'Andrea, 2019), Организация экономического сотрудничества и развития (исследования которой касаются внешне-торговой политики в сфере юридических услуг)¹, авторитетные отраслевые издания, специализирующиеся на международном юридическом бизнесе, такие как *Legal Week*, *The American Lawyer*. В научной литературе затрагиваются проблемы глобализации и конкуренции (Ribstein, 2010), импортных барьеров (Collins, 2018) и тенденций развития мирового рынка юридических услуг (Jovanović, 2018, Nadimpalli, 2017). Одним из фундаментальных исследований в рассматриваемой области является работа Майкла Чепмана (Charman, Tauber, 1995), касающаяся вопросов либерализации мирового рынка юридических услуг.

Теоретические аспекты анализа мирового рынка юридических услуг

Мировой рынок юридических услуг – система внешнеторговых отношений в сфере обмена юридическими услугами и сопутствующими товарами между юридическими лицами и их клиентами, не являющимися резидентами одной страны по отношению друг к другу.

Существует несколько классификаций юридических услуг в целях внешне-торгового учета, среди них классификация ВТО, Центрального банка РФ и другие национальные классификации. Согласно классификации ВТО, юридические услуги относятся к сектору профессиональных и консультационных бизнес-услуг.

В настоящее время статистический учет международной торговли профессиональными деловыми услугами в развивающихся странах еще не достиг высокой степени детализации по видам отдельных услуг, поэтому показатели внешней торговли юридическими услугами доступны лишь для ряда стран с развитым статистическим учетом. Для остального мира в силу высокой степени агрегации данных по торговле услугами объемы торговли юридическими услугами скрыты в общем объеме профессиональных деловых услуг и недоступны для анализа. Тем не менее эксперты оценивают объем мирового рынка юридических услуг в 728 млрд долл.² в 2020 г. Доля юридических услуг в мировом экспорте профессиональных и консультационных бизнес-услуг составляет 7 % в 2018 г.

¹ Services Trade Restrictiveness Index : Policy Trends up to 2021. URL : <https://issuu.com/oecd.publishing/docs/oecd-stri-policy-trends-2021?fr=sMGVIMjI5ODk2NDE> (accessed : 07.04.2021).

² Size of the legal services market worldwide from 2015 to 2023. URL : <https://www.statista.com/statistics/605125/size-of-the-global-legal-services-market/> (accessed : 07.04.2021).

Экспортерами юридических услуг могут выступать юристы иностранного государства и иностранные юридические фирмы, на которые приходится наибольший объем сделок на мировом рынке (почти 45 %³ выручки). Среди форм международной торговли услугами к юридическим услугам относятся:

– трансграничная поставка юридических услуг – одна из широко используемых форм внешней торговли, заключающаяся в оказании консультационных услуг по телефону, через интернет, а также в рамках процесса аутсорсинга;

– физическое присутствие юристов иностранного государства, ведущих профессиональную деятельность на территории другой страны: иностранные юристы по большей части предоставляют консультационные юридические услуги в соответствии: 1) с внутренним правом страны, по отношению к которой они являются резидентами; 2) законодательством любой третьей страны, в случае наличия соответствующей квалификации; 3) в области международного права, и, как правило, являются экспортерами таких услуг на иностранном рынке;

– коммерческое присутствие иностранной юридической фирмы, оказывающей услуги через представительство на территории другого государства;

– потребление за рубежом, чаще всего причисляемое к внешней торговле юридическими услугами в области внутреннего права страны, на территории которой оказывается услуга. Внутреннее право в наивысшей степени подвержено ограничению иностранной конкуренции и скорее является предметом экспорта национальных юридических фирм в пользу иностранных компаний. Однако в настоящее время в странах с развитой экономикой намечается тенденция, согласно которой право принимающей страны получает все большее распространение в международной торговле, а иностранные фирмы все чаще обслуживают местный рынок юридических услуг (Garoupa, 2014).

Международная торговля юридическими услугами

Существует несколько факторов формирования мирового рынка юридических услуг, среди которых наибольшую роль играют внешнеэкономическая деятельность транснациональных корпораций и сделки в рамках мировых финансовых центров и офшоров. Действительно, наибольшие объемы мирового рынка юридических услуг приходятся на сегменты по сопровождению финансовых сделок (более 40 % рынка) и корпоративное право.

На мировом рынке юридических услуг доминируют развитые страны, объем экспорта из них в 2018 г., по данным ВТО, составил 37,8 млрд долл., объем импорта в развитые страны вдвое меньше и равен 19,2 млрд долл., из чего можно сделать вывод о том, что развивающиеся страны в основном являются получателями юридических услуг из развитых стран. Рыночная концентрация экспорта довольно высокая, только на США и Великобританию приходится более 60 % мирового экспорта (рис. 1).

³ Legal Services Market Size & Share, Global Industry Report, 2019–2025. URL : <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/global-legal-services-market> (accessed : 07.04.2021).

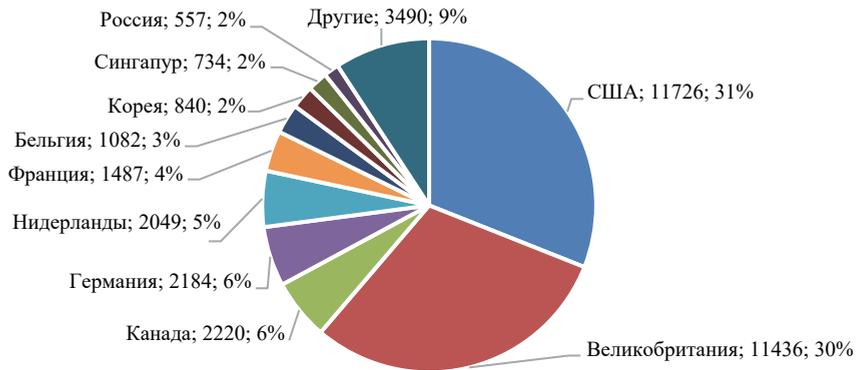

Рис. 1. Географическая структура экспорта юридических услуг, 2018 г., млн долл., %

Источник: составлено на основе базы данных Всемирной торговой организации. URL : <https://data.wto.org/> (дата обращения : 01.04.2021).

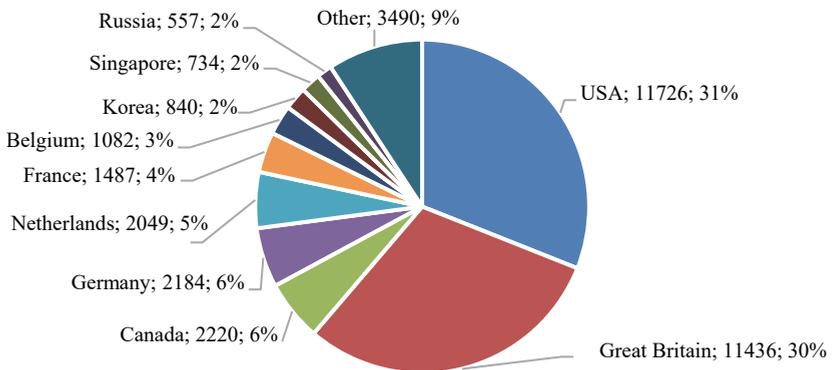

Figure 1. Legal services' export's geography, 2018, USD million, %

Source: compiled on the basis of the World Trade Organization database. Retrieved April 1, 2021, from <https://data.wto.org/>

Действительно, крупнейшие страны – экспортеры юридических услуг обладают рядом общих характеристик, например высоким уровнем развития человеческого капитала, имеют на своей территории крупнейшие мировые финансовые центры, такие как Лондон, Нью-Йорк, Сингапур, Гонконг, специализируются на предоставлении услуг (Бельгия, Нидерланды, Люксембург).

В свою очередь основными импортерами (потребителями) юридических услуг (рис. 2) являются транснациональные корпорации, а применительно к международной торговле – страны их базирования.

Главными тенденциями мирового рынка юридических услуг на современном этапе развития экономики являются аутсорсинг, транснационализация, укрупнение компаний (слияния и поглощения).

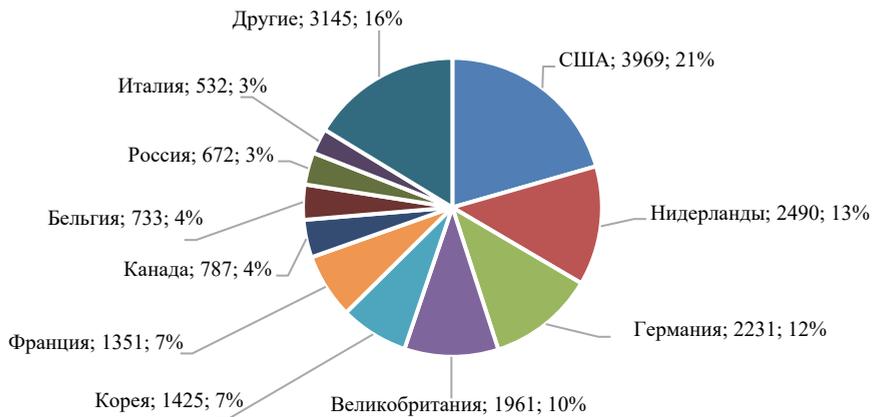

Рис. 2. Географическая структура импорта юридических услуг, 2018, млн долл., %

Источник: составлено на основе базы данных Всемирной торговой организации. URL : <https://data.wto.org/> (дата обращения : 01.04.2021).

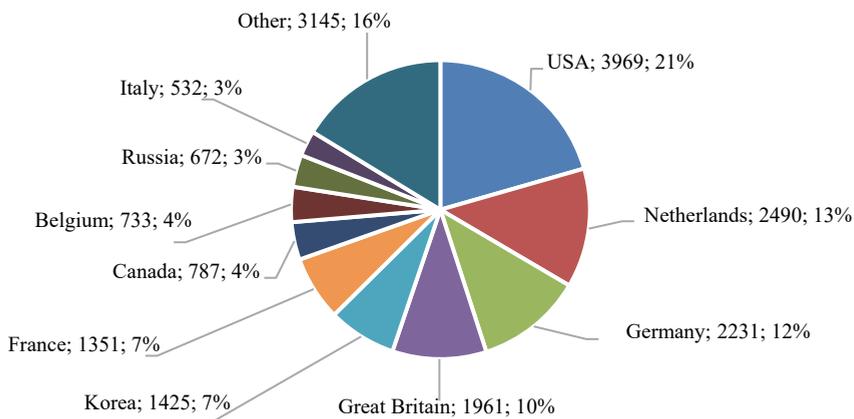

Figure 2. Legal services' import's geography, 2018, USD million, %

Source: compiled on the basis of the World Trade Organization database. Retrieved April 1, 2021, from <https://data.wto.org/>

На сделки по оффшорному аутсорсингу юридических услуг как методу предоставления услуг приходится значительный объем международной торговли в данном секторе, который в 2018 г. составил 5,2 млрд долл. Этот сегмент рынка получил свое развитие благодаря развивающимся странам с относительно более дешевой рабочей силой со знанием английского языка, а именно Индии, ЮАР, Сингапуру⁴. Однако такая тенденция подрывает финансовое положение крупных юридических фирм США.

Аутсорсинг юридических услуг связан с процессом коммодитизации, то есть процессом превращения юридической услуги в юридический продукт (Jovanović, 2018) – высоко стандартизированную работу, чаще всего заклю-

⁴ Legal Process Outsourcing Market : LPO Industry Report 2025. URL : <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/legal-process-outsourcing-lpo-market> (accessed : 07.04.2021).

чающуюся в юридическом сопровождении и характеризующуюся легкостью импорта. Согласно исследованию аудиторской компании Deloitte⁵ в 2014 г., наиболее часто компании заключают сделки по аутсорсингу таких юридических услуг, как подготовка юридических заключений, патентные услуги, консультации по правовым вопросам, услуги по сопровождению сделок. В настоящий момент аутсорсинг может ограничиваться предоставлением стандартизированных юридических услуг, однако нельзя исключать возможность распространения данного тренда на более широкий перечень услуг (Ribstein, 2010).

Касательно транснационализации, отметим, что большую часть мирового рынка юридических услуг контролируют ТНК. При этом среди 100 крупнейших корпораций мира в 2020 г. (по объему годового валового дохода), занятых в сфере предоставления юридических услуг, 78 американских, 12 британских, 5 китайских, 3 канадские, 1 корейская, 1 австралийская⁶. Для сравнения: еще в 2016 г. в рейтинге *The American Lawyer Global 100* присутствовали лишь 2 китайские компании.

Среди крупнейших юридических корпораций по степени транснационализации (количеству стран присутствия) можно выделить Dentons (англо-китайско-американская корпорация, представлена в 76 странах), Baker McKenzie (американская корпорация, 46 стран присутствия, 80 % юристов работают за пределами США), CMS (Европейское объединение с экономической целью, представленное в 43 странах)⁷.

Количество юристов, работающих на 200 крупнейших юридических компаний мира, за последние 5 лет выросло более чем на 31 тыс. сотрудников и в 2019 г. составило 149 831 занятых⁸. Выручка 200 крупнейших юридических компаний мира также стабильно росла в среднем на 2,5 % в год за последние 5 лет и на 2019 г. составила более 117 млрд долл.⁹

Следует отметить растущее количество сделок слияний и поглощений американских юридических фирм. Так, согласно исследованию *Altman Weil MergerLine*, в 2019 г. было зафиксировано 115 сделок, из которых 16 % – трансграничные, что свидетельствует о проводимой экспансионной политике на мировом рынке.

Россия на мировом рынке юридических услуг

Россия входит в ТОП-10 стран по внешней торговле юридическими услугами. На нее приходится 3 % мирового импорта и 2 % мирового экспорта. В 2020 году доля юридических услуг в совокупном экспорте услуг РФ

⁵ Global Outsourcing and Insourcing Survey / Deloitte. 2014. P. 16.

⁶ Global 200 (November 2020). URL : <https://www.americanlawyer-digital.com/americanlawyer-ipauth/tal20201011ip?pg=1#pg1> (accessed : 07.04.2021).

⁷ Global legal services in a disruptive world : Big Law versus New Law / Legal Week Intelligence. 2018. URL : <https://www.interlaw.com/files/download/global-legal-services> (accessed : 07.04.2021).

⁸ Total number of lawyers working at the leading law firms in the world from 2015 to 2019. URL : <https://www.statista.com/statistics/877619/number-of-lawyers-at-the-leading-law-firms-worldwide/> (accessed : 07.04.2021).

⁹ Total revenue of the leading law firms in the world from 2015 to 2019 (in billion U.S. dollars). URL : <https://www.statista.com/statistics/877599/total-revenue-leading-law-firms-worldwide/> (accessed : 07.04.2021).

составила 1,2 %, что является наивысшим значением данного показателя за последние 10 лет. Доля юридических услуг в структуре экспорта профессиональных деловых услуг составила 4,8 %. На протяжении рассматриваемого периода сальдо внешней торговли юридическими услугами отрицательное и в 2020 г. составило 188 млн долл. (рис. 3).

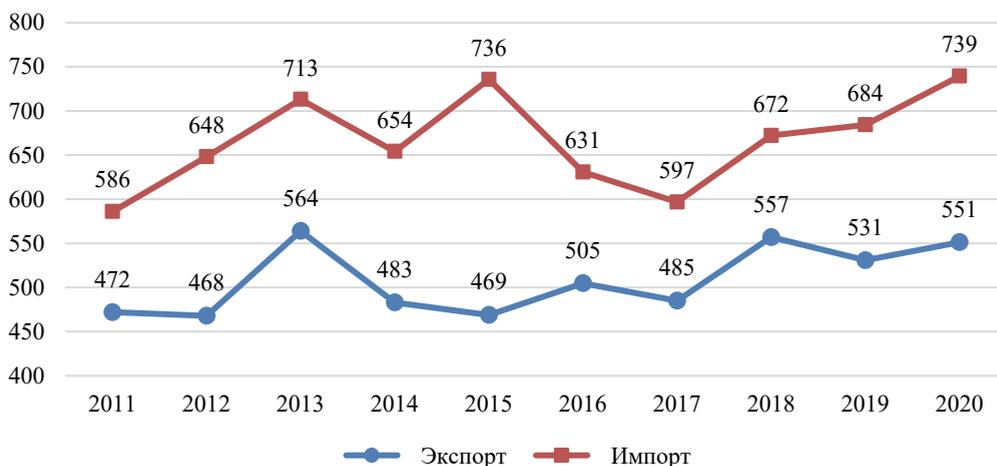

Рис. 3. Внешняя торговля РФ юридическими услугами, 2011–2020 гг., млн долл.

Источник: составлено на основе данных Центрального банка РФ. URL : https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения : 01.04.2021).

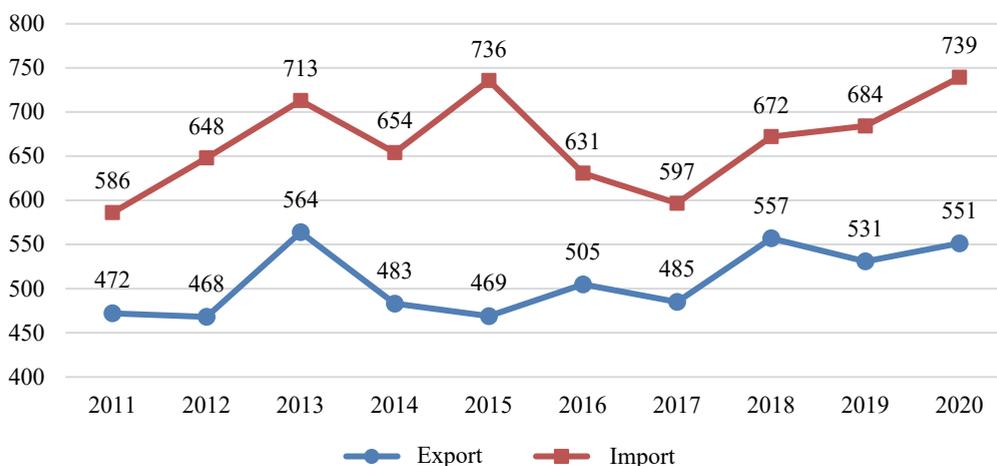

Figure 3. Russia's foreign trade in legal services, 2011–2020, USD million

Source: compiled on the basis of the Central Bank of Russian Federation. Retrieved April 1, 2021, from https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Среди факторов, объясняющих превышение импорта над экспортом, можно выделить разницу в ценах предоставляемых услуг и отсутствие в РФ транснациональных компаний по оказанию юридических услуг. Как правило, в структуре формирования цены на юридические услуги весомый вклад вносит деловая репутация компании, а на международном уровне, безусловно, высокой репутацией обладают именно зарубежные транснациональные юридические корпорации.

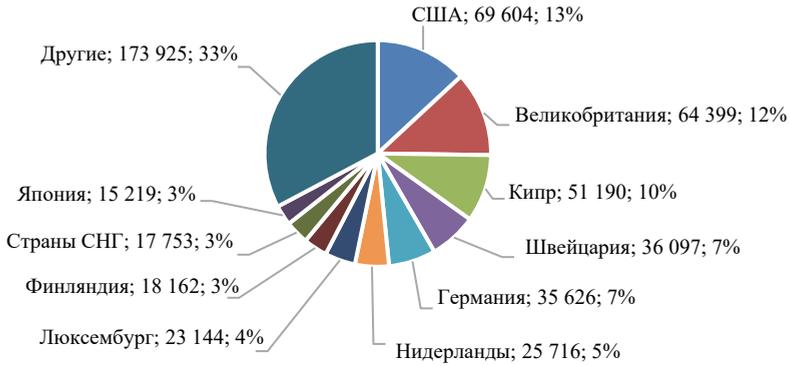

Рис. 4. Структура экспорта юридических услуг РФ, 2019 г., тыс. долл., %

Источник: составлено на основе данных Центрального банка РФ. URL : https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения : 01.04.2021).

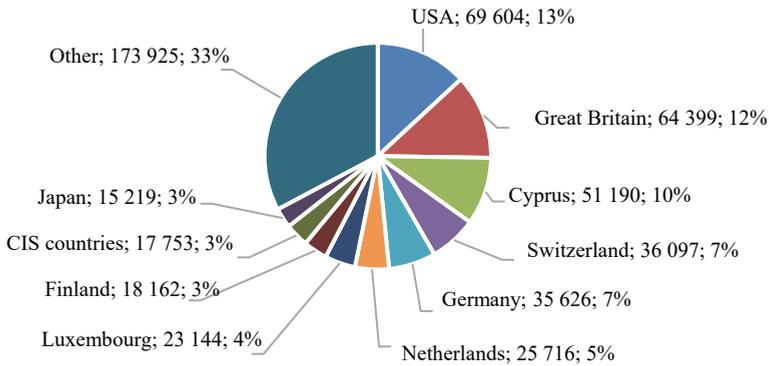

Figure 4. Russia's legal services' exports geography, 2019, USD thsd, %

Source: compiled on the basis of the Central Bank of Russian Federation. Retrieved April 1, 2021, from https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

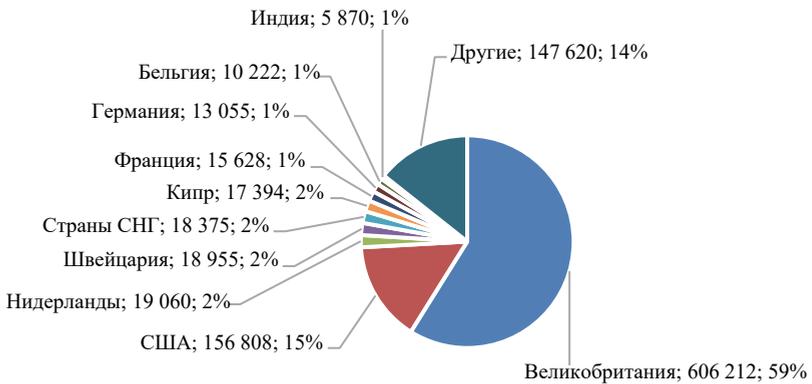

Рис. 5. Структура импорта юридических услуг в РФ, 2019 г., тыс. долл., %

Источник: составлено на основе данных Центрального банка РФ. URL : https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения : 01.04.2021).

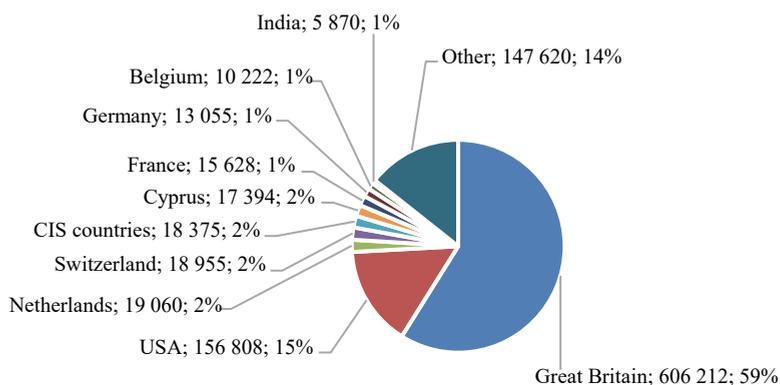

Figure 5. Russia's legal services' imports geography, 2019, USD thsd, %

Source: compiled on the basis of the Central Bank of Russian Federation. Retrieved April 1, 2021, from https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Географию экспорта юридических услуг РФ можно назвать диверсифицированной, с преобладанием развитых стран (рис. 4).

В структуре импорта юридических услуг почти 60 % занимает Великобритания, на втором месте США с долей в 15 %, на остальные страны приходятся относительно малые доли (рис. 5)¹⁰.

Торговая политика на мировом рынке юридических услуг

Международная торговая политика в сфере торговли юридическими услугами характеризуется высоким уровнем барьеров входа иностранных юристов и юридических компаний на внутренние рынки. На это существует несколько причин, среди которых можно отметить неспособность иностранных юристов разделять ценности местного общества, невозможность контролировать уровень образования иностранных юристов, разницу правовых систем, сложности в сфере оспаривания решений иностранных юристов (Chapman, Tauber, 1995).

Существует несколько международных исследований в сфере торговой политики на мировом рынке юридических услуг. Так, Международная ассоциация юристов¹¹ оценивает торговую политику в сфере трансграничной поставки юридических услуг.

В свою очередь, компоненты и методология индекса ограничения торговли услугами¹² – показателя, позволяющего оценить меру открытости рынка страны к импорту конкретного вида услуг, принимающего значения

¹⁰ External trade of the Russian Federation in services / The Central Bank of the Russian Federation. 2019. URL : https://cbr.ru/collection/collection/file/31434/external_trade_in_services_2019.pdf (accessed : 07.04.2021).

¹¹ Global Cross Border Legal Services Report. URL : https://www.ibanet.org/PPID/Constituent/Bar_Issues_Commission/BIC_ITILS_Map.aspx (accessed : 07.04.2021).

¹² Services Trade Restrictiveness Index : Policy Trends up to 2021. URL : <https://issuu.com/oecd.publishing/docs/oecd-stri-policy-trends-2021?fr=sMGVIMjI5ODk2NDE> (accessed : 07.04.2021).

между нулем (открытый рынок) и единицей (полностью закрытый рынок), – позволяют провести наиболее полный анализ торговой политики на мировых рынках услуг, в том числе юридических. Согласно данному исследованию, ограничительные меры политики можно классифицировать по нескольким критериям:

- 1) характеру: дискриминационные или недискриминационные;
- 2) объекту: против основания компании, против текущей деятельности компании;
- 3) сферам (Geloso Grosso, 2014):
 - ограничения на иностранную собственность и другие условия выхода на рынок (ограничения на иностранную долю капитала, программы преференций национальному поставщику услуг buy-local);
 - ограничения передвижения людей (миграционные ограничения, система признания профессиональной квалификации, ограничения на количество агентов по предоставлению услуг на внутреннем рынке – квоты и исключительные права);
 - другие дискриминационные меры и международные стандарты (языковые требования и т. д.);
 - барьеры для конкуренции и государственной собственности;
 - нормативная прозрачность и административные требования.

Среди ограничений в сфере торговли юридическими услугами можно выделить также ряд специфических, характерных лишь для данного сектора. Как правило, они вводятся саморегулируемыми профессиональными организациями в целях поддержания профессиональных стандартов и касаются лицензирования и профессиональной квалификации. В силу особенностей профессии данные меры нельзя назвать дискриминационными, однако процесс получения лицензий на осуществление профессиональной деятельности, а также охват практики и ее сроки могут сильно ограничить доступ иностранных юристов на национальные рынки¹³. Эти специфические меры можно объединить в две группы по целям воздействия:

- 1) меры по защите внутреннего рынка от низкоквалифицированных юристов;
- 2) меры по ограничению иностранной конкуренции (Charman, Tauber, 1995).

Индекс ограничения торговли услугами¹⁴ составляет в среднем 0,4 для сектора юридических услуг, что является одним из самых высоких показателей среди всех видов услуг. Согласно данным исследования индекса STRI¹⁵, в краткосрочной перспективе ограничительные меры в отношении торговли юридиче-

¹³ MergerLine. Law Firm Mergers & Acquisitions. URL : http://www.altmanweil.com/index.cfm/fa/r.resource_detail/oid/CE2CF512-95E0-4078-A7EB-2583266CCEC1/resource/High_Volume_Smaller_Deal_Size_in_Record_Year_for_Law_Firm_Combinations.cfm (accessed : 07.04.2021).

¹⁴ OECD Services Trade Restrictiveness Index : Policy trends up to 2021. URL : <https://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-policy-trends-2021.pdf> (accessed : 07.04.2021).

¹⁵ Services Trade Restrictiveness Index Regulatory Database. URL : <https://qdd.oecd.org/subject.aspx?Subject=063bee63-475f-427c-8b50-c19bffa7392d> (accessed : 07.04.2021).

скими услугами прирастают большими темпами, чем либерализационные. Однако это не свидетельствует об общей тенденции к зарегулированию рынка: данное исследование основано на ограниченном количестве стран, в число которых не входит большинство стран-импортеров, открытых для данного сектора. Наоборот, в долгосрочной перспективе скорее наблюдается тенденция к либерализации мирового рынка юридических услуг, чему способствует множество факторов, в том числе увеличение уровня проникновения интернета. Это, с одной стороны, повышает конкуренцию и прозрачность на национальных рынках, а с другой – может привести к экспансии крупных американских и британских юридических фирм на открывающиеся рынки (Garoupa, 2014). Действительно, профессиональные деловые услуги требуют высокого уровня человеческого капитала, и развитые страны обладают данным конкурентным преимуществом.

США, Великобритания – лидеры мирового рынка юридических услуг – характеризуются низкими импортными барьерами, ведь конкурентоспособность британских и американских компаний настолько высока, что вытесняет иностранную конкуренцию рыночным механизмом. Высокими импортными барьерами в свою очередь обладают страны, специализирующиеся на данном рынке услуг, такие как Люксембург, Индия.

Одним из ярких примеров, иллюстрирующих важность и механизм действия внешнеторговой политики, являются процессы, происходящие на рынке юридических услуг Великобритании в условиях Брексит. Великобритания – крупнейший рынок юридических услуг в Европе, второй по величине в мире, где находится более 200 офисов иностранных юридических фирм, а Брексит, помимо прочего, означает выход Великобритании из общей внешнеторговой политики ЕС, в том числе в сфере юридических услуг. В условиях нового торгового соглашения¹⁶, во-первых, юристы, зарегистрированные в Великобритании, теряют возможность практиковать право Европейского союза; во-вторых, британские юристы становятся объектом национальных ограничений каждой из стран ЕС¹⁷. Это привело к массовой перерегистрации британских юристов в Ирландии, начавшейся еще в 2016 г. и означавшей нивелирование новых ограничений. Тем не менее в 2020 г. юридическое сообщество Ирландии объявило о невозможности практиковать право ЕС и Ирландии юристами, имеющими соответствующую квалификацию, но находящимися за пределами республики¹⁸. Несмотря на эти изменения, Брексит вызвал большое количество корпоративных споров, что пока

¹⁶ Trade and cooperation agreement between the European union and the European atomic energy community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. URL : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/948119/EU-UK_Trade_and_Cooperation_Agreement_24.12.2020.pdf (accessed : 07.04.2021).

¹⁷ What does the Brexit Trade Deal mean for Legal Services? URL : https://www.cm-murray.com/knowledge/what-does-the-brexit-trade-deal-mean-for-legal-services/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=what-does-the-brexit-trade-deal-mean-for-legal-services (accessed : 07.04.2021).

¹⁸ Ireland closes backdoor EU route for City law firms. URL : <https://www.personneltoday.com/hr/ireland-closes-backdoor-eu-route-for-city-law-firms/> (accessed : 07.04.2021).

позволяет юридическим фирмам получать свои прибыли, поэтому на данный момент сложно сказать, какие потери они понесут в долгосрочной перспективе вследствие новой торговой политики.

Заключение

По мере усиления мирохозяйственных связей мировой рынок юридических услуг развивается и растет высокими темпами – более 5 % в год. Основными его особенностями на сегодняшний день являются: рост конкуренции между юридическими ТНК, их укрупнение, появление развивающихся стран на мировом рынке и ослабление Великобритании как мирового лидера при неизменной роли США, усиление технологической конкуренции, например внедрение искусственного интеллекта. Все эти тенденции влияют на конъюнктуру мирового рынка юридических услуг.

Международная торговля юридическими услугами – эффективный инструмент отстаивания и продвижения экономических интересов на мировом рынке. Внешнеторговые отношения в сфере трансграничного движения юридических услуг могут также выступать в качестве угрозы на национальном рынке в том случае, если данные отношения не являются предметом соответствующей защиты со стороны внешнеторговой политики государства.

Ряд специфических особенностей осуществления торговли юридическими услугами, среди которых повышенная важность профессиональной квалификации для осуществления юридической деятельности, высокая степень сегментации рынка и разнообразия услуг, формируют актуальность проведения защитной внешнеторговой политики. В международной торговой политике в сфере юридических услуг не существует общего вектора, она варьируется в зависимости от национальных характеристик рассматриваемого рынка, таких как количество юристов на душу населения, уровень развития человеческого капитала, специализация страны в международном разделении труда.

Несмотря на выявленные тенденции в среднесрочной перспективе не стоит ожидать глобальных сдвигов в структуре крупнейших игроков мирового рынка юридических услуг, ведь по-прежнему ведущую роль в становлении роли и места страны на данном рынке играет деловая репутация.

Список литературы / References

- Benz, S., Ferencz, J., & Nordås, H.K. (2020). Regulatory barriers to trade in services: A new database and composite indices. *World Economy*, 43, 2860–2879. <https://doi.org/10.1111/twec.13032>
- Chapman, M., & Tauber, P. (1995). Liberalizing international trade in legal services: A proposal for an annex on legal services under the General Agreement on Trade in Services. *Michigan Journal of International Law*, 16(3), 941–980. Retrieved from <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol16/iss3/13>
- Collins, D. (2018). *The Public International Law of Trade in Legal Services (Cambridge International Trade and Economic Law)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108526265>
- D’Andrea, B., Maurer, A., & Piermartini, R. (2019). *World Trade Report 2019 : The future of services trade*. Geneva: World Trade Organization. Retrieved from https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr19_e.htm

- Garoupa, N. (2014). Globalization and deregulation of legal services. *International Review of Law and Economics*, 38(Supplement), 77–86. <https://doi.org/10.1016/j.irl.2013.07.002>
- Geloso Grosso, M., et al. (2014). Services Trade Restrictiveness Index (STRI): Legal and Accounting Services. *OECD Trade Policy Papers*, No. 171. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/5jxt4nkg9g24-en>
- Jovanović, D. (2018). Legal services as commodity: Reinventing the lawyers' services. In M. Franco (Ed.), *Positive and Negative Aspects of Outsourcing*. Rijeka: InTech. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.74799>
- Khachaturian, T., & Riker, D. (2019). *Imports and foreign affiliate sales of legal services in the United States*. Office of Economics Working Paper.
- Nadimpalli, M. (2017). Current and future outlook of legal services industry. *International Journal of Economics & Management Sciences*, 6(4), 1000430. <http://dx.doi.org/10.4172/2162-6359.1000430>
- Ribstein, E. (2010). The death of big law. *Wisconsin Law Review*, 2010(3). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1467730>
- Russ, A.P. (2017, November 28). How law firms can overcome the commoditization crisis in legal services. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/russalanprince/2017/11/28/how-law-firms-can-overcome-the-commoditization-crisis-in-legal-services/?sh=7332dca410a1>

Сведения об авторах / Bio notes

Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор, Российский университет дружбы народов. E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Oleg A. Yastrebov, Doctor of Science (in Economics, Law), Professor, Rector, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Тинькова Арина Александровна, аспирант, ассистент кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: tinkova-aa@rudn.ru

Arina A. Tinkova, PhD student, an assistant of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: tinkova-aa@rudn.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ECONOMIC INTEGRATION AND GLOBALIZATION

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-524-536

УДК 339.52

Научная статья / Research article

Исследование роли Международного валютного фонда в процессе разрешения финансовых кризисов на примере Греции

А. Бижан¹, Э. Эджазий²

¹Санкт-Петербургский государственный университета,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

²Гилянский университет,
Исламская Республика Иран, Решт, за 5 км до Тегеранской дороги

✉ st082323@student.spbu.ru

Аннотация. Экономический кризис в Соединенных Штатах и его распространение на континентальную Европу вызвали финансовый кризис на европейских фондовых рынках. Объемы производства в Европе сократились, что привело к росту безработицы и, как следствие, к протестам против текущей экономической ситуации. Эти политические волнения побудили правительства и международные и региональные финансовые институты, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский центральный банк и др., найти способ положить конец серьезному финансовому кризису. Греция как одно из государств – членов ЕС, пострадавших от глобального кризиса, приложила усилия для улучшения своего экономического положения. Главный вопрос исследования: в какой степени Международный валютный фонд помог разрешить греческий финансовый кризис? Гипотеза состоит в том, что греческий кризис существует из-за обусловленности финансовой помощи от Международного валютного фонда и Греция не обращает внимания на полную реализацию программ жесткой экономии. Поэтому финансовая помощь МВФ не смогла спасти греческую экономику от финансового кризиса. Цели исследования – понять, в какой степени развивающиеся страны могут полагаться на рекомендации МВФ для преодоления финансового кризиса, и установить, почему Международный валютный фонд не смог принять надлежащую денежно-кредитную и финансовую политику для урегулирования финансового кризиса в Греции. Также выясняются причины неудачных попыток греческих политиков осуществить меры жесткой экономии МВФ в своей стране.

Ключевые слова: неолиберальный институционализм, глобализация, неолиберализм, Международный валютный фонд, греческий экономический кризис

© Бижан А., Эджазий Э., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию 18 апреля 2021 г.; проверена 15 мая 2021 г.; принята к публикации 10 июня 2021 г.

Для цитирования: Бижан А., Эджазий Э. Исследование роли Международного валютного фонда в процессе разрешения финансовых кризисов на примере Греции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 524–536. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-524-536>

Investigating the role of the International Monetary Fund in the process of resolving financial crises: case study of Greece

Aref Bijan¹, Ehsan Ejazi²

¹*St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation*

²*University of Guilan,
5th Kilometer of Persian Gulf Highway, Rasht, Islamic Republic of Iran*

✉ st082323@student.spbu.ru

Abstract. The economic crisis in the United States and its spread to continental Europe caused a financial crisis in European stock markets, which in turn reduced production in Europe, resulting in rising unemployment, that eventually led to protests against the current economic situation. These political unrests have prompted international and regional governments and financial institutions such as the International Monetary Fund, the World Bank and the European Central Bank to find a way to end this severe financial crisis. Greece, as one of the EU member states that has been affected by this global crisis, has made efforts to improve its economic situation. The main question of this study is to what extent the International Monetary Fund was able to help resolve the financial crisis in Greece? The hypothesis is that due to the conditionality of financial aid from the International Monetary Fund to Greece in crisis and Greece's lack of attention to the full implementation of austerity programs, such financial aid has not been able to save the Greece economy from financial crisis. One of the aims of this study is to what extent developing countries can rely on IMF recommendations to overcome the financial crisis. The aim of the research is to find out why International Monetary Fund could not adopt proper monetary and financial policy to settle the financial crisis in Greece. Moreover, the reasons behind failed attempts of Greece's policymakers to implement IMF's austerity measures in their country are sought.

Keywords: neoliberal institutionalism, globalization, neoliberalism, International Monetary Fund, Greece economic crisis

Article history: received 18 April 2021; revised 15 May 2021; 10 June 2021.

For citation: Bijan, A., & Ejazi, E. (2021). Investigating the role of the International Monetary Fund in the process of resolving financial crises: Case study of Greece. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 524–536. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-524-536>

Введение

Недавний финансовый кризис, начавшийся на рынке жилья США, перешедший на их фондовый рынок и затем распространившийся по всему миру, и прежде всего на Европу, продемонстрировал неспособность промышленного капитализма справиться с экономическими кризисами. Он привел к со-

кращению производства, росту бедности и безработицы, снижению заработной платы, стагнации мировой экономики, снижению цен на нефть и огромному бюджетному дефициту. Эти условия повлекли серьезную рецессию в экономике еврозоны, что выразилось в сокращении производства в регионе. Рецессия имела политические и экономические последствия не только в Европе, но и во всем мире, так что снижение добычи в Европе и Соединенных Штатах снизило потребность в нефти и, таким образом, не привело к значительному росту цен на нефть. С другой стороны, за финансовым и экономическим кризисом в Европе последовали политические волнения, вылившиеся в различные протесты в Греции, Испании и Португалии.

Либералы верят в открытую мировую экономику без границ. В последние десятилетия неолиберализм связывают с феноменом глобализации. Глобализация – это термин, впервые использованный профессором Гарварда Теодором Левиттом в 1980-х годах. Глобализация интерпретируется как миф, явление, идеология, реальность, процесс, контекст, структура или текущее состояние международной системы (Kasowics, 2007. P. 567). Реалист Роберт Гилпин рассматривает глобализацию как процесс глобальной экономической интеграции. Но необходимо иметь в виду, что глобализация – это многомерное, неравноправное и асимметричное явление. Многоплановое в том смысле, что охватывает все экономические, политические, культурные и социальные аспекты человеческой жизни. Неравенство в этой экономической деятельности может стать более глобальным, чем в других областях. Асимметричное, потому что не все регионы и страны будут испытывать одинаковую степень глобализации (Baylis, Smith, 2008. P. 26). Коэн и Най исследовали глобализацию в четырех основных измерениях, включающих экономические, финансовые, военные, стратегические и социально-культурные области, окружающую среду (Das, 2004. P. 7). В настоящем исследовании мы затронем только часть экономических аспектов глобализации.

Итак, либералы заявляют, что распределение доходов между людьми в мире за последние два десятилетия стало более справедливым [Hunter, 2004. P. 567]. По мнению критиков, глобализация привела к тому, что северные страны и институты под их руководством стали доминировать над южными странами и эксплуатировать их по-новому. Они подчеркивают, что глобализация увеличила неравенство между Севером и Югом. Сорос называет глобализацию рыночным фундаментализмом и признает, что сильная зависимость от рыночных механизмов была бы очень опасной (Huq, Tribe 2004. P. 917). Неолибералы, с другой стороны, утверждают, что неравенство достаточно мотивировано, чтобы работать усерднее и рисковать, повышая таким образом эффективность (Hunter, 2004. P. 582). Активисты-антиглобалисты считают, что это явление является новой формой империализма, потому что через него неизбираемые элиты навязывают свою политику. Например, в последние десятилетия Международный валютный фонд и Всемирный банк навязали людям Юга западные ценности (Turner, 2010. P. 78). Международные финансовые институты, такие как Международный валютный фонд, способствовали распространению и расширению глобализации. Критики ан-

тиглобалистского движения решительно выступают против политики неолиберализма, потому что они считают, что свободная глобальная экономика ведет к еще большей бедности, неравенству, социальным конфликтам, культурной агрессии, ухудшению состояния окружающей среды и отсутствию демократии. Новая волна неолиберализма сыграла важную и содействующую роль в процессе современной глобализации (Scholt, 2008. P. 1475).

В отличие от противодействия глобализации ее сторонники видят одно из преимуществ глобализации в природе свободной торговли через политические реформы и создание открытого политического пространства для свержения недемократических режимов во всем мире. Еще одно преимущество глобализации, по их мнению, в создании прибыльных рабочих мест¹. Учитывая вышесказанное, главный вопрос исследования заключается в определении степени помощи международного финансового учреждения, такого как Международный валютный фонд, в разрешении греческого финансового кризиса. Метод исследования – аналитически-критический.

Обзор литературы

Роль Международного валютного фонда в процессе разрешения финансовых кризисов (на примере Греции) изучалась неоднократно. Рассмотрим точки зрения, наиболее связанные с предметом настоящего обсуждения.

1. С. Космидис утверждает, что после заключения соглашения о ссуде для финансовой помощи, греческие избиратели значительно перенесли ответственность за (экономические) результаты политики с ЕС на правительство страны, что, в свою очередь, усилило влияние объективных экономических условий на поддержку правящей партии (Kosmidis, 2014).

2. Ш. Мохашин заявляет, что МВФ продвигал политику Вашингтонского консенсуса посредством обусловленности своей программы (Mohashin, 2017). Экономические и социальные издержки программы огромны. Кроме того, программа не смогла обеспечить экономический рост и доступ к рынкам капитала. Провал политики МВФ в Греции также усиливает ограничения и неразбериху внутри самого учреждения.

3. С. Даллиен, Б. Фритц, Л. Мюхлиб оценивают, как МВФ привнес свой опыт проведения различия между кризисами ликвидности и платежеспособности и адекватного управления ими, полученный во время предыдущих кризисов, в случае Греции (Dullien et al., 2018). Они утверждают, что включение МВФ в борьбу с кризисом в Европе не в полной мере оправдало ожидания.

Изучая исследовательскую литературу, можно констатировать, что каждое из исследований рассматривало только один аспект предмета обсуждения. Новаторство и новизна настоящего исследования основаны на попытке изучить роль Международного валютного фонда в разрешении финансовых кризисов и проблем Греции.

¹ *Russell G.* The power of globalization // NBR Analysis. 2005. Vol. 16. Issue 2. URL : <https://www.nbr.org/product/nbr-analysis-vol-16-no-2-the-power-of-globalization/> (accessed : 05.02.2021).

Международный валютный фонд

Основная задача Международного валютного фонда заключалась в создании денежной системы, в которой валюты были конвертируемыми, обменные курсы фиксированными, а конкурентная девальвация (валюты) предотвращенной. Международный валютный фонд считается стражем мировой валютной системы, и между его членами проводятся ежегодные контрольные обсуждения. Фонд стремится достичь нескольких конкурирующих целей: содействия денежно-кредитной и валютной стабильности, поддержки текущего счета и либерализации иностранной валюты, а также сокращения платежного дисбаланса (Rose, 2005. P. 683).

Перед Международным валютным фондом стоят две конкретные задачи: «Во-первых, предоставлять ссуды странам, находящимся в рецессии, чтобы они могли проводить экспансионистскую фискальную политику, а во-вторых, оказывать давление на страны, чтобы они проводили экспансионистскую политику вместо сдерживающей» (Stiglitz, 2003. P. 112).

До 2007 г. в мировой экономике происходили события, которые требовали изменений в Международном валютном фонде. Во-первых, устойчивый поток капитала и рост товаров на рынке улучшили платежный баланс бедных и развивающихся стран, снизив их зависимость от кредитов МВФ. Во-вторых, критики политики фонда, в том числе Независимое бюро оценки, утверждали, что денежно-кредитная и фискальная политика МВФ не уделяет достаточного внимания сокращению бедности или распределению доходов, а вместо этого сосредотачивается на макроэкономической стабильности. Наконец, политика фонда сосредоточена только на таргетировании инфляции (Gabor, 2010. Pp. 806–807).

Есть две общие перспективы экономической и финансовой реформ. Первая – шоковая терапия. Согласно этой точке зрения, страны должны как можно скорее провести экономические реформы, такие как либерализация капитала, финансовых рынков и торговли, а также приватизировать государственные и полугосударственные компании. Международный валютный фонд решительно поддерживает эту позицию. Вторая – постепенность. Согласно этой точке зрения, необходимо предпринять шаги по либерализации торговли и приватизации. Эти меры включают принятие необходимых законов, создание регулирующих органов, обеспечение прозрачности и уделение достаточного внимания внутренней ситуации в стране.

Роль Международного валютного фонда в греческом финансовом кризисе

Симптомы финансовых кризисов включают неконтролируемый внутренний бюджетный дефицит, кризис платежного баланса, быструю девальвацию, неустойчивое ценообразование внутренних активов (например, на рынках недвижимости и на финансовых рынках), увеличение инфляции, рост безработицы при падении заработной платы и бегство капитала (Harvey, 2007. P. 50). Экономический кризис может привести к возникновению порочного круга, в котором банки отказываются предоставлять ссуды, в результате чего компании сокращают объемы производства и в дальнейшем

уменьшаются объемы продукции и доходы. В результате падают прибыли и компании разоряются. Когда компании становятся банкротами, балансы банков становятся плачевными, и банки продолжают отказываться предоставлять все больше и больше кредитов, тем самым усиливая спад в экономике.

Лучший способ справиться с рецессией – кейнсианская версия, согласно которой правительства должны проводить экспансионистскую денежно-кредитную и фискальную политику. Если Международный валютный фонд предложит сдерживающую денежно-кредитную и фискальную политику странам, охваченным кризисом, с упором на снижение инфляции, то правительства должны будут резко повысить процентные ставки. Экономисты, согласные с тем, что высокая инфляция сдерживает экономический рост, плохо понимают, что неуклонное снижение инфляции до очень низкого уровня может привести к экономическому росту (Stiglitz, 2008. Р. 55). Финансовый кризис в Европейском союзе по-разному повлиял на страны еврозоны, но негативные последствия этого кризиса для Греции, Испании, Ирландии, Португалии и Италии были намного сильнее, чем для других европейских стран. По мере распространения рецессии и замедления экономической активности налоговые поступления греческого правительства уменьшались.

Греция – страна с населением 10,8 млн человек и валовым внутренним продуктом около 298 млрд долл. Греция была одной из самых развитых северных стран с 1956 г. До 1973 г. Греция была развивающейся страной с высокими темпами экономического роста, в то время как инфляция и безработица были низкими. Но у ее экономики после 1973 г. совсем другое лицо: темпы экономического роста были нулевыми, а уровень инфляции и безработицы – очень высоким. В странах с такой высокой инфляцией получение информации и проведение расчетов цен на товары и услуги обходятся очень дорого. Но евро также смог снизить инфляцию и неопределенность, вызванную ею. Евро устраняет колебания обменного курса и возможность конкуренции между странами за девальвацию своих национальных валют. 1 января 2001 г. Греция стала двенадцатым членом еврозоны. В настоящее время в Греции экономический рост составляет 1,4 %, а доход на душу населения превышает 27 000 долл. Безработица составляет около 21 %, а инфляция – около 1 %². Однако государственный долг правительства находится на очень высоком уровне (рис. 1) (Betz, 2014. Р. 902).

Выход Греции из еврозоны означает возрождение греческой валюты. С формированием государства всеобщего благосостояния в европейских странах в последние десятилетия государственные расходы в этих странах резко увеличились, как и их бюджетный дефицит. Греция – одна из европейских стран, которая в последние годы приняла подход государства всеобщего благосостояния за счет увеличения государственных расходов, таких как снижение пенсионного возраста и увеличение социального страхования. Греческая экономика невелика, а возможности, предоставляемые правительством Греции своим гражданам, отличались от других стран. Например, в возрасте 53 лет каждый мог выйти на пенсию, когда в других европейских странах

² Heritage. (2019). Index of Economic Freedom : Greece. URL : <https://www.heritage.org/index/country/greece> (accessed : 06.02.2021).

выход на пенсию начинается с 65 лет. Конечно, по новому закону пенсионный возраст в Греции составляет 67 лет. В начале 2010 г. стало ясно, что Греция не может проводить финансовые реформы без внешней помощи Брюсселя или другого иностранного учреждения. Но после нескольких месяцев длительных переговоров лидеры еврозоны неохотно согласились в мае 2010 г. предоставить Греции пакет займов в размере 110 млрд евро, финансируемых Европейским союзом и Международным валютным фондом (Hodson, 2011. P. 231).

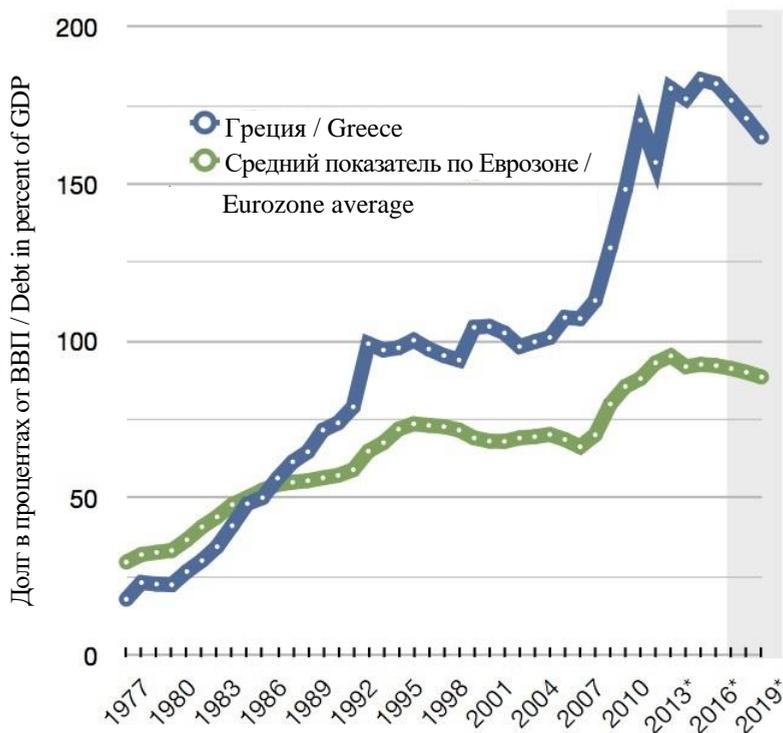

Рис. 1. Государственный долг Греции относительно среднего показателя по еврозоне (Betz, 2014)
Figure 1. Greece's public debt relative to the euro area average (Betz, 2014)

Во время финансового кризиса долг Греции достиг примерно 300 млрд евро, или 214 % валового внутреннего продукта страны, а дефицит бюджета Греции приблизился к 13 % ВВП. С одной стороны, цифры показывают, что правительство Греции нуждается в финансировании МВФ. С другой стороны, в обмен на получение финансовой помощи должны быть реализованы программы жесткой экономии, и в этом случае возникнет общественное недовольство, за которым следуют политические волнения. В результате греческое правительство должно найти разумный баланс между условиями Международного валютного фонда и получением финансовой помощи, чтобы иметь возможность пользоваться финансовой помощью данного международного учреждения без необходимости проводить обширные программы жесткой экономии. Однако следует отметить, что в соответствии с Маастрихтским договором на еврозону приходится более 60 % валового внутреннего про-

дукта в конце финансового года. Одновременно с этим бюджетный дефицит этих стран не должен превышать 3 % ВВП, но эта сумма была изменена до 0,5 % с ратификацией Международного финансового соглашения. Однако британское правительство и Чехия отказались подписать договор (Eckes, 2011. P. 47).

Пакеты помощи МВФ и ЕС Греции

4 октября 2009 г. лидер социалистов Геóргиос Папандрéу победил на выборах и стал премьер-министром Греции. В течение нескольких недель дефицит бюджета Греции превысил 12 % ВВП, а затем достиг 15,4 %³. 2 мая 2010 г. Международный валютный фонд и Европейский союз договорились предоставить Греции заем в размере 110 млрд евро (146 млрд долл.) сроком на три года, чтобы предотвратить банкротство Греции⁴. Из этой суммы 80 млрд долл. пришлось на долю Европейского союза, из них 22 млрд долл. пришлось на Германию. Вместо этого греческий премьер-министр согласился проводить политику жесткой экономии, которая снизит государственные расходы и повысит налоги. При реализации этой политики правительство получит около 30 млрд евро⁵. 31 октября 2011 г. Папандреу призвал к референдуму о финансировании ЕС и Международного валютного фонда. Однако референдум был отменен, после того как правоцентристская оппозиция согласилась финансировать профсоюз и фонд. Папандреу в конце концов ушел в отставку, и Лукас Пападемос стал ответственным за формирование кабинета национального единства для проведения жесткой экономии и структурных реформ⁶.

В таких обстоятельствах союз и фонд договорились 21 февраля 2012 г. о предоставлении Греции второго гранта в размере 130 млрд евро (172 млрд долл.)⁷. Новые выборы прошли в июне 2012 г. Правоцентристская партия набрала 30 % голосов. Антонис Самарас сформировал коалицию и присягнул профсоюзу и фонду⁸.

³ Papandreou tries to prop up the pillars // Economist. 2009, December 17. URL : <https://www.economist.com/node/15127474/print> (accessed : 04.02.2021).

⁴ Bilefsky D., Thomas L., Jr. Greece takes its bailout, but doubts for the region persist // New York Times. 2010, May 2. URL : <https://www.nytimes.com/2010/05/03/business/global/03drachma.html?pagewanted=all> (accessed : 05.02.2021).

⁵ Eurozone approve massive Greece bail-out // BBC. 2010, May 10. URL : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8656649.stm> (accessed : 03.02.2021).

⁶ Donadio R., Kitsantonis N. Greek leader calls off referendum on bailout plan // New York Times. 2011, November 3. URL : <https://www.nytimes.com/2011/11/04/world/europe/greek-leaders-split-on-euro-referendum.html?pagewanted=all> (accessed : 03.02.2021).

⁷ WRAPUP 10-Eurozone seals 2nd Greek bailout after tortuous talks // Reuters. 2012, February 21. URL : <https://www.reuters.com/article/greece/wrapup-10-eurozone-seals-2nd-greek-bailout-after-tortuous-talks-idUSL5E8DK0J620120221> (accessed : 05.02.2021).

⁸ Winnett R. Greece election vote leaves Euro in balance // Telegraph. 2012, June 17. URL : <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/greece/9337683/Greece-election-vote-leaves-Euro-in-balance.html> (accessed : 02.02.2021).

27 ноября 2012 г. профсоюз и фонд изменили условия финансовой помощи Греции, снизив процентные ставки по ее кредитам. Новая программа позволила правительству Греции поддерживать дефицит бюджета к 2020 г. на уровне 124 % ВВП вместо 120 % при условии его сокращения до 110 % к 2022 г.⁹ 17 июля 2013 г. парламент Греции утвердил новую политику жесткой экономии, которая отвечала предварительным условиям финансовой помощи со стороны союза и фонда. Согласно новому закону, 25 000 человек должны быть уволены из сектора государственных услуг, заработная плата снижена, а в налоговое законодательство внесены поправки¹⁰. Принятие таких законов привело к победе на выборах 25 января 2015 г. левой партии СИРИЗА, выступающей против режима жесткой экономии, в результате чего Алексис Ципрас стал премьер-министром Греции. Под его руководством правительство Греции решило выплатить долг Греции, пересмотреть условия финансовой помощи и расходы государственного сектора¹¹. В июле 2015 г. парламент Греции поддержал Программу третьей помощи и политику жесткой экономии (которая была предпосылкой для получения финансовой помощи). Грант составил 86 млрд евро (94 млрд долл.)¹². Закон был принят в августе 2015 г. Правительство Греции обязалось провести налоговые реформы, сократить государственные расходы, приватизировать государственную собственность и внести поправки в трудовое законодательство. Наконец, 20 августа 2018 г. завершилась программа третьей и последней финансовой помощи союза и фонда Греции. Греция должна около 290 млрд евро (330 млрд долл.) Европейскому союзу и Международному валютному фонду, а ее государственный долг достиг 180 % ее валового внутреннего продукта благодаря трем грантам, предоставленным Греции с 2010 г. Греция согласилась продлить свой бюджетный профицит до 2060 г., находиться под финансовым надзором ЕС и ввести новые меры жесткой экономии¹³.

Важно отметить, что в случае продолжения экономического спада и сокращения денежной массы в Греции, другие страны еврозоны могут столкнуться с аналогичными проблемами. Такая тенденция сейчас наблюдается в Испании и Португалии.

⁹ *Speigel P.* Eurozone agrees Greek aid deal // *Financial Times*. 2012, November 27. URL : <https://www.ft.com/content/95895162-3839-11e2-a97e-00144feabdc0> (accessed : 02.02.2021).

¹⁰ *Kitsantonis N.* Greece approves new austerity measures // *New York Times*. 2013, July 17. URL : https://www.nytimes.com/2013/07/18/world/europe/greece-approves-new-austerity-measures.html?_r=0 (accessed : 06.07.2020).

¹¹ *Syria win throws down challenge to Europe* // *Financial Times*. 2015. URL : <https://www.ft.com/content/9610da8a-a496-11e4-8959-00144feab7de> (accessed : 03.02.2021).

¹² *Maltezou R., Koutantou A.* Greek parliament approves bailout measures as Syria fragments // *Reuters*. 2015, July 16. URL : <https://www.reuters.com/article/us-eurozone-greece/greek-parliament-approves-bailout-measures-as-syriza-fragments-idUSKBN0P40EO20150716> (accessed : 02.02.2021).

¹³ *Greece emerges from Eurozone bailout after years of austerity* // *Guardian*. 2018, August 20. URL : <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/20/greece-emerges-from-eurozone-bailout-after-years-of-austerity> (accessed : 03.02.2021).

Заключение

В данном исследовании мы сосредоточились на глобализации в экономическом измерении. Неолиберальная модель глобализации стала доминирующим дискурсом с 1980-х гг. Глобализация теоретически связана с теориями неолиберализма и неолиберального институционализма. Неолиберализм связан с соглашением между Вашингтоном и неолиберальным институционализмом в практическом плане с международными организациями, такими как Международный валютный фонд. Точно так же Международный валютный фонд связал эти две теории на практике, реализовав неолиберальную политику Вашингтонского соглашения. Экономическая глобализация продвигается, а международные финансовые институты стали инструментом содействия экономической глобализации.

После того как Международный валютный фонд был создан в 1944 г. в рамках Бреттон-Вудской системы и зиждился на институциональных теориях, помимо выделения кредитов странам-кандидатам, МВФ также предоставлял технические консультации развивающимся странам. После кризиса 2008 г. в еврозоне и последующего тяжелого финансового и экономического кризиса в Греции европейская тройка, включая Европейский центральный банк, Европейскую комиссию и Международный валютный фонд, решила оказать финансовую помощь правительству Греции. В период с 2010 по 2015 г. Европейский союз и Международный валютный фонд предоставили Греции три гранта (110 млрд евро в 2010 г., 130 млрд евро в 2012 г. и 86 млрд евро в 2015 г.) при условии, что греческий парламент и правительство соглашаются проводить политику жесткой экономии и экономические реформы. Однако реализация этой политики вызвала противодействие левых партий и греческого народа, поскольку их реализация создавала серьезную угрозу общественному благосостоянию. Например, сокращение заработной платы могло отрицательно сказаться на качестве жизни среднего и рабочего классов. В результате финансовая помощь Международного валютного фонда Греции в соответствии с принципами неолиберальной политической экономии зависела от проведения правительством Греции политики структурной перестройки и жесткой экономии, что, несомненно, имело значительные политические и социальные последствия для греческого общества. Таким образом, реализация разной политики и поиск различных вариантов со стороны правительства Греции имели неоднозначные последствия, которые отображены на рис. 2.

То, что началось как долговой кризис в Греции в конце 2009 г., переросло в более широкий политический кризис в Европе, который, по мнению многих аналитиков, может привести к самому значительному спаду за более чем 60 лет европейской интеграции. С 2009 г. Греция, ее коллеги – члены Европейского союза и Международный валютный фонд предприняли беспрецедентные шаги, чтобы предотвратить греческий дефолт и гарантировать, что Греция останется членом единой валютной зоны ЕС, состоящей из 19 членов. Ключевые европейские лидеры постоянно подтверждали убежденность канцлера Германии Ангелы Меркель в том, что «если евро рухнет,

Европа рухнет», отражая их уверенность в том, что возможный «Грексит» из еврозоны, флагманского проекта ЕС, может серьезно подорвать целостность еврозоны и даже Европы.

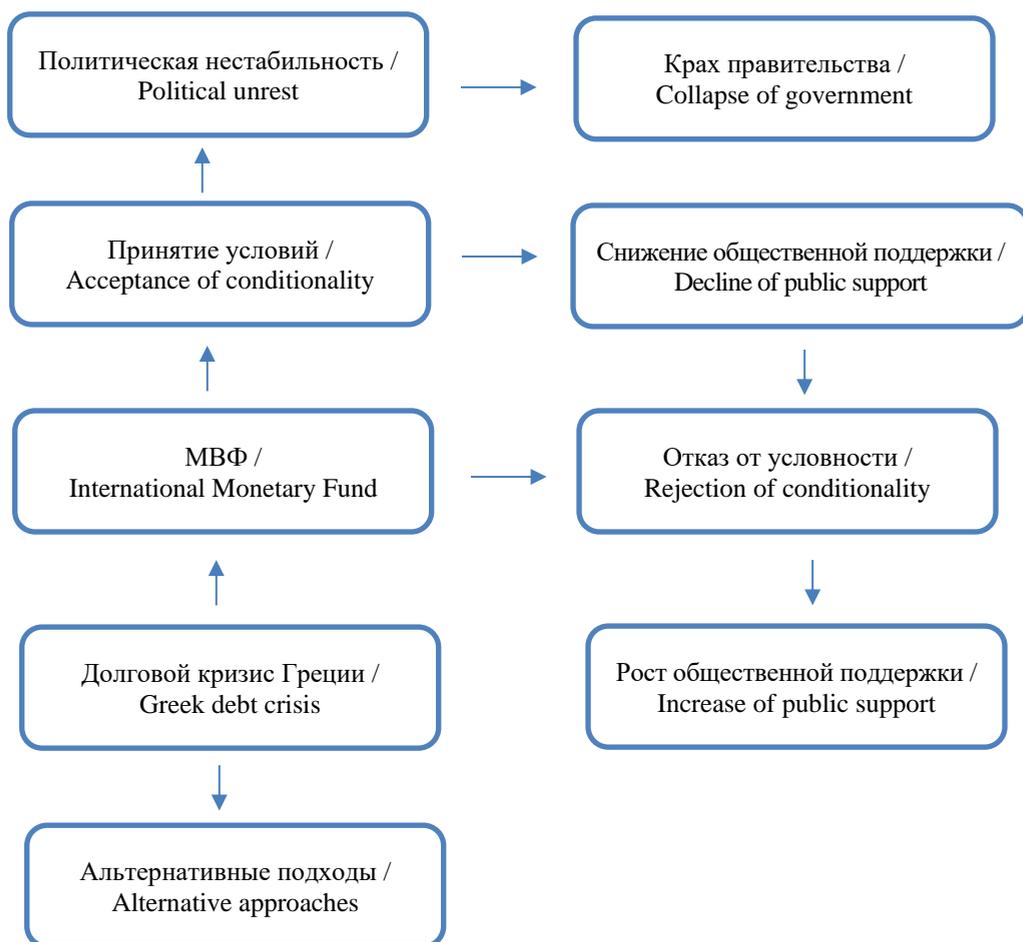

Рис. 2. Политика правительства Греции в отношении долгового кризиса
Figure 2. Greek government's policies toward debt crisis

Тем не менее ряд событий в конце июня – начале июля, в том числе неспособность Греции произвести запланированный платеж в МВФ и введение контроля за движением капитала в греческих банках, заставили многих аналитиков заявить, «Грексит» из еврозоны возможен. Такие опасения хотя бы временно развеялись 13 июля, когда лидеры еврозоны заявили, что достигли временного соглашения о предоставлении Греции дополнительной финансовой помощи. Однако многие аналитики сомневаются в политической и экономической жизнеспособности соглашения и опасаются, что «Грексит» все еще может вырисовываться в долгосрочной перспективе.

Экономическая борьба Греции потрясла политическую систему страны и разожгла общественное недовольство институтами ЕС и некоторыми членами еврозоны. С конца 2009 г. в стране было пять разных правительств. Каждое из них боролось – и два из них потерпели крах перед лицом расту-

щего общественного давления – с целью остановить сокращение расходов и экономические реформы, которые были реализованы в обмен на финансовую помощь со стороны кредиторов еврозоны и МВФ.

События в Греции, вероятно, пойдут следующим образом: 1) возможно, что внешняя финансовая поддержка будет приостановлена и страна снова объявит дефолт в течение всего лишь нескольких недель; 2) задолго до того, как это произойдет, перспектива выхода страны из еврозоны побудит домохозяйства и предприятия снимать свои вклады в огромных суммах, а без поддержки ЕЦБ бегство из банков приведет к тому, что многие из них обанкротятся; 3) правительство, столкнувшись с таким положением дел, будет вынуждено закрыть доступ к кредитной системе; 4) экономический спад станет еще более серьезным и в конечном итоге приведет к еще большему ухудшению исходной ситуации, когда государство в течение нескольких недель окажется не в состоянии платить ни зарплаты, ни пенсии, а кризис приобретет характеристики глубокой депрессии, прежде чем Центральный банк Греции, вернувший себе власть печатать и чеканить драхмы, наводнит экономику ликвидностью; 5) драхма немедленно потеряет в цене, в то время как инфляция одновременно вырастет и отрицательно скажется на покупательной способности заработной платы и пенсий.

Список литературы / References

- Baylis, J., & Smith S. (2008). *The globalization of world politics*. New York: Oxford University Press.
- Betz, F. (2014). Disequilibrium pricing – Greek Euro crisis. *Theoretical Economics Letters*, 4(9), 897–909.
- Das, D. (2004). *The economic dimensions of globalization*. New York: Palgrave.
- Dullien, S., Fritz, B., & Mühlich, L. (2018). The IMF to the rescue: Did Greece benefit from the fund's experience in dealing with highly indebted countries? *Journal of Economic Policy Reform*, 22(4), 369–383.
- Eckes, J.A.E. (2011). *The contemporary global economy: A history since 1980*. New York: John Wiley & Sons.
- Gabor, D. (2010). The International Monetary Fund and its new economics. *Development and Change*, 41(5), 805–830. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2010.01664.x>
- Harvey, D. (2007). *Neoliberalism of brief history*. Tehran: Akhtaran.
- Hodson, D. (2011). The EU economy: The Eurozone in 2010. *Journal of Common Market Studies*, 49, 231–249.
- Hunter, W.R. (2004). Is globalization reducing poverty and inequality? *World Development*, 32(4), 567–589.
- Huq, M., & Tribe, M. (2004). Economic development in a changing globalized economy. *Journal of International Development*, 16(7), 911–923.
- Kacowics, A. (2007). Globalization, poverty and North-South divide. *International Studies Review*, 9(4), 565–580.
- Kosmidis, S. (2014). Government constraints and accountability: Economic voting in Greece before and during the IMF intervention. *West European Politics*, 37(5), 1136–1155.
- Mohashin, K.M.S. (2017). IMF in Greece: In the shadow of the Washington consensus. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 19(6), 666–683.

- Rose, A. (2005). Which international institution promote international trade? *Review of International Economics*, 13(4), 682–689.
- Scholt, J. (2008). Defining globalization. *The World Economy*, 31(11), 1471–1502.
- Stiglitz J. (2008). Globalization and its issues. Tehran: Ney.
- Stiglitz, J. (2003). Democratizing the International Monetary Fund and the World Bank: Governance and accountability. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 16(1), 111–139.
- Turner, B. (2010). *The Routledge international handbook of globalization studies*. New York: Routledge.

Сведения об авторах / Bio notes

Бижан Ареф, аспирант кафедры этнополитологии, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: st082323@student.spbu.ru

Aref Bijan, postgraduate student in Political Science and Area Studies, Department of Political Studies, Saint Petersburg State University. E-mail: st082323@student.spbu.ru

Эджазий Эхсан, кандидат наук в сфере международных отношений, преподаватель факультета политологии, Гилянский университет. E-mail: EhsanEjazi95@gmail.com

Ehsan Ejazi, PhD in International Relations, lecturer at Department of Political Science, University of Guilan. E-mail: EhsanEjazi95@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-537-553

УДК 338

Научная статья / Research article

Проблемы таможенного контроля за перемещением опасных отходов через таможенную границу Евразийского экономического союза

Т.М. Воротынцева

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Российская таможенная академия,
Российская Федерация, 140015, Люберцы, Комсомольский пр-кт, д. 4*
✉ mstata67@list.ru

Аннотация. Опасные отходы являются триггером экологического кризиса, особенно на этапе все возрастающего производства и потребления товаров, ведущих к значительному увеличению промышленных отходов и их перемещению через таможенные границы. Трансграничное перемещение опасных отходов контролируется со стороны государства, на таможенные органы возложены задачи по защите национальной безопасности, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, окружающей среды, в том числе защиты от незаконного ввоза опасных отходов. Трансграничное перемещение опасных отходов осуществляется в рамках разрешительного порядка. Такой единый разрешительный порядок принят и в ЕАЭС в отношении ввоза на таможенную территорию, транзита, вывоза с таможенной территории опасных отходов. Данный порядок предполагает, что декларант представляет должностному лицу таможенного органа лицензию Министерства промышленности и торговли России или разрешение на трансграничное перемещение опасных отходов Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Однако, несмотря на усилия мирового сообщества в борьбе с опасными отходами, динамика незаконного перемещения отдельных видов отходов продолжает расти, что указывает на существование ряда неразрешенных проблем. В ходе исследования проанализирован понятийно-категориальный аппарат в области опасных отходов, рассмотрены основные положения порядка перемещения данной категории товаров через таможенную границу ЕАЭС. Основой для национального законодательства в части понятийного аппарата и регулирования трансграничного перемещения опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС служат нормы международного права, при этом сравнительный анализ подтверждает неоднозначность их распознавания и классификации в государствах – членах ЕАЭС. Проведенный анализ динамики перемещения опасных отходов, в том числе шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, показал, что с каждым годом проблемы защиты экологии становятся все острее. В результате исследования выявлены отдельные проблемы в области трансграничного перемещения опасных отходов и даны рекомендации по их решению.

Ключевые слова: Базельская конвенция, опасные отходы, анализ терминологии, классы опасности, экспорт опасных отходов, импорт опасных отходов, лицензирование, таможенный контроль, степень износа

© Воротынцева Т.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию 3 апреля 2021 г.; проверена 1 мая 2021 г.; принята к публикации 10 июня 2021 г.

Для цитирования: Воротынцева Т.М. Проблемы таможенного контроля за перемещением опасных отходов через таможенную границу Евразийского экономического союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 537–553. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-537-553>

Problems of customs control over the movement of hazardous waste across the customs border of the Eurasian Economic Union

Tatiana M. Vorotyntseva

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Russian Customs Academy,
4 Komsomolskii Prospekt, Lyubertsy, 140015, Russian Federation*
✉ mstata67@list.ru

Abstract. Hazardous waste is a trigger of the environmental crisis, especially at the stage of increasing production and consumption of goods, leading to a significant increase in industrial waste and its movement across customs borders. The cross-border movement of hazardous waste is controlled by the state, customs authorities are entrusted with the tasks of protecting national security, human life and health, animal and plant life, the environment, including protection against the illegal import of hazardous waste. The transboundary movement of hazardous wastes is carried out within the framework of the permissive procedure. Such a unified licensing procedure has also been adopted in the EAEU with respect to the import into the customs territory, transit, export from the customs territory of dangerous wastes. This procedure assumes that the declarant submits to an official of the authorized body a license of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation or a permit for the transboundary movement of hazardous waste of the Federal Service for Supervision of Environmental Management. However, despite the efforts of the international community in the fight against hazardous waste, the dynamics of illegal movement of certain types of waste continues to grow, which indicates the existence of a number of unresolved problems. In the course of the study, the conceptual and categorical apparatus in the field of “hazardous waste” is analyzed, the main provisions of the procedure for moving this category of goods across the customs border of the EAEU are considered. The basis for national legislation in terms of the conceptual apparatus and regulation of the transboundary movement of hazardous wastes through the customs territory of the EAEU is the norms of international law, while a comparative analysis confirms the ambiguity of their recognition and classification in the EAEU member states. The analysis of the dynamics of the movement of hazardous waste, including used pneumatic tires and tires, showed that every year the problems of environmental protection become more acute. As a result of the study, specific problems in the field of transboundary movement of hazardous wastes were identified and recommendations for their solution were given.

Keywords: Basel Convention, hazardous waste, terminology analysis, hazard classes, export of hazardous waste, import of hazardous waste, licensing, customs control, degree of wear and tear

Article history: received 3 April 2021; revised 1 May 2021; accepted 10 June 2021.

For citation: Vorotyntseva, T.M. (2021). Problems of customs control over the movement of hazardous waste across the customs border of the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 537–553. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-537-553>

Введение

На современном этапе развития научно-технического прогресса и широкого внедрения высокотехнологичных процессов возникает необходимость защиты национальной безопасности, включая экономическую, военную, продовольственную, безопасность товаров в рамках технического регулирования, экологическую и др. Исследованиям вопросов безопасности придается огромное значение. Особое внимание следует уделить научным работам с участием О.А. Дмитриевой (Vorotyntseva et al., 2019), В.Е. Новикова (Воротынцева, Новиков, 2018), Т.М. Воротынцевой (Воротынцева, 2017), Т.Н. Сауренко (Воротынцева, Сауренко, 2018), А.Ю. Пак (Пак, 2020), В.Г. Анисимова, Е.Г. Анисимова (Anisimov et al., 2018, 2019), М.А. Сорокина и А.М. Сорокина (Sorokin, Sorokin, 2019), К. Бхаттарай и Д. Конвея (Bhattarai, Conway, 2021).

В данном исследовании рассмотрим проблемы значительного увеличения промышленных отходов, что требует повышения эффективности применения инструментов защиты окружающей среды для решения проблем загрязнения окружающей среды отходами производства и потребления (Жукова и др., 2020). Экологический кризис является международной проблемой и ставит перед мировым сообществом цель непрерывного контроля безопасности для целей повышения качества жизни населения, связанного с влиянием экологических факторов (Сушко и др., 2018). Для достижения необходимого уровня безопасности, в том числе экологической, целесообразно модернизировать соответствующие промышленные предприятия. В рыночных условиях разработка должна быть направлена на обеспечение способности быстро реагировать на изменения конъюнктуры товарных рынков. Эти изменения напрямую направлены на обновление оборудования и совершенствование технологических процессов (Churin et al., 2020). Трансграничное перемещение опасных отходов также требует обеспечения максимальной безопасности и выполнения всех норм при транспортировке. Важно отметить, что в основу оценки эффективности контроля за трансграничным перемещением отходов должна быть положена методика, состоящая из перечня показателей и учитывающая особенности сферы деятельности. (Vorotyntseva et al., 2020).

Обзор литературы

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) требования по трансграничному перемещению опасных отходов регламентированы Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30 (ред. от 24.03.2020 г.) «О мерах нетарифного регулирования». Однако данный документ не содержит дефиниции к термину «опасные отходы», имеется лишь отсылочная норма к применению Базельской конвенции (далее – Конвенция) о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, подписанной в г. Базеле (Швейцария) 22 марта 1989 г., в которой закреплено понятие «отходы». В соответствии с требованиями Конвенции к отходам относятся вещества или предметы, которые *удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению*. При этом Конвенция содержит Приложения I и III, включающие отходы, обладающие опасными свойствами,

например, медицинские отходы, соединения токсичных и экотоксичных веществ, огнеопасные твердые вещества и жидкости. Следует отметить, что контролирующие функции за трансграничным перемещением опасных отходов возложены на таможенные органы государств – членов ЕАЭС. Миссия таможенных органов Российской Федерации должна способствовать обеспечению безопасности российской экономики, а также защите своих граждан от поддельной и опасной продукции (Vorotyntseva et al., 2020). Особое внимание следует уделить пресечению незаконного перемещения товаров и транспортных средств через границу Российской Федерации (Воротынцева, Евдокимова, 2018).

Перемещение отходов осуществляется только по разрешительному порядку посредством лицензирования и применения иных административных мер регулирования внешнеторговой деятельности (Воротынцева, 2021)

Страны – участники Конвенции, в том числе государства – члены ЕАЭС, вправе закреплять в национальном законодательстве характеристики и категории опасных отходов. Основой для национального законодательства в части регулирования трансграничного перемещения опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС служат нормы международного права. Но законодательные и правовые акты государств – членов ЕАЭС содержат недостаточно гармонизированные определения к термину «опасные отходы» и к классам опасности, что негативно влияет на деятельность таможенных органов при таможенном контроле опасных грузов (Афонин и др., 2019).

Методы исследования

В процессе исследований были использованы методы синтеза, индукции и сравнительного анализа терминологии в области опасных отходов по странам ЕАЭС и мер контроля за трансграничным перемещением данных товаров. Кроме этого, применялись комплекс-методы оценки соответствия экологических показателей действующим стандартам (Казакова, Когденко, 2021).

Результаты

В рамках проведенного исследования были проанализированы следующие национальные нормативные правовые документы государств – членов ЕАЭС:

- Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ (ред. 07.04.2020 г.) «Об отходах производства и потребления»;
- Закон Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-3 «Об обращении с отходами» (ред. 10.05.2019 г. № 186-3);
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 11.07.2007 г. № 594 «Об утверждении правил ввоза, вывоза и транзита отходов» (ред. 31.12.2013 г. № 1535);
- Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 г. № 212-III «Экологический кодекс Республики Казахстан» (ред. 02.01.2021 г.);
- Закон Кыргызской Республики от 13.11.2001 г. № 89 (ред. 23.03.2020 г.) «Об отходах производства и потребления»;
- Закон Республики Армении от 24.11.2004 г. (ред. 14.11.2020 г.) «Об отходах».

Сравнительный анализ применяемой терминологии подтверждает неоднозначность распознавания отходов и расхождения в части классификации опасных отходов по классам опасности в государствах – членах ЕАЭС (таблица).

На основании приведенных данных можно сделать вывод об отсутствии единой системы классификации отходов, что влияет на порядок их ввоза или вывоза. Следовательно, критерии защищенности национальной безопасности в части трансграничного перемещения отходов будут различными, что противоречит ст. 351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, предусматривающей основные задачи и функции таможенных органов, изложенные в следующей редакции: «защита национальной безопасности государств – членов Евразийского экономического союза, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, окружающей среды».

Таблица

Сравнительный анализ терминологии в области опасных отходов и их классификация (Воротынцева, 2021)

Государство – член ЕАЭС	Термин и его дефиниция	Классы опасности
Российская Федерация	Отходы производства и потребления – вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с федеральным законом. К отходам не относится донный грунт	5 классов опасности: I класс – чрезвычайно опасные отходы. II класс – высокоопасные отходы. III класс – умеренно опасные отходы. IV класс – малоопасные отходы. V класс – практически неопасные отходы
Республика Беларусь	Опасные отходы – отходы, содержащие в своем составе вещества, обладающие каким-либо опасным свойством или их совокупностью, в таких количестве и виде, что эти отходы сами по себе либо при вступлении в контакт с другими веществами могут представлять непосредственную или потенциальную опасность причинения вреда окружающей среде, здоровью граждан, имуществу вследствие их вредного воздействия	4 класса опасности: Первый класс – чрезвычайно опасные. Второй класс – высоко опасные. Третий класс – умеренно опасные. Четвертый класс – малоопасные
Республика Казахстан	Отходы – представляют собой вещества или предметы, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с экологическим законодательством Республики Казахстан	3 уровня опасности: Красный – индекс R. Янтарный – индекс A. Зеленый – индекс G
Кыргызская Республика	Опасные отходы – отходы (кроме радиоактивных), содержащие в своем составе вещества, которые обладают одним из опасных свойств (таким, как токсичность, инфекционность, взрывчатость, воспламеняемость, высокая реакционная способность) и присутствуют в таком количестве и в таком виде, что представляют непосредственную или потенциальную опасность для здоровья людей или окружающей среды самостоятельно и при контакте с другими веществами	5 классов опасности: Первый класс – вещества (отходы) чрезвычайно опасные. Второй класс – вещества (отходы) высоко опасные. Третий класс – вещества (отходы) умеренно опасные. Четвертый класс – вещества (отходы) малоопасные. Пятый класс – практически неопасные
Республика Армения	Отходы производства (в том числе недропользования) и потребления – остатки сырья, материалов, продуктов, появившихся во время производства и потребления или другой продукции или продуктов, а также товары (продукция), которые потеряли свои начальные потребительские качества	5 классов опасности: 1-й класс – чрезвычайно опасные отходы. 2-й класс – высокоопасные отходы. 3-й класс – умеренноопасные отходы. 4-й класс – малоопасные отходы. 5-й класс – нетоксичные отходы

Comparative analysis of terminology in the field of hazardous waste and its classification (Vorotyntseva, 2021)

Member state of the EAEU	The term and its definition	Hazard classes
Russian Federation	Production and consumption waste – substances or objects that are formed in the process of production, performance of works, provision of services or in the process of consumption, which are disposed of, are intended for disposal or are subject to disposal in accordance with Federal Law. Bottom soil does not belong to waste	5 hazard classes: Class I – extremely hazardous waste. Class II – highly hazardous waste. Class III – moderately hazardous waste. Class IV – low-hazard waste. Class V – practically non-hazardous waste
Republic Belarus	Hazardous waste – waste containing substances in its composition that have any dangerous property or their combination, in such quantity and form that these wastes themselves or when they come into contact with other substances may pose an immediate or potential danger of causing harm to the environment, the health of citizens, property due to their harmful effects	4 hazard classes: The first class is extremely dangerous. The second class is highly dangerous. The third class is moderately dangerous. The fourth class is low-risk
Republic Kazakhstan	Waste is a substance or object that is disposed of, intended for disposal or subject to disposal in accordance with the environmental legislation of the Republic of Kazakhstan	3 levels of danger: Red is the R index. Amber is the index A. Green is the G index
Kyrgyz Republic	Hazardous waste – waste (other than radioactive waste) containing substances in its composition that have one of the dangerous properties (such as toxicity, infectivity, explosiveness, flammability, high reactivity) and are present in such quantities and in such a form that they pose an immediate or potential danger to human health or the surrounding environment independently and in contact with other substances	5 hazard classes: The first class is extremely dangerous substances (waste). The second class is highly hazardous substances (waste). The third class is moderately dangerous substances (waste). The fourth class is low-hazard substances (waste). The fifth class is practically non-dangerous
Republic Armenia	Waste of production (including subsurface use) and consumption – remnants of raw materials, materials, products that appeared during production and consumption or other products or products, as well as goods (products) that have lost their initial consumer qualities	5 hazard classes: Class 1 – extremely hazardous waste. Class 2 – highly hazardous waste. Class 3 – moderate hazardous waste. Class 4 – low-hazardous waste. Class 5 – non-toxic waste

Необходимо гармонизировать терминологический аппарат и классификационную систему в сфере опасных отходов, что позволит повысить эффективность контроля за ввозом на таможенную территорию ЕАЭС и вывозом с таможенной территории ЕАЭС данной категории товаров.

Решение ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 (ред. от 24.03.2020 г.) «О мерах нетарифного регулирования» в части трансграничной перевозки опасных отходов включает отсылочную норму на Базельскую конвенцию, в которой под такой перевозкой понимается «любое перемещение опасных или других отходов из района, находящегося под национальной юрисдикцией одного государства, в район или через район, находящийся под национальной юрисдикцией другого государства, либо в район или через район, не находящийся под национальной юрисдикцией какого-либо государства, при условии, что такая перевозка затрагивает по крайней мере два государства», а экологически обоснованное использование опасных или других отходов представляет собой «принятие всех практически возможных мер для того, чтобы при использовании опасных или других отходов здоровье человека и окружающая среда за-

щищались от возможного отрицательного воздействия таких отходов». Таким образом, международные нормы являются базой для унификации алгоритма трансграничного перемещения опасных отходов на национальном уровне.

Основными положениями Базельской конвенции предусматриваются следующие обязательства сторон, присоединившихся к ней:

1) информирование всех сторон Конвенции о принятом решении о запрете импорта опасных или других отходов;

2) недопущение импорта опасных отходов или других отходов без согласия страны импорта;

3) недопущение экспорта опасных отходов или других отходов в страну-импортер, которая ввела запрет на ввоз отходов;

4) разработка и принятие мер способствующих соблюдению положений Базельской конвенции;

5) запрет экспорта опасных или других отходов на территорию государства, не являющегося членом Конвенции;

6) транспортировка, удаление опасных или иных отходов осуществляется лицами только с разрешения или согласия компетентного органа на проведение таких операций;

7) установление на уровне национального законодательства требований по маркировке, упаковке, транспортировки в соответствии с общепринятыми международными документами;

8) сопровождение опасных или других отходов документом о перевозке из пункта, который является началом трансграничной перевозки, до места их удаления.

Алгоритм осуществления трансграничной перевозки опасных отходов включает определенную последовательность операций:

1) производитель отходов заключает договор об удалении отходов с лицом, ответственным за удаление отходов в стране импорта;

2) производитель отправляет информацию в уполномоченный орган страны-экспортера о предполагаемой перевозке;

3) Уполномоченный орган принимает решение:

– запретить экспорт опасных отходов;

– разрешить экспорт опасных отходов и направить уведомление о принятом решении в страну транзита и в страну импорта для согласования;

4) страна транзита принимает решение в течение 60 дней:

– о согласовании перевозки;

– о запрете перевозки;

5) компетентный орган страны импорта направляет в страну транзита и страну экспорта в письменном виде свое согласие или не согласие на ввоз и удаление опасных отходов;

6) компетентный орган страны экспорта при условии положительных ответов и подтверждения наличия договора об удалении отходов разрешает экспорт и выдает документ о перевозке.

Далее рассмотрим требования нормативной правовой системы регулирования трансграничного перемещения опасных отходов в рамках ЕАЭС, в том числе и на территории Российской Федерации.

Контроль за трансграничным перемещением опасных отходов по территории ЕАЭС регламентируется наднациональными актами. Основным наднациональным документом, регламентирующим разрешительный порядок перемещения опасных отходов через таможенную границу ЕАЭС, является Решение Коллегии ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 (ред. от 24.02.2021 г.) «О мерах нетарифного регулирования». Разрешительный порядок перемещения опасных отходов через таможенную границу ЕАЭС осуществляется посредством представления лицензии или заключения на импорт или экспорт лицензируемого товара. Порядок оформления лицензии на импорт или экспорт отдельных товаров, а также порядок заполнения заявления на выдачу лицензии установлен Решением Коллегии ЕЭК от 06.11.2014 г. № 199 (ред. от 06.08.2019 г.) «Об Инструкции об оформлении заявления на выдачу лицензии на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и об оформлении такой лицензии и Инструкции об оформлении разрешения на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров».

Право государств – членов ЕАЭС реализуется на уровне национального законодательства. Так, в России правила трансграничного перемещения отходов определены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.2003 г. № 442 (ред. от 20.03.2018 г.) «О трансграничном перемещении отходов». Данный нормативный правовой акт устанавливает правила ввоза отходов на территорию Российской Федерации в целях их экологически безопасного использования, вывоза отходов с территории Российской Федерации, а также транзита отходов по ее территории. Документ содержит перечни отходов, в отношении которых требуется представление лицензии Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России), которая выдается на основании разрешения Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Во втором перечне перечислены отходы, при перемещении которых осуществляется разрешительный порядок ввоза или вывоза, в первом – запрещенные к ввозу на территорию Российской Федерации опасные отходы, при экспорте которых также требуется лицензия Минпромторга России, согласованная с Росприроднадзором.

Меры, обеспечивающие соблюдение взятых Российской Федерацией обязательств по ратификации Базельской конвенции, предусмотрены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.10.2015 г. № 1110 «О мерах по обеспечению выполнения Российской Федерацией обязательств, предусмотренных Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (с изм. от 21.02.2019 г.)». В соответствии с данным постановлением запрещен ввоз в Российскую Федерацию опасных отходов для их захоронения и сжигания. Государственным органом, разрабатывающим контрольные мероприятия и осуществляющим таможенный контроль за ввозом, вывозом, транзитом опасных отходов через территорию РФ, является Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Несмотря на закрепленный алгоритм перемещения опасных отходов, существует тенденция развития теневого сектора переработки отходов электронной и электротехнической продукции и контрабандного перемещения электронных отходов в развивающиеся страны (Гуреев и др., 2021).

В связи с этим следует отметить необходимость правового и полицейского сотрудничества в сфере борьбы с трансграничной преступностью между государствами – членами ЕАЭС, исходя из опыта Европейского союза (Тимошенко, Егурнов, 2021).

Далее целесообразно рассмотреть динамику импорта и экспорта опасных отходов на примере шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, в рамках наиболее крупных стран-импортеров и экспортеров рассматриваемой группы опасных отходов в период с 2017 г. по I квартал 2020 г. Шины и покрышки пневматические, бывшие в употреблении (код ТН ВЭД ЕАЭС 4012200001 и 4012200009) на наднациональном уровне относятся к опасным отходам. Выбор объекта анализа связан с тем, что общемировые запасы отработанных автомобильных шин и покрышек ежегодно увеличиваются более чем на 7 млн т и составляют на сегодняшний день более 80 млн т. Кроме этого, данные отходы специфичны и средний уровень переработки бывших в употреблении шин и покрышек не превышает 20–25 % (Переработка..., 2018).

Динамика импорта шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, классифицируемых в товарной подсубпозиции 4012200009 ТН ВЭД в стоимостном и количественном выражении представлена на рис. 1 и 2 соответственно.

В 2017 г. наибольшее значение импорта в стоимостном и количественном выражении приходилось на Республику Беларусь. Импорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении (код ТН ВЭД 4012200009), из Республики Беларусь составил 2693 долл. США, или 139 382 шт, также крупными импортерами бывших в употреблении шин и покрышек являлись Германия и Китай, стоимостной объем импорта которых в 2017 г. составил 162,76 и 16,26 тыс. долл. США, а количественный 23 249 и 1466 шт соответственно. В 2018 г. наблюдалась тенденция спада импорта в 11 раз, или на 2447 тыс. долл. США.

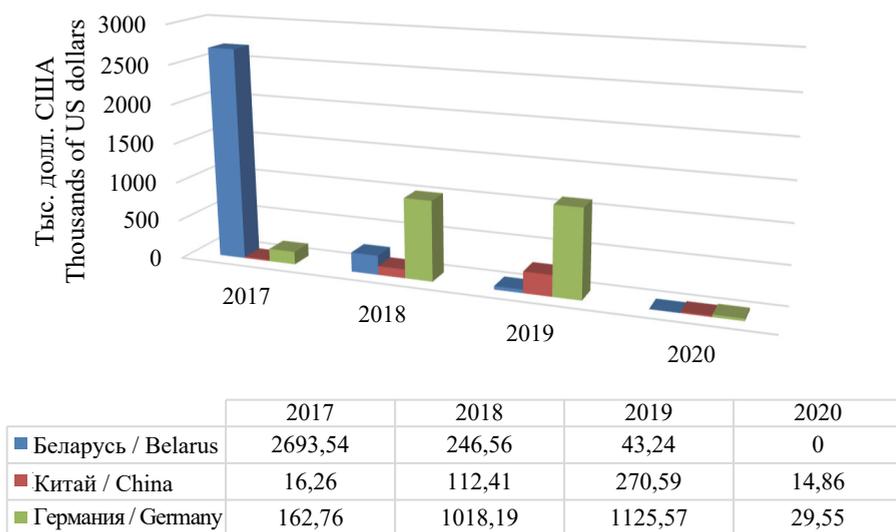
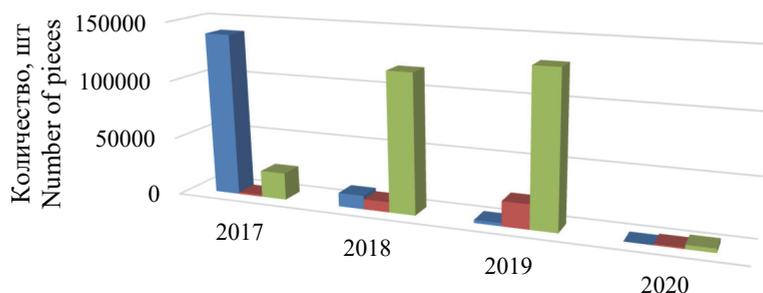

Рис. 1. Импорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении с 2017 по I квартал 2020 г., тыс. долл. США

Figure 1. Import of used tires and pneumatic tires from 2017 to the first quarter of 2020, thousand US dollars

	2017	2018	2019	2020
■ Беларусь / Belarus	139382	11656	2570	0
■ Китай / China	1466	8723	21049	1163
■ Германия / Germany	23249	118753	130903	3439

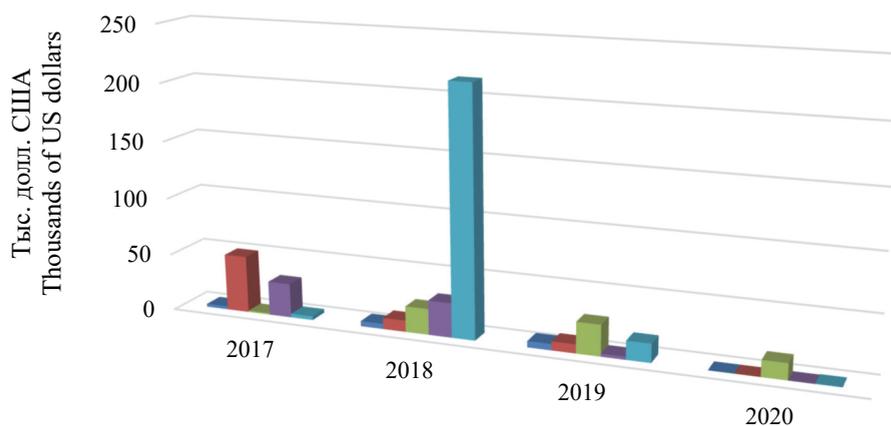
Рис. 2. Импорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении с 2017 по I квартал 2020 г., шт
Figure 2. Import of used tires and pneumatic tires from 2017 to the first quarter of 2020, pcs

Импорт бывших в употреблении шин и покрышек из Германии в стоимостном выражении увеличился в 6 раз, составив в 2018 г. 1018,19 тыс. долл. США, что больше значения 2017 г. на 855,43 тыс. долл. США. Импорт в количественном выражении в 2018 г. возрос в 5 раз, составив 118 753 шт, что больше значения 2017 г. на 95 504 шт.

В 2018 г. также возрос импорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, из Китая, составив 112,41 тыс. долл. США, или 8723 шт, что на 96,15 тыс. долл. США, или 7257 шт, больше по сравнению с 2017 г. С 2019 по I квартал 2020 г. наибольшее стоимостное и количественное значение импорта приходится на Германию. В 2019 г. стоимостной и количественный объем импорта из Германии продолжил расти и составил 1126 тыс. долл. США, или 130 903 шт, что больше значений предыдущего года в 1,1 раза. Также в 2019 г. в 1,8 раза возрос импорт шин и покрышек, бывших в употреблении, из Китая, составив 271 тыс. долл. США, тогда как количественный объем импорта из Китая возрос в 2,4 раза, составив в 2019 г. 21 049 шт. В 2020 г. лидером по импорту рассматриваемой категории опасных отходов остается Германия. Динамика экспорта шин и покрышек, бывших в употреблении, классифицируемых кодом 4012200009 ТН ВЭД, в стоимостном и количественном выражении представлена на рис. 3 и 4.

В 2017 г. наибольшее значение стоимостного объема экспорта приходилось на Казахстан и Узбекистан, который составил около 50 и 30 тыс. долл. США соответственно. Также, крупными странами – импортерами указанных отходов из Российской Федерации являлись Беларусь, Нидерланды и Бельгия.

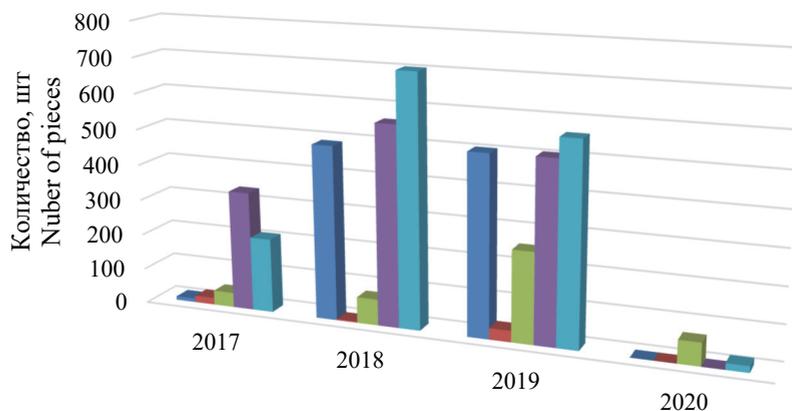
За рассматриваемый период наблюдался рост стоимостного объема экспорта в Нидерланды: с 2017 по 2018 г. произошел резкий скачок объемов импорта в 20 раз, после которого стоимостной объем экспорта изменялся незначительно.

	2017	2018	2019	2020
Беларусь / Belarus	2,51	4,5	5,42	0
Казахстан / Kazakhstan	49,81	9,85	7,76	0
Нидерланды / Netherlands	1,14	22,44	26,93	14,04
Узбекистан / Uzbekistan	29,82	29,97	2,66	0
Бельгия / Belgium	3,26	215,23	16,23	0,41

Рис. 3. Экспорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении с 2017 по I квартал 2020 г., тыс. долл. США

Figure 3. Export of used tires and pneumatic tires from 2017 to the first quarter of 2020, thousand US dollars

	2017	2018	2019	2020
Беларусь / Belarus	10	488	504	0
Казахстан / Kazakhstan	19	3	32	0
Нидерланды / Netherlands	41	73	254	64
Узбекистан / Uzbekistan	335	560	506	0
Бельгия / Belgium	209	703	561	18

Рис. 4. Экспорт шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении с 2017 по I квартал 2020 г., шт

Figure 4. Export of used pneumatic tires and tires from 2017 to the first quarter of 2020, pcs

Наибольшее значение стоимостного объема экспорта шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, в Бельгию было зафиксировано в 2018 г. и составило 215 тыс. долл. США.

Проблема, связанная с трансграничным перемещением шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, с каждым годом все более остро стоит перед таможенными органами государств – членов ЕЭАС. При ввозе на таможенную территорию ЕАЭС и вывозе с таможенной территории ЕАЭС опасных отходов декларант обязан представлять таможенному органу в зависимости от выбранной таможенной процедуры (разрешительный документ) лицензию или заключение на трансграничное перемещение опасных отходов и сертификат соответствия требованиям экологической безопасности, что регламентируется как нормами права ЕАЭС, так и национальным законодательством Российской Федерации.

Следует отметить, что на территории Российской Федерации ежегодно образуется приблизительно 1,7 млн т шин и покрышек, бывших в употреблении, при этом экологически обоснованным способом перерабатывается только 24 % из них. В среднем 63 % от общего объема образовавшихся шин и покрышек, бывших в употреблении, выбрасывается на полигоны или подлежат захоронению. Однако с 1 января 2018 г. вступило в силу Распоряжение Правительства РФ от 25.07.2017 г. № 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается». В отношении рассматриваемых отходов, которые именуются в позициях с 86 по 90 Перечня, данное Распоряжение вступило в силу с 1 января 2019 г. Целью принятия Распоряжения № 1589-р является развитие отрасли по переработке отходов. Необходимость переработки данных отходов обусловлена тем, что шины и покрышки, бывшие в употреблении, подвергаются длительному циклу разложения (от 120 до 150 лет), при котором в почву и подземные воды выделяются опасные химические соединения: бензол, стирол, ксилол, толуол и канцерогены: сероуглерод, формальдегид, фенолы, наносящие серьезный вред окружающей среде, а также здоровью человека.

Переработка бывших в употреблении шин и покрышек предусматривает следующие методы: сжигание, пиролиз, восстановление и механическое измельчение. Около 70 предприятий в Российской Федерации занимаются переработкой бывших в употреблении шин и покрышек пневматических, но их совокупная мощность составляет лишь третью часть от общего количества отходов (573,5 тыс. т). Таким образом, отрасль по переработке опасных отходов находится на начальном этапе, поэтому ввоз и вывоз рассматриваемых отходов должен регулироваться на государственном уровне.

В соответствии с Решением Коллегии ЕЭК № 30, таможенные органы осуществляют таможенный контроль в отношении лицензируемых опасных отходов, перемещаемых через таможенную территорию ЕАЭС. Однако примечание к Перечню 2.3 говорит о том, что при отнесении перемещаемого товара к опасным отходам необходимо руководствоваться не только кодом ТН ВЭД, но и наименованиями, химическими и физическими характеристиками товара. Недостаточно корректно изложенное примечание, дает возмож-

ность информационной фальсификации о характере и направлении использования товаров. На практике примечание позволяет недобросовестным декларантам не соотносить перевозимые шины и покрышки пневматические с опасными отходами, заявляя, что по своим потребительским свойствам данные шины пригодны для дальнейшей эксплуатации по прямому назначению, ссылаясь на ГОСТ 33997-2016 «Колесные транспортные средства. Требования к безопасности в эксплуатации и методы проверки (с Поправкой)». Определение степени износа ввозимых шин и покрышек пневматических, проведение качественной идентификации – очень сложный, емкий, длительный и часто дорогостоящий процесс (Воротынцева, 2017). Именно степень износа является критерием отнесения шин к отходам.

Анализ статистики выданных лицензий на перемещение шин и покрышек пневматических в период с 2015 по 2020 г. дает основание подозревать наличие нарушений порядка трансграничного перемещения опасных отходов через таможенную границу ЕАЭС. Необходимо отметить, что применение современных информационных технологий на транспорте и в торговле позволяет повысить эффективность всего транспортного процесса за счет быстрого доступа к информации о субъектах (покупателе, перевозчике, услугах) и объектах отгрузки (товарах, терминалах, транспорте) и принятия наиболее рационального решения (Churpin et al., 2020).

Заключение

Результаты проведенных исследований свидетельствует о том, что обеспечение эффективного контроля за перемещением опасных отходов через таможенную границу ЕАЭС, предусматривающего защиту национальной безопасности государств – членов ЕАЭС, невозможно без гармонизации требований в области терминологии и классификации по классам опасности отходов. В условиях стремления стран к созданию цифровой экономики целесообразно проанализировать потенциал инновационных технологий для их адаптации к различным отраслям хозяйствования (Vorotyntseva et al., 2019).

Целесообразно для оценки рисков трансграничного перемещения опасных отходов использовать модели математического программирования, основанные на принципе избирательного контроля (Anisimov et al., 2017).

Для решения выявленных проблем целесообразно:

– разработать для таможенных органов единые критерии по физическим и химическим характеристикам шин и покрышек пневматических, бывших в употреблении, ориентируясь на которые должностные лица таможенных органов смогут принимать решения в части соблюдения разрешительного порядка их ввоза и вывоза;

– закрепить обязательства участников ВЭД представлять должностному лицу таможенного органа заключение Федеральной службы по надзору в сфере природопользования о не отнесении перемещаемого товара к опасным отходам, если при классификации в соответствии с ТН ВЭД код перемещаемого товара попадает в Перечень 2.3 Решения Коллегии ЕЭК № 30.

Список литературы

- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Сауренко Т.Н., Зотова Е.А.* Модели прогнозирования рисков деструктивного влияния информационных процессов в системах управления модели прогнозирования опасности деструктивных воздействий на информационные процессы в системах управления // Информационные и управляющие системы. 2019. № 5 (102). С. 18–23.
- Анисимов В.Г., Зегжда П.Д., Супрун А.Ф., Анисимов Е.Г.* Проблема инновационного развития систем информационной безопасности в транспортной отрасли // Автоматика и информатика. 2018. Т. 52. № 8. С. 1105–1110.
- Афонин Д.Н., Афонин П.Н., Поль-Мари А.Л., Яргина Н.Ю.* Таможенный контроль при перевозке опасных грузов международным сообщением : учебное пособие. СПб., 2019.
- Воротынцева Т.М.* Анализ проблем экспортного контроля // Маркетинг и логистика. 2017. № 2 (10). С. 131–139.
- Воротынцева Т.М.* О проблемах трансграничного перемещения опасных отходов // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2021. № 3. С. 18–28.
- Воротынцева Т.М.* Проблемные вопросы технического регулирования в ЕАЭС // Маркетинг и логистика. 2017. № 4 (12). С. 16–26.
- Воротынцева Т.М., Евдокимова О.В.* Проблемные аспекты перемещения продукции военного назначения через государственную границу РФ // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, РУДН, 11 апреля 2018 г.). М. : РУДН, 2018. С. 39–49.
- Воротынцева Т.М., Новиков В.Е.* Проблемы регулирования безопасности продовольственного рынка России // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 12. С. 17–22. <http://dx.doi.org/10.32651/2070-0288-2018-12-17-22>
- Воротынцева Т.М., Сауренко Т.Н.* Институциональные рамки торговли товарами в ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. 2018. Т. 26. № 1. С. 38–46. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-1-38-46>
- Гуреев П.М., Фаюстов А.А., Прохорова И.С.* К вопросу о теневой утилизации электронных отходов // Экология и промышленность России. 2021. Т. 25. № 4. С. 66–71.
- Жукова Ю.М., Никулина С.Н., Яковлева О.В., Чериканова Е.А.* Анализ основных тенденций развития системы обращения с отходами в России : проблемы и перспективы // Экология и промышленность России. 2020. Т. 24. № 8. С. 66–71.
- Казакова Н.А., Когденко В.Г.* Мониторинг основных параметров экологической безопасности промышленного производства // Экология и промышленность России. 2021. Т. 25. № 3. С. 60–65.
- Пак А.Ю.* Внешнеторговая безопасность и система ее обеспечения как особенный элемент экономической безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 597–607. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-597-607>
- Переработка шин в России и мире // Твердые бытовые отходы.* 2018. № 6. С. 34–36.
- Сорокин М.А., Сорокин А.М.* Создание условий для ценовой конкуренции с применением системы управления рисками при таможенном контроле товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Интеллектуальные инновации, системы и технологии. 2019. Т. 139. С. 331–339.
- Сушко В.А., Бухтиярова И.Н., Зубова О.Г.* Экология как фактор формирования качества жизни : методология социологического анализа // Экология и промышленность России. 2018. Т. 22. № 2. С. 58–63.
- Тимошенко Н.А., Егурнов А.А.* Сотрудничество в сфере борьбы с трансграничной преступностью в рамках Евразийского экономического союза // Вестник Донецкого национального университета. Серия : Юридические науки. 2021. № 1. С. 34–36.
- Чупин А.Л., Юрченко О.А., Лемешева З.С., Пак А.Ю., Худжатов М.Б.* Развитие информационных технологий в управлении интеллектуальными транспортными систе-

- мами в Российской Федерации // Конспекты лекций по сетям и системам. 2020. Т. 87. С. 778–784.
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Saurenko T.N., Sonkin M.A. The model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise // *Journal of Physics : Conference Series*. 2017. Vol. 803. 012006. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/803/1/012006>
- Bhattacharai K., Conway D. Impacts of economic growth, transportation, and tourism on the contemporary environment // *Advances in Asian Human-Environmental Research*. Springer, 2021. Pp. 563–662. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-50168-6_7
- Chupin A.L., Chupina Zh.S., Morozova N.N., Vorotyntseva T.M., Levinskaya E.V. Prediction model of the efficacy and the implementation time of transportation intelligent systems // *IOP Conference Series : Materials Science and Engineering*. 2020. Vol. 828. 012006. <http://dx.doi.org/10.1088/1757-899X/828/1/012006>
- Handbook of research on globalized agricultural trade and new challenges for food security / ed. by V. Erokhin, T. Gao. IGI Global, 2019.
- Vorotyntseva T.M., Veselko A.A., Sorokin A.M., Imomnazarova K.S., Andreeva E.I. Efficiency of environmental management in agriculture // *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow* / ed. by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Springer, Cham. Pp. 1346–1353. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_146
- Vorotyntseva T., Levinskaya E., Skudalova T., Kudryavitskaya T., Nikulin, A. International trade and customs operations in digital era // *Digital Age : Traditions, Modernity and Innovations : Proceedings of the International Conference (ICDATMI 2020)*. 2020. Vol. 489. Pp. 40–44. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201212.010>
- Vorotyntseva T., Nemirova G., Vinichenko A. Problems of application of digital technologies in international trade // *New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development – 2019 (NSRBCPED 2019)*. Atlantis Press, 2020. Pp. 452–456. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.085>
- Vorotyntseva T.M., Dmitrieva O.A., Rudakova E.V., Morkovkin D.E. Current issues of food security in Russia // *Advances in Economics, Business and Management Research : 2nd International Conference on Economy, Management and Entrepreneurship (ICOEME 2019)*. 2019. Vol. 85. Pp. 349–354. <https://doi.org/10.2991/icoeme-19.2019.65>

References

- Afonin, D.N., Afonin, P.N., Paul-Marie, A.L., & Yargina, N.Yu. (2019). *Customs control during the transportation of dangerous goods by international transport*. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Anisimov, V.G., Anisimov, E.G., Saurenko, T.N., & Sonkin, M.A. (2017). The model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise. *Journal of Physics: Conference Series*, 803, 012006. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/803/1/012006>
- Anisimov, V.G., Anisimov, E.G., Saurenko, T.N., & Zotova, E.A. (2019). Models of forecasting destructive influence risks for information processes in management systems. *Information and Control Systems*, 5(102), 18–23. (In Russ.)
- Anisimov, V.G., Zegzhda, P.D., Suprun, A.F., & Anisimov, E.G. (2018). The problem of innovative development of information security systems in the transport sector. *Automatic Control and Computer Sciences*, 52(8), 1105–1110. (In Russ.)
- Bhattacharai, K., & Conway, D. (2021). Impacts of economic growth, transportation, and tourism on the contemporary environment. *Advances in Asian Human-Environmental Research* (pp. 563–662). Springer. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-50168-6_7
- Chupin, A.L., Chupina, Zh.S., Morozova, N.N., Vorotyntseva, T.M., & Levinskaya, E.V. (2020). Prediction model of the efficacy and the implementation time of transportation intelligent systems. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 828, 012006. <http://dx.doi.org/10.1088/1757-899X/828/1/012006>

- Chupin, A.L., Yurchenko, O.A., Lemesheva, Z.S., Pak, A.Y., & Khudzhatov, M.B. (2020). Development of logistical technologies in management of intellectual transport systems in the Russian Federation. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 87, 778–784. (In Russ.)
- Erokhin, V., & Gao, T. (Eds.). (2019). *Handbook of research on globalized agricultural trade and new challenges for food security*. IGI Global.
- Gureev, P.M., Fayustov, A.A., & Prokhorova, I.S. (2021). On the issue of shadow recycling of electronic waste. *Ecology and Industry of Russia*, 25(4), 66–71. (In Russ.)
- Kazakova, N.A., & Kogdenko, V.G. (2021). Monitoring of the main parameters of environmental safety of industrial production. *Ecology and Industry of Russia*, 25(3), 60–65. (In Russ.)
- Pak, A.Yu. (2020). Foreign trade security and the system of its provision as a special element of the economic security of the state. *RUDN Journal of Economics*, 28(3), 597–607. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-597-607>
- Recycling of tires in Russia and the world. (2018). *Solid Household Waste*, (6), 34–36. (In Russ.)
- Sorokin, M.A., & Sorokin, A.M. (2019). Creating conditions for price competition with employment of risk management system in customs control of goods containing intellectual property objects. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 139, 331–339. (In Russ.)
- Sushko, V.A., Bukhtiyarova, I.N., & Zubova, O.G. (2018). Ecology as a factor in the formation of the quality of life: Methodology of sociological analysis. *Ecology and Industry of Russia*, 22(2), 58–63. (In Russ.)
- Timoshenko, N.A., & Egunov, A.A. (2021). Cooperation in the field of combating cross-border crime within the framework of the Eurasian Economic Union. *Bulletin of the Donetsk National University. Series: Legal Sciences*, (1), 34–36. (In Russ.)
- Vorotyntseva, T.M., Veselko, A.A., Sorokin, A.M., Imomnazarova, K.S., & Andreeva, E.I. (2020). Efficiency of environmental management in agriculture. In Elena G. Popkova, Bruno S. Sergi (Eds.), *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow* (pp. 1346–1353). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_146
- Vorotyntseva, T., Levinskaya, E., Skudalova, T., Kudryavitskaya, T., & Nikulin, A. (2020). International trade and customs operations in digital era. *Digital Age: Traditions, Modernity and Innovations: Proceedings of the International Conference (ICDATMI 2020)*, 489, 40–44. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201212.010>
- Vorotyntseva, T., Nemirova, G., & Vinichenko, A. (2020). Problems of application of digital technologies in international trade. *New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development – 2019 (NSRBCPED 2019)* (pp. 452–456). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.085>
- Vorotyntseva, T.M. (2017). Analysis of export control problems. *Marketing and Logistics*, 2(10), 131–139. (In Russ.)
- Vorotyntseva, T.M. (2017). Problematic issues of technical regulation in the EAEU. *Marketing and Logistics*, 4(12), 16–26. (In Russ.)
- Vorotyntseva, T.M. (2021). On the problems of transboundary movement of hazardous waste. *Customs Regulation. Customs Control*, (3), 18–28. (In Russ.)
- Vorotyntseva, T.M., & Evdokimova, O.V. (2018). Problematic aspects of the movement of military products across the state border of the Russian Federation. *Economic Strategies of the EAEU: Problems and Innovations: a Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, RUDN University, April 11, 2018)* (pp. 39–49). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Vorotyntseva, T.M., & Novikov, V.E. (2018). Problems of regulating the safety of the Russian food market. *The Economy of Agriculture in Russia*, (12), 17–22. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.32651/2070-0288-2018-12-17-22>
- Vorotyntseva, T.M., & Saurenko, T.N. (2018). Institutional framework of trade in goods in the EAEU. (In Russ.) *RUDN Journal of Economics*, 26(1), 38–46. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-1-38-46>

- Vorotyntseva, T.M., Dmitrieva, O.A., Rudakova, E.V., & Morkovkin, D.E. (2019). Current issues of food security in Russia. *Advances in Economics, Business and Management Research: 2nd International Conference on Economy, Management and Entrepreneurship (ICOEME 2019)*, 85, 349–354. <https://doi.org/10.2991/icoeme-19.2019.65>
- Zhukova, Yu.M., Nikulina, S.N., Yakovleva, O.V., & Cherikanova, E.A. (2020). Analysis of the main trends in the development of the waste management system in Russia: Problems and prospects. *Ecology and Industry of Russia*, 24(8), 66–71. (In Russ.)

Сведения об авторе / Bio note

Воротынцева Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела, Российский университет дружбы народов; доцент кафедры таможенных операций и таможенного контроля, Российская таможенная академия. eLIBRARY SPIN-код: 5729-6656, Scopus ID: 57201443353. E-mail: mstata67@list.ru

Tatiana M. Vorotyntseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Customs, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor of the Department of Customs Operations and Customs Control, Russian Customs Academy. eLIBRARY SPIN-code: 5729-6656, Scopus ID: 57201443353. E-mail: mstata67@list.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-554-566

УДК 338

Научная статья / Research article

Trade facilitation: понятие и актуальное значение для экономического развития России

Т.С. Ненадышина

*Всероссийская академия внешней торговли,
Российская Федерация 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А*
✉ tatiana.nenadyshina@gmail.com

Аннотация. На современном этапе функционирования многосторонней торговой системы возрастает потребность в поиске новых подходов к развитию и содействию торговли, отличных от снижения тарифных и нетарифных барьеров. Упрощение процедур торговли является сферой деятельности многих международных организаций и признано эффективным инструментом содействия экономическому развитию и наращиванию потенциала как на уровне отдельно взятого государства, так и в рамках интеграционных объединений и регионов, которые ввиду географической близости имеют тесные политико-экономические связи. Сферы, на которые направлены меры по упрощению процедур торговли, разнообразны и изменялись с течением времени. Это привело к тому, что понятие trade facilitation не имеет конкретной прикладной характеристики и общепринятых рамок реализации инициатив в рассматриваемой сфере, что несомненно заслуживает научного внимания. Рассмотрены подходы к интерпретации понятия trade facilitation в российской практике, проведен анализ его дефиниций, которые были сформулированы международными организациями в соответствии со сферой их деятельности и предложены представителями научного сообщества. Выявлены основные подходы к трактовке рассматриваемого понятия, что позволило определить суть и основные направления реализации мер по упрощению процедур торговли. Приведено обоснование экономической выгоды от реализации инициатив в указанной сфере как со стороны спроса, так и со стороны предложения в рамках международной торговли, систематизированы выгоды от реализации мер по упрощению процедур торговли для различных субъектов международной торговли. В заключение сформулирован авторский подход к трактованию понятия «упрощение процедур торговли» с учетом интересов Российской Федерации в данной сфере. Определены наиболее актуальные векторы имплементации мер по упрощению процедур торговли, которые отражают актуальные направления реализации экономической политики Российской Федерации, а также обеспечивают создание и поддержание благоприятной бизнес-среды для стимулирования развития внешнеэкономической деятельности и внешней торговли в частности.

Ключевые слова: упрощение процедур торговли, международная торговля, содействие торговле

История статьи: поступила в редакцию 1 марта 2021 г.; проверена 2 апреля 2021 г.; принята к публикации 1 июня 2021 г.

© Ненадышина Т.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Ненадышина Т.С. Trade facilitation: понятие и актуальное значение для экономического развития России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 554–566. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-554-566>

Trade facilitation: definition and current significance for economic development of Russia

Tatiana S. Nenadyshina

*Russian Foreign Trade Academy,
6A Vorob'evskoe Shosse, Moscow, 119285, Russian Federation*

✉ tatiana.nenadyshina@gmail.com

Abstract. At the present stage of the functioning of the multilateral trading system there is an increasing need to find new approaches to the development and facilitation of trade other than the reduction of tariff and non-tariff barriers. Trade facilitation is the field of activity of many international organizations, it is recognized as an effective tool for promoting economic development and capacity building both at the level of an individual state, and within integration associations and regions, which, due to their geographic location have close political and economic ties. The areas targeted by trade facilitation measures are diverse and have evolved over time. This has led to the fact that the concept of “trade facilitation” does not have a specific applied characteristic, as well as a generally accepted framework for the implementation of initiatives in this area, which undoubtedly deserves scientific attention. This approaches to interpretation of “trade facilitation” term in Russian practice are described. Also were hold the analyses of considering term definitions, which were defined by international organizations in accordance with their scope of work and those, which are proposed by scientists. The main approaches to understanding of considering term were exposed, that make possible to characterize the essence and main directions of trade facilitation measures implementation. The feasible economical profits of implementing initiations in field of trade facilitation in framework of international trade both from supply and demand are described. In addition, the main perspectives of trade facilitation measures for different participants of international trade were systematized. In conclusion, defined author’s approach for understanding of “trade facilitation term” concerning the interests of Russia in this sphere. The author identified the most relevant vectors for the implementation of measures to facilitate trade procedures, which reflect the current directions for the implementation of the economic policy of the Russian Federation, as well as ensure the creation and maintenance of a favorable business environment to stimulate the development of foreign economic activity and foreign trade.

Keywords: trade facilitation, international trade, trade promotion

Article history: received 1 March 2021; revised 2 April 2021; accepted 1 June 2021.

For citation: Nenadyshina, T.S. (2021). Trade facilitation: Definition and current significance for economic development of Russia. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 554–566. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-554-566>

Введение

Понятие trade facilitation прочно закрепилось в сфере содействия международной торговле и экономического развития. Широкое распространение указанный термин получил в 60-х гг. XX в., когда либерализация междуна-

родной торговли стала ключевым вопросом для делового сообщества, а разработка стандартов, рекомендаций и обобщение лучших мировых практик в фокусе деятельности международных организаций в рассматриваемой сфере получили мощный импульс к развитию. Необходимо отметить, что в отличие от либерализации, которая заключается в облегчении торговли за счет снижения барьеров, обусловленных применением на государственном уровне, а также в рамках интеграционных объединений механизмов тарифного и нетарифного регулирования, *trade facilitation* в контексте содействия международной торговле предполагает реализацию мер, повышающих вовлеченность государств в процесс международной торговли и нацеленных на устранение различных несогласованностей – узких мест. Значение рассматриваемого термина четко не определено, несмотря на то что *trade facilitation* имеет довольно продолжительную историю развития и тесно связано с деятельностью таких международных организаций, как Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирная таможенная организация (ВТамО), Организация Объединенных Наций (ООН), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк (ВБ), а также ряда отраслевых организаций, например, Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА), Международная морской организации (ИМО). К категории *trade facilitation* часто относят «любые меры, которые упрощают совершение торговых сделок, что приводит к сокращению временных и стоимостных издержек в торговом цикле» (UNCTAD, 2006), а в еще более широком понимании рассматривают как любые политические меры, предпринимаемые с целью сокращения издержек. *Trade facilitation* хоть и не является новой сферой в контексте международной торговли, но в свете пандемии COVID-19, по мнению некоторых исследователей (Sela et al., 2020; Ugaz, Sun, 2020), приобретает особую значимость. Современные тенденции формирования международных экономических отношений: распространение технологий электронной коммерции, инновационное применение новейших технологий (De, 2020), развитие цифровой инфраструктуры, а также обеспечение цифровой безопасности (Ismail, 2021) требуют поиска новых подходов и инструментов обеспечения экономической безопасности и устойчивого социально-экономического развития государств, что обуславливает актуальность изучения сущности упрощения процедур торговли, механизмов реализации мер в указанной сфере и потенциальных выгод от них.

Обзор литературы

Исследуемая проблематика получила широкое распространение в научных кругах, в особенности в работах иностранных экономистов. Анджо Грейнджер (Grainger, 2011), Мария Перссон (Persson, 2013) рассматривали концептуальные подходы к пониманию *trade facilitation*. В российском научном сообществе проблема отсутствия единого понимания рассматриваемого термина освещена недостаточно широко, однако упоминание о существовании указанной проблемы отражено в статьях Г.В. Баландиной (Баландина, 2015) и А.В. Торопыгина (Торопыгин, 2013).

Вопрос создания правовой и институциональной инфраструктуры в рамках реализации инициатив по содействию торговле и необходимой для по-

вышения эффективности процесса международного товарообмена детально освещен О. Морисси и Р.А. Лопесом (Morrissey, López, 2015)

Следует отметить исследования Чахира Заки (Zaki, 2014), Альберто Португал-Переза и Джона Вилсона (Portugal-Perez, Wilson, 2012), в которых рассмотрены потенциальные выгоды от реализации мер по упрощению процедур торговли и подходы к их оценке.

Информационной основой настоящего исследования также послужили материалы, публикуемые ВТО, ВТамО, а также организациями, входящими в структуру ООН. Различные аспекты деятельности международных организаций в рассматриваемой сфере описаны в работе Янна Дюваля (Duval, 2007).

Методы и подходы

Основным методом проведения исследования является контент-анализ открытых источников информации международных организаций и научных публикаций. В качестве дополнительных применены методы сравнения и синтеза.

Результаты

Прежде чем приступить к рассмотрению большого разнообразия дефиниций термина *trade facilitation*, необходимо обратить внимание на трудности перевода на русский язык столь популярного и уже давно используемого понятия. Отметим, что в английском языке существительное *facilitation*, согласно толкованию, приведенному в Кембриджском словаре¹, означает процесс, цель которого – сделать что-либо возможным или более простым. В российской практике можно встретить такие варианты интерпретации словосочетания *trade facilitation*, как содействие торговле, упрощение (процедур) торговли, облегчение торговли (данный вариант перевода по большей части употребляется в исследованиях, посвященных стандартам Всемирной таможенной организации², в частности SAFE Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade). Разнообразие перевода обусловлено смыслом, вкладываемым в рассматриваемое понятие исследователями либо специалистами в определенной сфере, и устоявшейся практикой применения терминологии. Например, в отличие от российской практики употребления понятия «облегчение торговли» в части применения стандартов SAFE ВТамО, употребление понятия «упрощение процедур торговли» со ссылкой на «процедуры», а более точно – на «процедуры международной торговли» имеет смысловое основание. Несмотря на то что правовыми актами указанный термин не закреплен, англо-русско-китайским глоссарием³, разработанным под эгидой ООН, словосочетание «упрощение процедур торговли» рассматривается как наиболее

¹ Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/facilitation> (дата обращения : 10.06.2021).

² Всемирная таможенная организация. URL : <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/overview/customs-procedures-and-facilitation.aspx>. (дата обращения : 10.06.2021).

³ Trade facilitation terms : an English-Russian-Chinese glossary. 3rd ed., revised. Geneva : United Nations Publications, 2019. 330 p.

корректный вариант перевода словосочетания *trade facilitation* на русский язык. Указанное базируется на процессном подходе, который основан на содействии в выстраивании эффективного взаимодействия субъектов внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в рамках глобальной цепи поставок (ГЦП) товаров, структура которой описана в Рекомендации Европейской экономической комиссии ООН № 18 «Меры по упрощению процедур международной торговли»⁴ (рис. 1).

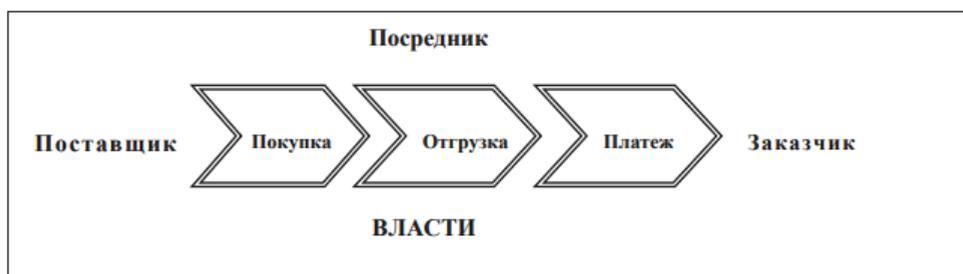

Рис. 1. Упрощенная схема цепи поставки, описанная Рекомендацией ЕЭК ООН № 18

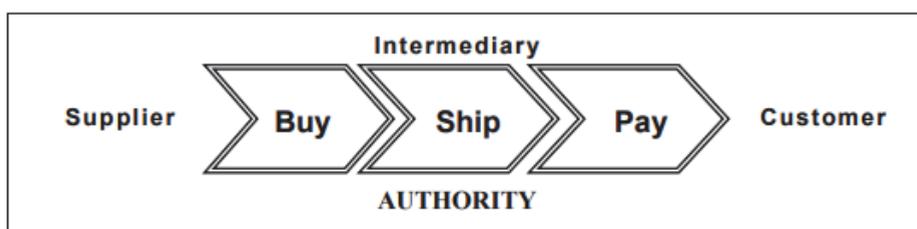

Figure 1. Simplified way of showing a supply chain, described by Recommendation UN/CEFACT No. 18⁵

Отметим, что официальный перевод текста Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли (далее – СУПТ), как непосредственно в названии, так и в тексте содержит понятие «упрощение процедур торговли». Указанное соглашение разработано ВТО на основе положений Генерального соглашения о тарифах и торговле (Mattoo et al., 2020), которое является основополагающим документом ВТО. С учетом сказанного, в качестве эквивалента термина *trade facilitation* в данной статье будет применяться словосочетание «упрощение процедур торговли» (УПТ). Необходимо обратить внимание, что понятие «торговля» в рамках УПТ подразумевает процесс совершения коммерческих операций как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Поскольку бизнес-среда в стране значительно влияет на ее участие в международной торговле, внутренняя и внешняя торговля для целей УПТ находятся в неразрывной связи.

Отсутствие общепризнанной дефиниции рассматриваемого термина в рамках деятельности международных организаций и в научном сообществе

⁴ Рекомендация № 18 «Меры по упрощению процедур международной торговли» (ECE/TRADE/271) / СЕФАКТ ООН. 2001. 37 с.

⁵ Recommendation No. 18 “Facilitation measures related to international trade procedures” (ECE/TRADE/271) / UNECE. 2001. 37 p.

обусловлено большим разнообразием направлений реализации мер по УПТ, а также тем, что актуальность тех или иных мер варьируется в зависимости от экономических и геополитических условий, что вносит коррективы в суть, вкладываемую в понятие УПТ. Анализ наиболее распространенных дефиниций УПТ позволил выявить основные векторы реализации инициатив в рассматриваемой сфере (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Упрощение процедур торговли в контексте деятельности международных организаций⁶

Источник	Дефиниция
ВТО	Упрощение и рационализация таможенных и других административных процедур, которые препятствуют, задерживают или увеличивают стоимость перемещения товаров через международные границы
ЮНКТАД	Создание прозрачной и предсказуемой среды для ведения трансграничной торговли на основе простых, стандартизированных таможенных процедур и практик, требований к документации, совершению грузовых и транзитных операции, а также регулирования сферы торговли и транспорта
ОЭСР	Упрощение и стандартизация процедур и связанных с ними информационных потоков, необходимых для трансграничного перемещения товаров от продавца к покупателю и осуществления платежей в обратном направлении
ЕЭК ООН	Комплексный и интегрированный подход для сокращения сложности и стоимости торговых операций и обеспечение того, чтобы все эти мероприятия могли быть осуществлены эффективным, прозрачным и предсказуемым образом на основе международно признанных норм, стандартов и передовых практик
АТЭС	Упрощение процедур торговли, как правило, относится к упрощению, гармонизации, использованию новых технологий и других мер для устранения процедурных и административных препятствий торговле Упрощение процедур торговли относится к упрощению и рационализации таможенных и других административных процедур, которые препятствуют, замедляют или увеличивают стоимость перемещения товаров через международные границы
Европейская комиссия	Упрощение процедур торговли можно определить как упрощение и гармонизацию процедур международной торговли, включая процедуры импорта и экспорта. Процедуры в этом контексте в основном касаются деятельности (практики и формальности), связанной со сбором, представлением, передачей и обработкой данных, необходимых для международной торговли
МТП	Повышение эффективности процессов, связанных с международной торговлей товарами
СЕФАКТ ООН	Упрощение, стандартизация, согласование и автоматизация процедур и всей соответствующей информации, требуемой для перемещения товаров от продавца к покупателю и для осуществления расчета; устранение препятствий бюрократического характера для облегчения трансграничного перемещения товаров. Такие препятствия могут включать в себя дублирование административных процедур и документов, низкую эффективность или нехватку кадров в таможенных службах, недостаточную прозрачность процедур на границе
ВТамО	Упразднение избыточных ограничений торговли, чего можно достичь, применяя современные методы и технологии, одновременно повышая качество контроля путем его согласования на международном уровне

Источник: составлено автором на основе: ВТО. URL : http://gtad.wto.org/trta_subcategory.aspx?cat=33121 (дата обращения : 10.06.2021) ; ЮНКТАД. URL : https://unctad.org/system/files/official-document/dtitlb20101_en_0.pdf (дата обращения : 10.06.2021) ; Measuring the new economy : trade and investment dimensions (TD/TC/WP(2001)23/FINAL) / OECD. 2001. 24 p. ; ЕЭК ООН. URL : https://unece.org/DAM/cefact/publica/ece_trade_299.pdf (дата обращения : 10.06.2021) ; АТЭС. URL : https://apec.org/07_2ndTFAP_fnl.pdf (дата обращения : 10.06.2021) ; https://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2001_trade/annex_b (дата обращения : 10.06.2021) ; МТП. URL : <https://cdn.iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2003/04/ICC-recommendations-for-a-WTO-agreement-on-trade-facilitation.pdf> (дата обращения : 10.06.2021) ; Trade facilitation terms: an English-Russian-Chinese glossary. 3rd ed., revised. Geneva : United Nations Publications, 2019. 330 p. ; ВТамО. URL : <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/overview/customs-procedures-and-facilitation.aspx> (дата обращения : 10.06.2021).

⁶ Correspondence between UNECE and Marc Juhel / World Bank. 2001, February. URL : https://file://emc-nas21p01.group.s7/users_data/Redirect/Landlocked_Countries.pdf (accessed : 10.06.2021) ; Trade facilitation handbook. Part I. National facilitation bodies : lessons from experience / UNITED. 2006. 26 p. ; Trade facilitation in a global trade environment / UNECE Secretariat. 2002. 30 p.

Table 1

Trade facilitation in the context of the activities of international organizations⁷

Source	Definition
WTO	Simplification and rationalization of customs and other administrative procedures that hinder, delay or increase the cost of moving goods across international borders
UNCTAD	Create a transparent and predictable environment for cross-border trade based on simple, standardized customs procedures and practices, documentary requirements, cargo and transit operations, and trade and transport regulation
OECD	Simplification and standardization of procedures and related information flows necessary for the cross-border movement of goods from seller to buyer and making payments in the opposite direction
UNECE	A comprehensive and integrated approach to reduce the complexity and cost of trading and ensure that all these activities can be carried out in an efficient, transparent and predictable manner based on internationally recognized norms, standards and best practices
APEC	Trade facilitation generally refers to simplification, harmonization, the use of new technologies and other measures to remove procedural and administrative barriers to trade Trade facilitation refers to the simplification and rationalization of customs and other administrative procedures that impede, slow down, or increase the cost of moving goods across international borders
European Commission	Trade facilitation can be defined as the simplification and harmonization of international trade procedures, including import and export procedures. The procedures in this context mainly concern the activities (practices and formalities) related to the collection, presentation, transmission and processing of data required for international trade
ITC	Improving the efficiency of processes related to international trade in goods
UN/CEFACT	Simplification, standardization, harmonization and automation of procedures and all relevant information required for the movement of goods from seller to buyer and for settlement; elimination of bureaucratic obstacles to facilitate the cross-border movement of goods. Such obstacles may include duplication of administrative procedures and documents, low efficiency or shortage of personnel in customs services, and insufficient transparency of procedures at the border
WCO	Removal of excessive trade restrictions, what can be achieved by applying modern methods and technologies, while improving the quality of control by harmonizing it at the international level

Source: compiled by the author on the basis: WTO. Retrieved June 10, 2021, from http://gtad.wto.org/trta_subcategory.aspx?cat=33121; UNCTAD. Retrieved June 10, 2021, from https://unctad.org/system/files/official-document/dt11b20101_en_0.pdf; OECD. (2001). *Measuring the new economy: Trade and investment dimensions (TD/TC/WP(2001)23/FINAL)*; UNECE. Retrieved June 10, 2021, from https://unece.org/DAM/cefact/publica/ece_trade_299.pdf; APEC. Retrieved June 10, 2021, from https://apec.org/07_2ndTFAP_fnl.pdf; https://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2001_trade/annex_b; ITC. Retrieved June 10, 2021, from <https://cdn.iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2003/04/ICC-recommendations-for-a-WTO-agreement-on-trade-facilitation.pdf>; UN/CEFACT. (2019). *Trade facilitation terms: An English-Russian-Chinese glossary*. 3rd ed., revised. Geneva: United Nations Publications; WCO. Retrieved June 10, 2021, from <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/overview/customs-procedures-and-facilitation.aspx>

Международные организации в зависимости от их специализации, характеризуют суть УПТ, выделяют следующие направления деятельности: разработка и применение международных стандартов для гармонизации процессов, связанных трансграничным перемещением товаров и международной торговлей, с целью сокращения временных и стоимостных издержек; снижение административных формальностей; расширение практики применения информационных технологий, обеспечивающих процесс трансграничной торговли; упрощение осуществления платежей в связи с международной поставкой товаров; гармонизация процедур совершения импортно-экспортных формальностей, включая таможенную очистку, а также процедур, связанных с международной транспортировкой товаров.

⁷ World Bank. (2001, February). *Correspondence between UNECE and Marc Juhel*. Retrieved June 10, 2021, from https://file://emc-nas21p01.group.s7/users_data/Redirect/Landlocked_Countries.pdf; UNITED. (2006). *Trade facilitation handbook. Part I. National facilitation bodies: Lessons from experience*; UNECE Secretariat. (2002). *Trade facilitation in a global trade environment*.

Таблица 2

**Дефиниции термина «упрощение процедур торговли»,
получившие наибольшее распространение в научном сообществе**

Автор	Дефиниция
Я. Дюваль	Упрощение процедур торговли включает повышение эффективности торговых процедур. Упрощение процедур торговли способствует повышению эффективности таможенных, транспортных и банковских, а также страховых услуг (услуг и обеспечивающей инфраструктуры). Упрощение процедур торговли не может быть ограничено только сферой «на границе» или таможенными формальностями, поскольку эти два направления являются составными частями других процессов (например, платежные, логистические операции), которые оказывают влияние на эффективность процесса торговли
А. Грейнджер	Упрощение процедур торговли рассматривает вопрос о том, как можно улучшить процедуры и меры контроля, регулирующие перемещение товаров через национальные границы, для снижения связанных с этим издержек и максимизации эффективности при сохранении целей регулирования, определенных законом
М. Перссон	Упрощение процедур торговли связано с облегчением перемещения товаров через границы для участников торговли посредством повышения эффективности обременительных процедур трансграничной торговли
А. Португал-Перез, Дж. Вильсон	Меры по упрощению процедур торговли могут осуществляться по двум направлениям: «жесткое» направление, связанное с материальной инфраструктурой, такой как дороги, порты, телекоммуникации, и «мягкое» направление, связанное с открытостью деятельности государственных органов для общественности, таможенным администрированием, деловой средой и другими институциональными аспектами, которые нематериальны
Ч. Заки	Упрощение процедур торговли включает в себя пять основных элементов: 1) упрощение торговых процедур и документов; 2) гармонизация торговой практики и правил; 3) более прозрачная информация и процедуры международных потоков; 4) использование новых технологий для содействия международной торговле; 5) более надежные подходы к осуществлению платежей при международной торговле

Источник: составлено автором на основе: Duval, 2007; Grainger, 2011; Persson, 2013; Portugal-Perez, Wilson, 2012; Zaki, 2014.

Table 2

The trade facilitation definitions that are most widely used in the scientific community

Author	Definition
Y. Duval	Trade facilitation includes improving the efficiency of trade procedures. Trade facilitation contributes to the efficiency of customs, transport and banking, as well as insurance services (services and supporting infrastructure). Trade facilitation cannot be limited to “at the border” or customs formalities only, since these two areas are integral parts of other processes (e.g. payment, logistics) that affect the efficiency of the trade process
A. Grainger	Trade facilitation looks at how the procedures and controls governing the movement of goods across national borders can be improved to reduce associated costs and maximize efficiency while maintaining the regulatory objectives defined by law
M. Persson	Trade facilitation refers to facilitating the movement of goods across borders for traders by making cumbersome cross-border trade procedures more efficient
A. Portugal-Perez, J.S. Wilson	Trade facilitation measures can be implemented in two directions: the “hard” direction associated with material infrastructure, such as roads, ports, telecommunications, and the “soft” direction associated with the openness of the activities of state bodies to the public, customs administration, business environment and other institutional aspects that are intangible
C. Zaki	Trade facilitation has five main elements: 1) simplification of trade procedures and documents; 2) harmonization of trading practices and regulations; 3) more transparent information and procedures for international flows; 4) the use of new technologies to facilitate international trade; 5) more reliable approaches to making payments in international trade

Source: compiled by the author on the basis: Duval, 2007; Grainger, 2011; Persson, 2013; Portugal-Perez, Wilson, 2012; Zaki, 2014.

Очевидно, что охват мер по УПТ варьируется в зависимости от целей функционирования и задач, решаемых в рамках деятельности международных организаций, однако характерной особенностью является то, что в соответствии с дефинициями, сформулированными международными организа-

циями, УПТ нацелено на реализацию мер, направленных на создание благоприятных условий для быстрого и низкзатратного трансграничного перемещения товаров. Необходимо отметить, что одним из сопутствующих эффектов будет являться развитие сферы услуг (финансовых, транспортно-логистических, складских), обеспечивающих процесс международной торговли товарами и их физическое трансграничное перемещение.

Исследователи в сфере экономики уделяют вопросу УПТ большое внимание. Разнообразные трактовки понятия УПТ представлены в трудах ряда представителей зарубежного научного сообщества. Авторские определения понятия УПТ, получившие наибольшее распространение в научной литературе, представлены в табл. 2.

Рис 2. Суть мер по упрощению процедур торговли в контексте различных подходов к пониманию указанного понятия

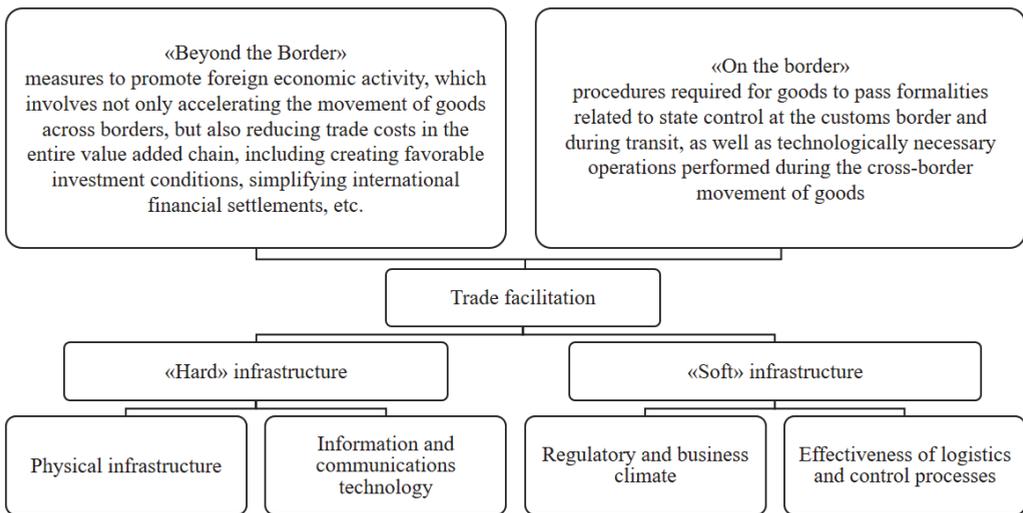

Figure 2. The essence of trade facilitation measures in context of different approaches to understanding this concept

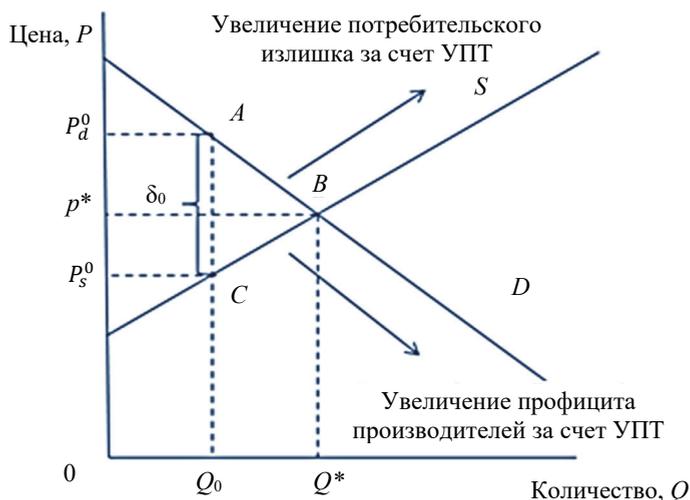

Рис. 3. Описание эффектов от упрощения процедур торговли на основании модели «Айсберг»: D – внутренний спрос на иностранный товар; S – предложение иностранного товара; δ_0 – величина торговых издержек при объеме импорта – Q_0 ; P_d^0 – цена, уплачиваемая потребителями за иностранный товар; P_s^0 – цена, по которой иностранный производитель фактически продает товар; Q^* – количество импортируемых товаров в условиях рыночного равновесия (принимая допущение, что необоснованные торговые издержки станут равны нулю)

Источник: построено на основе Samuelson, 1954.

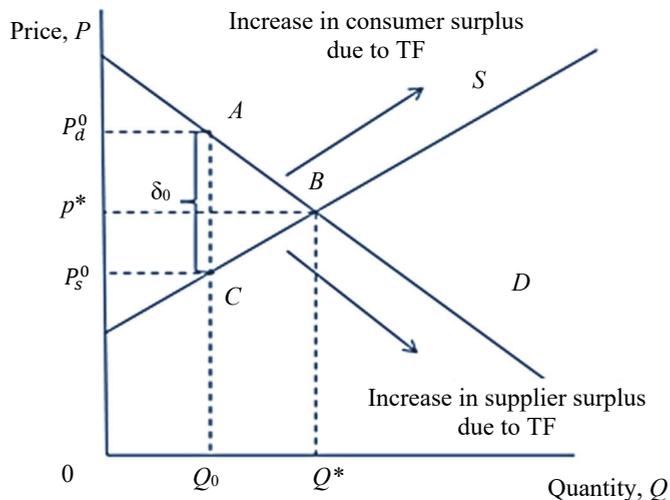

Figure 3. Description of trade facilitation affects via «Iceberg» model: D – internal demand on foreign product; S – supply of foreign product; δ_0 – value of trade costs for the volume of imports – Q_0 ; P_d^0 – price paid by consumers for a foreign product; P_s^0 – supplier's price of sell; Q^* – quantity of imported products in market equilibrium conditions (assuming that unreasonable trading costs will be zero)

Source: compiled based on Samuelson, 1954.

Следует отметить, что в научных кругах УПТ рассматривается в качестве комплекса мер, которые нацелены на устранение различных бюрократических препон и правовых неопределенностей, а также барьеров и несо-

гласованностей, затрудняющих трансграничное перемещение товаров. Анализ терминов, приведенных в табл. 2, позволяет выявить наличие двух подходов к определению исследуемого понятия: в узком и широком смысле, что ограничивается сферами «на границе» и «вне границы». Также авторы часто разграничивают сферы реализации преобразований, условно выделяя меры, направленные на развитие «мягкой» и «жесткой» инфраструктур (рис. 2).

Проведенный анализа позволил установить, что в настоящее время УПТ может быть охарактеризовано как инструмент содействия международной торговле, который обеспечивает «бесшовность» процесса международного товарообмена в рамках ГЦП, за счет чего достигается максимизация эффективности функционирования глобальных цепей создания добавленной стоимости (ГЦС). Исследователи отмечают (LeVaron, 2021), что ГЦП обеспечивают распределение благ и факторов роста в глобальной экономике. Современные исследования особенно выделяют сферу «на границе», рассматривая УПТ как устранение препятствий для перемещения товаров через границы (Kumari, Bharti, 2021). С экономической точки зрения УПТ нацелено на сокращение тех издержек, которые представляют собой невозполнимые потери и ложатся бременем на конечного покупателя товаров. Указанные потери описаны Полом Самуэльсоном (Samuelson, 1954) в виде модели «Айсберг» и могут быть оценены как в стоимостном, так и во временном выражении. Например, нивелирование ценового клина, обусловленного необоснованными торговыми издержками δ_0 (рис. 3), повышают благосостояние иностранных производителей и национальных потребителей, о чем свидетельствуют трапеции $P_d^0ABP^*$ и $P_s^0CBP^*$.

С точки зрения распределения выгод от реализации мер по УПТ, как правило, выделяют три уровня субъектов⁸ (Butterly, 2001; Walker, 2012): государства, участники ВЭД, конечные потребители товаров. Выгоды для государства обусловлены повышением эффективности контроля, проводимого государственными органами и более рациональным использованием ресурсов, повышением соблюдения законов со стороны участников ВЭД, стимулированием экономического развития, повышением привлекательности страны для прямых иностранных инвестиций. Выгоды для участников ВЭД заключаются в снижении финансовых издержек ведения ВЭД, ускорении выпуска товаров на таможенной границе и введения товаров в торговый оборот, установлении прозрачных правил и процедур ведения ВЭД, повышении общей конкурентоспособности. Выгоды для конечных потребителей характеризуются снижением стоимости товаров за счет сокращения торговых издержек, сокращением срока фактического появления товара на внутреннем рынке, что может отражаться как на качестве (скоропортящихся), так и на потребительской ценности (сезонных и высокотехнологичных) товаров.

⁸ *Butterly T.* Trade facilitation in a global trade environment. URL : www.unece.org/trade/tfig (accessed : 12.07.2021) ; *Walker R.* An introduction to trade facilitation. URL : <https://www.yumpu.com/en/document/view/27544005/an-introduction-to-trade-facilitation-escap> (accessed : 10.06.2021).

Заключение

Реализация мер в сфере УПТ должна осуществляться на государственном уровне с учетом международных стандартов и практик. Например, позиция ВБ насчет УПТ такова: «это вопрос национальной экономической политики, который находится в центре внимания правительств»⁹. В рамках государственной политики УПТ является инструментом развития внешней торговли и эффективного встраивания национальных производителей в ГЦС. Этап ГЦП на границе является наиболее актуальным в настоящее время, о чем свидетельствует содержание соглашения СУПТ, которое было разработано ВТО на основе передовых международных практик с учетом актуальных потребностей государств-членов в сфере УПТ. Для России наиболее важными и первоочередными мерами являются возвышение координации взаимодействия государственных контролирующих органов на границе, создание эффективного механизма прослеживания товаров, включая интеграцию современных цифровых технологий, применяемых бизнес-сообществом и государственными органами, ускорение совершения процедур трансграничного перемещения товаров и обеспечение прозрачности совершения процедур и формальностей, необходимых для такого перемещения товаров, развитие сотрудничества между государственными органами, вовлеченными в процесс обеспечения международных цепей поставок товаров, а также между государственными контролируемыми органами и бизнес-сообществом, повышение качества таможенного администрирования в целом (Ненадышина, 2021). С учетом вышеизложенного, предлагаем следующее определение понятие УПТ, которое отражает актуальный охват мер не только в рамках международной практики, но и для Российской Федерации в частности: «упрощение процедур торговли представляет собой инструмент развития внешней торговли государства, обеспечивающий содействие трансграничному перемещению товаров посредством координации взаимодействия государственных органов как с межведомственным, так и с бизнес-сообществом, внедрения современных инфраструктурных решений для ведения внешне-торговой деятельности, а также создания благоприятных правовых условий».

Список литературы / References

- Antonini, C., Beck, C., & Larrinaga, C. (2020). Subpolitics and sustainability reporting boundaries. The case of working conditions in global supply chains. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 33(7), 1535–1567.
- Balandina, G.V. (2015). Facilitating trade or simplifying border procedures. *Trade Policy*, (1), 144–170. (In Russ.)
Баландина Г.В. Содействие торговле или упрощение процедур // *Торговая политика*. 2015. № 1. С. 144–170.
- De, P. (2020). Trade facilitation in times of pandemic: Practices from South and South West Asia. *ARTNeT Working Paper Series*, (198). Bangkok: Asia-Pacific Research and Training Network on Trade (ARTNeT).

⁹ Correspondence between UNECE and Marc Juhel / World Bank. 2001, February. URL : https://file://emc-nas21p01.group.s7/users_data/Redirect/Landlocked_Countries.pdf (accessed : 10.06.2021).

- Duval, Y. (2007). Trade facilitation beyond the Doha round of negotiations. *Working Paper Series*, (50). Bangkok: Asia-Pacific Research and Training Network on Trade (ARTNeT).
- Grainger, A. (2011). Trade facilitation: A conceptual review. *Journal of World Trade*, 45(1), 36–62.
- Ismail, N.W. (2021). Digital trade facilitation and bilateral trade in selected Asian countries. *Studies in Economics and Finance*, 38(2), 257–271.
- Kumari, M., & Bharti, N. (2021) Linkages between trade facilitation and governance: Relevance for post-COVID-19 trade strategy. *Millennial Asia*, 12(1), 0976399620972346. <https://doi.org/10.1177/0976399620972346>
- LeBaron, G. (2021). The role of supply chains in the global business of forced labour. *Journal of Supply Chain Management*, 57(2), 29–42.
- Mattoo, A., Rocha, N., & Ruta, M. (2020). Handbook of deep trade agreements. Washington, DC: World Bank.
- Morrissey, O., & López, K. (2015) Handbook on trade and development. Edward Elgar Publishing.
- Nenadyshina, T.S. (2021). Identification priority areas of trade facilitation to promote the development of Russia's foreign trade. *International Trade and Trade Policy*, 7(2), 80–96. (In Russ.)
Ненадышина Т.С. Определение приоритетных направлений упрощения процедур торговли в целях содействия встраиванию в глобальные цепи поставок и развития внешней торговли России // *Международная торговля и торговая политика*. 2021. Т. 7. № 2. С. 80–96.
- Persson, M. (2013). Trade facilitation and the extensive margin. *The Journal of International Trade & Economic Development*, 22(5), 658–693.
- Portugal-Perez, A., & Wilson, J.S. (2012). Export performance and trade facilitation reform: Hard and soft infrastructure. *World Development*, 40(7), 1295–1307.
- Samuelson, P. (1954). The transfer problem and transport costs: Analysis of effects of trade impediments. *The Economic Journal*, 254, 264–289.
- Sela, S., Yang, A., & Zawacki, M. (2020). *Trade facilitation best practices implemented in response to the COVID-19 pandemic. Trade and COVID-19 guidance note*. World Bank.
- Toropygin, A.V. (2013). Avoiding being a “weak link” in global trade facilitation. *Eurasian Integration: Economy, Law, Policy*, (14), 206–219. (In Russ.)
Торопыгин А.В. Чтобы не быть «слабым звеном» упрощения процедур мировой торговли // *Евразийская интеграция : экономика, право, политика*. 2013. № 14. С. 206–219.
- Ugaz, P., & Sun, S. (2020). Case study: China's trade facilitation responses to the COVID-19 pandemic. *Transport and Trade Facilitation Newsletter, Special COVID-19 Edition*, Article No. 52. Retrieved March 1, 2021, from <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2328>
- Zaki, C. (2014). *An empirical assessment of the trade facilitation initiative: Econometric evidence and global economic effects*. *World Trade Review*, 13(1), 103–130.

Сведения об авторе / Bio note

Ненадышина Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры международной торговли и внешней торговли РФ, Всероссийская академия внешней торговли. E-mail: tatiana.nenadyshina@gmail.com

Tatiana S. Nenadyshina, postgraduate student of the Department of International Trade and Foreign Trade of Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy. E-mail: tatiana.nenadyshina@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-567-574

UDC 339

Research article / Научная статья

Mali's participation in the West Africa's integration processes

Inna V. Andronova, Mama Dembele✉

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ mams0757@yahoo.fr

Abstract. The first ever integration bloc in Africa was formed back in the colonial era in 1910, when a number of British colonies were integrated. Modern integration processes in the African countries in the south of the Sahara began much later, from the early 1960s, when most of the former colonies gained independence, and it was during this period that the construction of a number of economic blocks began. The article reveals integration processes in West Africa and sub-Saharan African countries features. Integration as such is viewed as a complex procedure, with the success way which depends on many factors. On the experience of the Republic of Mali, the authors demonstrated how an irrational socio-economic policy can lead to deformation of integration processes, which inevitably threatens with deep financial and socio-political crises.

Keywords: integration, integration process, ECOWAS, Sahel, African Union, Mali

Article history: received 30 April 2021; revised 17 May 2021; accepted 11 June 2021.

For citation: Andronova, I.V., & Dembele, M. (2021). Mali's participation in the West Africa's integration processes. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 567–574. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-567-574>

Участие Мали в интеграционных процессах Западной Африки

И.В. Андропова, М. Дембеле✉

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ mams0757@yahoo.fr

Аннотация. Первый в истории интеграционный блок в Африке был сформирован еще в колониальную эпоху в 1910 году после объединения ряда британских колоний. Современные интеграционные процессы в африканских странах на юге Сахары начались гораздо позже, с начала 1960-х годов, когда большинство бывших колоний обрели независимость, и именно в этот период началось строительство новых экономических блоков.

© Andronova I.V., Dembele M., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Исследование раскрывает особенности интеграционных процессов в Западной Африке и странах Африки к югу от Сахары. Интеграция рассматривается как сложная процедура, успех которой зависит от многих факторов. На опыте Республики Мали продемонстрировано, как нерациональная социально-экономическая политика может привести к деформации интеграционных процессов, что неизбежно грозит глубокими финансовыми и социально-политическими кризисами.

Ключевые слова: интеграция, интеграционные процесс, ЭКОВАС, Сахель, Африканский союз, Мали

История статьи: поступила в редакцию 30 апреля 2021 г.; проверена 17 мая 2021 г.; принята к публикации 11 июня 2021 г.

Для цитирования: *Andronova I.V., Dembele M. Mali's participation in the West Africa's integration processes // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 567–574. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-567-574>*

Introduction

Integration processes in Africa, and especially in sub-Saharan Africa, have a long history. The first ever integration bloc in Africa was the South African Customs Union – SACU, which was formed back in the colonial era – in 1910, when a number of British colonies were integrated. However, this example should be taken rather as an exception – the emergence of any tendencies towards integration in the territories south of the Sahara was hindered by the active redistribution of territories between the leading colonial powers.¹

Modern integration processes in the African countries in the south of the Sahara began much later, from the early 1960s, when most of the former colonies gained independence, and it was during this period that the construction of a number of economic blocks began. A number of these blocs disintegrated in the early years of their existence, such as the Equatorial Customs Union created in 1962 by Gabon, Cameroon, CAR, The Republic of Chad and The Republic of the Congo, also such blocks were the Federation of Mali and the Federation of Mali-Guinea-Ghana. created in 1960 (Kamara, 2010).

At the same time, other associations, such as the West African Economic and Monetary Union (WAEMU), created in 1994, which included Burkina Faso, Benin, Guinea-Bissau, Cote d'Ivoire, Mali, Niger and Senegal have transformed into significant integration blocs not only at the subregional, but also at the regional level. The West African Economic and Monetary Union was transformed into a free trade zone in 1996 and functioned as a single customs area. By 2000, the share of domestic exports in this customs union reached 13% of total exports. According to P. Kamara, the implementation of internal opportunities for expanding and strengthening economic integration in West Africa will allow the countries of the sub-Saharan and western Africa to get out of the deep socio-economic crisis.

¹ Integration in Sub-Saharan Africa (2013). *World and National Economy*, 1(24). Retrieved March 23, 2021, from <https://mirec.mgimo.ru/2013/2013-01/integraciya-v-afrike-yuzhnee-sahary>

Literature review

Analysis of the literature about the integration of African countries into regional and sub-regional associations has shown that this issue is paid not only to the attention of scientists and researchers, but also to such organizations as the World Bank, the UN, the French Ministry of Foreign Affairs – a country that makes an invaluable contribution to the establishment of democracy and economic development former French colonies, including Mali. The materials of these organizations contain information on key development indicators, statistics, coverage of discussion issues that are discussed with the governments of African countries integrated into various associations.

The work papers of E. Korendyasov, a leading researcher at the Institute of African Studies in the Russian Academy of Sciences, and O. Konstantinova, a researcher at the Institute of African Studies in the Russian Academy of Sciences, are characterized by great scientific research significance. geopolitical, administrative and national factors. So, in the work “Peace in Mali: the path to security in the Sahara-Sahel subregion”, the integration processes are considered from the point of view of their connection with the ethnic, military-political, economic factor, assessing the impact of agreements within the Sahel-5, interstate relations of Mali with European countries and Russia, the policies of the Malian government towards large ethnic groups. The importance of conducting a constructive state policy, which is the key to political stability (Mali is one of the African countries that has undergone a number of military coups and armed uprisings, due to dissatisfaction with the population and the army with the policy pursued by the authorities).

Interesting the work of T. Denisova “ECOWAS and regional security problems.” The author emphasizes the high importance of the ECOWAS subregional association, integration into which is one of the most important security guarantees in West African countries. ECOWAS has the potential to provide all-round economic, military and political support to the member countries of the association, provided that they comply with the uniform format of agreements and pursue a policy adequate to them.

Results

Considering the activity of the Republic of Mali in the integration processes of Africa, it can be noted that Mali is a member of such large sub-regional economic structures as the Community of Sahel-Saharan States – CEN-SAD, from the English. Community of Sahel-Saharan States, Economic Community of West African States – ECOWAS, from English. Economic Community of West African States (Denisova, 2016) and a member of the international organization of Francophonie (OIF, French l'Organisation internationale de la Francophonie), which unites former French colonies (54 members and 7 integrated structures) and is a platform for the development of economic, politico-military and cultural ties with the French Republic, West African Economic and Monetary Union (Table).²

² Ministère de l'Europe et des Affaires Étrangères. (n.d.) *La Francophonie, espace de coopération multilatérale*. Retrieved March 25, 2021, from <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/francophonie-et-langue-francaise/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale-63438/>

Period of accession and objectives of Mali's participation in integration associations

Name of integration	Year of accession of Mali	Members	Integration goals
West African Economic and Monetary Union	1994	Benin, Burkina Faso, Guinea-Bissau, Cote d'Ivoire, Mali, Niger, Senegal, Togo	Creation of conditions for free movement of goods, capital and labor resources, implementation of a unified customs policy, harmonization of legal norms. The Union uses a single currency – CFA (franc) USEAO
Economic Community of West African States (ECOWAS)	1975	Benin, Burkina Faso, Guinea-Bissau, Cote d'Ivoire, Mali, Niger, Senegal, Togo	Economic integration. Poverty alleviation; creating conditions for peace and security, combating crime and illegal proliferation of weapons, countering smuggling
CEN-SAD	1998	Benin, Burkina Faso, Guinea-Bissau, Cote d'Ivoire, Mali, Niger, Senegal, Togo	Attracting capital to agriculture, energy, production, social. Conditions for the free movement of people and goods; productive work, development of private property, increasing the volume of foreign trade, development of infrastructure, achieving equality of citizens of the participating countries creation. Stimulating the development of education, science and culture
Francophonie	1971	More than 50 states	Supporting the consolidation of economic and social policies, enhancing multilateral cooperation. Support for multinationality. Defense of democracy and human rights. Development of higher education and science, economic interaction. Support for women and youth

Source: West African Economic and Monetary Union. Retrieved April 15, 2021, from <http://www.uemoa.int/en>; Economic Community of West African States. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.ecowas.int/>; CENSAD. (n.d.) *Community of Sahel-Saharan states*. Retrieved April 15, 2021, from <https://ecfr.eu/special/african-cooperation/censad/>; Francophonie. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.francophonie.org/>

Mali's participation in these sub-regional associations is due to the receipt of financial, economic and socio-political support, the fact that the Republic does not remain alone with its problems.³

It should be noted that Mali's admission to economic unions, as a least developed country, may initially seem somewhat strange. Indeed, Mali has an intensive population growth – if in 2000 the population was 10.9 million people, then in 2019 this figure reached 19.7 million, which is due to the high level of fertility (5.9), which exceeds the world average by 2.5 times. Mali's GDP in 2020 was \$ 17.39 billion, which is 0.7% less than in 2019. In terms of the business climate, according to the World Bank's 2020 rating, Mali was in 148th place out of 190.⁴

Despite the depressing indicators, many experts conclude that the country has great economic potential, since it is provided with valuable natural resources.

³ USAID Office of Food for Peace. (2015). *USAID-best analysis annexes*. Retrieved March 29, 2021, from https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/20150116_Mali_Annexes508.pdf

⁴ The Global Economy. (n.d.). *Mali: Fertility rate*. Retrieved March 23, 2021, from https://ru.theglobaleconomy.com/Mali/Fertility_rate/; World Bank Group. (2020). *Doing business 2020. Comparing business. Regulation in 190 economies*. Retrieved March 24, 2021, from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32436>

For example, bauxite reserves are about 2 billion tons (more than 2.5% of world reserves). According to various estimates, diamond reserves reach 1 million carats, and probable reserves of iron ore – about 4 billion tons.⁵ In addition, the country continues intensive exploration of oil and gas deposits with the participation of foreign investors: Baraka Petroleum Ltd and Trans Ocean Securities (Australia), ENI (Italy). It should also be mentioned that the Malian company Petroma discovered a gas field with significant reserves in mid-2013, located 60 km from Bamako. This is also one of the reasons to consider Mali as an attractive participant in the integration processes, since the Republic will be able to act as a major supplier of electricity for the whole of West Africa at low prices – the cost of one kW will be less than 10 CFA francs against 113 CFA francs at the moment.⁶

In addition, the most important of the extracted resources in Mali is gold, the sale and formation of reserves of which will ensure the stability of economic positions and will avoid large losses from financial shocks. Today in Mali there are gold mines owned by the largest companies, including B2Gold, Resolute Mining (Anglogold Ashanti). Malian ore is of high quality, and therefore the Republic will provide itself with a financial buffer for a long time. This is evidenced by the production volumes, which in 2019 increased by 7% compared to the previous year and exceeded 65 tons.⁷

It should be noted that successful integration processes required not only an economic component (economic growth, diversification of the economy, liberalization of markets, a favorable investment climate), but also the viability of the country, adherence to the inviolability of the rule of law. This can be achieved by solving administrative and political problems; formation of an integral legal system; creating favorable conditions for the education of the population; establishing productive communications. And the economic potential, in turn, will act as a source for the development of high-quality human capital (constant population growth), which in favorable economic conditions will become one of the key drivers of beneficial integration processes (Korendyasov, Konstantinova, 2020). However, such conditions for Mali have not yet fully formed.

Achieving political balance and creating favorable conditions for the growth of the contribution of the population to the creation of gross domestic product, the development of economic sectors is hindered by the presence of a hotbed of instability in the north of Mali (about 2/3 of the total territory of the Republic).

Thus, the Republic of Mali, being one of the most attractive countries in West Africa in terms of investment profitability (large gold deposits, the presence of prospects in the development of oil and other hydrocarbon deposits, uranium deposits), is of interest not only for business, but also for radical elements. The potential profit from the extraction and sale of minerals and the absence of a strong army in Mali

⁵ USGS Publications Warehouse. (n.d.). *Mineral Commodity Summaries 2020*. U.S. Geological Survey. Retrieved March 24, 2021, from <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2020/mcs2020.pdf>

⁶ James J.P. (2019, October 3). Hausse des tarifs d'électricité au Mali: L'hypothèse du vide des caisses de l'Etat se confirme-t-elle? *MALI Jet*. Retrieved March 24, 2021, from <https://malijet.com/actualite-politique-au-mali/233739-hausse-des-tarifs-d'electricite-au-mali-l'hypothese-du-vide-des-.html>

⁷ Gold production in Mali in 2019 increased by 7%. (n.d.) *PRIME. Bulletin of the Gold Mine*. Retrieved March 25, 2021, from <https://gold.lprime.ru/news/20200116/346504.html>.

triggered the involvement of Mali in January 2012 in an armed conflict with extremist groups in the north of the Republic. Taking advantage of the fact that more than 90% of the population of Mali professes Islam, terrorist Islamist gangs began hostilities to create the state “Azavad”, which was planned to be located on the territory of the northern regions of the Republic (more than 2/3 of the area of Mali). In March 2012, on the eve of the presidential elections in Mali, an unconstitutional armed coup took place in the country, which caused a crisis of power and aggravation of the already difficult socio-economic situation.

Such shocks seriously undermine integration processes. If the 2012 crisis was resolved with the participation of the French armed forces (special operations Barkhan and Serval), with the intervention of the African peacekeeping forces ECOWAS and the deployment of a multidisciplinary UN mission to stabilize the situation in Mali, in which more than 11 thousand military and about 1.5 thousand police officers, the recent military-political crisis in May 2020 led to the suspension of Mali's membership in ECOWAS (following the results of the emergency summit of the ECOWAS member states, it was decided to suspend Mali's membership due to the political crisis).

Following the ensuing military coup on August 18, 2020, ECOWAS was forced to impose sanctions against the Malian regime, which were later lifted only after the military agreed to establish civilian-led governments and elect an interim President of the Republic. On September 21, 2020, former Defense Minister Ba Ndao was elected interim president of Mali, and the leader of the military coup, Assimi Goita, was appointed vice president. Ba Ndao also appointed former Foreign Minister Moktar One to the post of head of the transitional government of Mali on September 27, 2020. The military said that Mali must overcome the transition period and only then return to democratic rule through presidential and parliamentary elections, which will take place 18 months after the seizure of power.

Along with ECOWAS on the suspension of Mali's membership of the military coup and the African Union.⁸ The representative of the African community said in a statement that a decision was made to immediately suspend participation in any activity of the African Community, its institutions and bodies until the country has restored constitutional order. Members of the Peace and Security Council of the international community harshly condemned the actions of the military junta, which came to power through a coup, calling for a military operation in the place of permanent deployment. At the same time, it was noted that in case of non-compliance with the points of the roadmap, where the steps are indicated, Mali to resolve the situation will introduce targeted sanctions and implement other strict penalties against violators of the transitional period.

Social policy is another important aspect of a successful position in integrated sub-regional structures. This aspect is given special attention in Mali. The fact that four out of five citizens of the Republic of Mali live in communities and are extremely limited in access to finance to maintain a normal standard of living and develop

⁸ Osminin, N. (2021, June 2). Membership of Mali in the African Union was suspended due to a military coup. *Obshchestvennaya Sluzhba Novostei*. Retrieved June 3, 2021, from <https://www.osnmedia.ru/world/chlenstvo-mali-v-afrikanskom-soyuze-priostanovleno-po-prichine-voennogo-perevota/>

economic activities, households can lead to food shortages and financial insecurity. In this regard, close attention of the Malian authorities should be focused on the possibilities of attracting aid opportunities from external sources such as FAO (Food and Agriculture Organization Provider). FAO provides integrated technical support to IFAD (International Fund for Agricultural Development) through the Rural Microfinance Program. This helps the Malian government to facilitate access to finance for at least 500 thousand rubles villagers with low incomes.⁹

With a focus on financial inclusion, FAO and IFAD are providing income-generating support to rural residents as well as financial assistance to community savings groups. Malian nongovernmental organizations, observing the terms of FAO funding, organize training of the population in financial literacy, the specifics of organizing training with financial institutions, the correct preparation of applications for obtaining credit resources and their repayment, and provide comprehensive administrative support.

Thanks to FAO's assistance program, many rural Malians, including young people and women, have been able to obtain bank loans. Today, about 105 thousand poor women living in villages (about 4 thousand groups) are now listed as solvent clients of microfinance organizations. A case in point is the women's group Djekafo from Diuru, which has diversified its activities with financial support and training. Members of this group are currently busy processing millet into a food supplement, fighting childhood hunger and, in this state, setting aside money for emergency spending.

Such measures of social support, which can be implemented at the initiative of the Mali authorities, allow to reduce the degree of social tension and avoid mass discontent of the population with the policy of the authorities, which can lead to social and political crises, as a result of deformation of integration processes within the framework and important sub-regional associations that are important for Mali from an economic and socio-political point of view.

Conclusion

In the course of the research, it was found that the integration processes, which are the most important component of the development of the countries of West Africa and, in particular, Mali, is a complex category that depends on many factors. So, along with economic factors, such as the desire for economic growth in the form of increased production and exports of essential goods, increased GDP growth and active participation in investment programs, the Malian authorities should pay close attention to the socio-political situation in the country, contribute to the creation of a favorable climate. for the development of households and industry. As practice shows, the reasons for armed (military) coups in the Republic, as a rule, were the irrational policy of the authorities, corruption (misuse of financial resources) and almost complete disregard for the need to improve social policy. All this led to the suspension of Mali's membership in such integrated communities as ECOWAS and the African Union, which inevitably entailed not only

⁹ Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (n.d.). *Investments in the future of Mali (IFAD)*. Retrieved March 25, 2021, from <http://www.fao.org/support-to-investment/our-work/success-story-detail/ru/c/1398153/>

a financial, but also a socio-political crisis, the way out of which became more painful for Mali every year. There is a need to develop a unified socio-economic policy that will reduce corruption in the government, create favorable conditions for the country's economic development and growth in the well-being of the population, which will reduce the degree of social tension. All this will ensure the successful deepening of integration processes that will open new development paths for Mali.

References

- Ametoglo, M.E.S., Guo, P., & Wonyra, K.O. (2018). Regional integration and income inequality in ECOWAS zone. *Journal of Economic Integration*, 33(3), 604–628
- Biryukov, D.Y., & Dyuzheva, N.V. (2021). Instruments for implementing China's economic interests in the de-veloping countries on the example of Sub-Saharan Africa. *RUDN Journal of Economics*, 29(2), 426–438. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-2-426-438>
- Denisova, T. (2016). ECOWAS and the problems of regional security. *Problems of Regional Integration: Digest of Articles* (pp. 140–158). Moscow: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Diabate V., & Kholina, V.N. (2017). Regional integration in Africa: Dynamics of intra-regional trade 1990–2015. *RUDN Journal of Economics*, 25(2), 159–167. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-2-159-167>
- Kamara, P. (2010). *Problems and opportunities for the development of economic integration in West Africa* (abstract of the Dissertation of the Candidate of Economic Sciences). Moscow: Publishing House of the State University of Management. (In Russ.)
- Korendyasov, E.N., & Konstantinova, O.V. (2020). Peace in Mali: The path to security in the Sahara-Sahel subregion. *Asia and Africa Today*, (11), 17–25. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.31857/S032150750012180-0>
- Traore, D. (2020). *The role of ECOWAS in the West African integration process and the case of Mali*. The World Orders Forum.

Сведения об авторах / Bio notes

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: aiv1207@mail.ru

Inna V. Andronova, PhD in Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: aiv1207@mail.ru

Дембеле Мама, аспирант кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: mams0757@yahoo.fr

Mama Dembele, PhD student of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: mams0757@yahoo.fr

ЭКОНОМИКА РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ECONOMY OF DEVELOPED AND EMERGING COUNTRIES

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-575-586

UDC 338

Research article / Научная статья

What's happening to the locomotive of global economy, or The myths about the recovery of China

Marina S. Reshetnikova✉, Irina A. Pugacheva

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ reshetnikova-ms@rudn.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has caused irreparable damage to all economies. Coping with the consequences by the leading players in the global economy is only expected. However, the world's leading organizations have been trumpeting about overcoming the crisis in China. The aim of the research is to analyze the current state of the Chinese economy and answer the question whether it has overcome all the crisis phenomena. As part of the study, the authors analyzed indicators such as GDP, debt level, level of domestic demand, activity in the financial market and the M&A market, as well as technological and social policies of China and the structure of trade. For the analysis of quantitative indicators, a combination of comparison and classification methods, media scanning, and crowdsourcing was used. The information base was grounded on annual reference books published by official institutions in China, World Bank, International Monetary Fund, statistical data from international publications devoted to Chinese economy. The analysis showed the presence of trigger situations in the stock market, in the market for innovative investments and the banking sector. The state of the credit system is also a matter of concern. The authors have proven that enthusiastic statements about the rapid recovery of the Chinese economy are more an encouraging myth than a fait accompli. Today, China is only at the beginning of its recovery from the crisis caused by the pandemic. Will it be able to become the locomotive of global economic growth again, as in 2008? The answer to this question remains open.

Keywords: China, COVID-19, economy recovery, M&A, debt, trade balance, internal demand

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the RUDN University Economic Faculty, project No. 060326-0-000.

Article history: received 10 April 2021; revised 1 June 2021; accepted 15 June 2021.

For citation: Reshetnikova, M.S., & Pugacheva, I.A. (2021). What's happening to the locomotive of global economy, or The myths about the recovery of China. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 575–586. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-575-586>

© Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Что же происходит в экономике «мирового локомотива», или Мифы о восстановлении Китая

М.С. Решетникова✉, И.А. Пугачева

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ reshetnikova-ms@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 нанесла непоправимый ущерб экономикам всех стран. Предполагается, что ведущие игроки мировой экономики только начинают справляться с ее последствиями. Однако ведущие мировые организации уже сообщают о преодолении кризиса в Китае. Цель статьи – проанализировать текущее состояние экономики Китая и ответить на вопрос, преодолела ли она все кризисные явления. В рамках исследования проанализированы такие показатели, как ВВП, уровень долга, уровень внутреннего спроса, активность на финансовом рынке и рынке слияний и поглощений, а также технологическая и социальная политика Китая и структура торговли. Для анализа количественных показателей использовалось сочетание методов сравнения и классификации, медиасканирования и краудсорсинга. Информационная база основана на ежегодных справочниках, издаваемых официальными учреждениями Китая, Всемирного банка, Международного валютного фонда, статистических данных из международных изданий, посвященных экономике Китая. Анализ показал наличие триггерных ситуаций на фондовом рынке, на рынке инновационных инвестиций и в банковском секторе. Состояние кредитной системы также вызывает озабоченность. Доказано, что возторженные заявления о быстром восстановлении китайской экономики являются скорее обнадеживающим мифом, чем свершившимся фактом. Сегодня Китай находится только в начале выхода из кризиса, вызванного пандемией. Сможет ли он снова стать локомотивом глобального экономического роста, как в 2008 году? Ответ на этот вопрос остается открытым.

Ключевые слова: Китай, COVID-19, восстановление экономики, M&A, госдолг, торговый баланс, внутренний спрос

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке экономического факультета Российского университета дружбы народов, проект № 060326-0-000.

История статьи: поступила в редакцию 18 апреля 2021 г.; проверена 1 июня 2021 г.; принята к публикации 15 июня 2021 г.

Для цитирования: *Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A.* What's happening to the locomotive of global economy, or The myths about the recovery of China // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 575–586. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-575-586>

Introduction

It is not easy to make analytical reviews on national economies in the post COVID-19 period. Before the pandemic outbreak, “uncertainty” was more applicable to analysing theoretical global economic processes. Now, it can be safely used when assessing almost all participants in economic activity at all levels.

“Expected results” are the primary epithet of economic analysis today for nearly all indicators (GDP, capital investment, growth in household income). Unfortunately, analytical forecasts today are more like worrying predictions.

Overcoming the COVID-19 pandemic by the leading players in the global economy is only expected. However, this, for some reason, categorically does not apply to the analysis of the Chinese economy. Starting this year, the World Bank, the International Monetary Fund, and analytical agencies like Bloomberg have been trumpeting about overcoming the crisis in China.¹ From their perspective, the following image is appropriate: the locomotive of global growth, having stood for a while on a covid platform, rushed forward, dragging the entire world economic space with it.

However, such a hasty admiration for Beijing's achievements is surprising. First, only facts presented by the government and state institutions are used to compile victorious reports on the economy's recovery. There is an excessive utopianism in the assessment of Beijing's real economic achievements. Trigger situations on the stock market, the innovative investment market and the banking sector serving it, the state of the credit system are not considered. Moreover, their condition is complicated. It can hardly be called "fantastically successful." So, what is going on in the economy of the "white swan pulling the growth of the global economy?" Furthermore, what is the reality of the myth of its economic recovery? The aim of the article is to analyse the current state of the Chinese economy and answer the question whether it has overcome all the crisis phenomena.

Materials and methods

The main methods used in this study were the systemic and dialectical approaches to studying changes in economic trends in the development of the Chinese economy.

For the analysis of quantitative indicators, the authors used a combination of comparison and classification methods, media scanning, and crowdsourcing. The information base was based on annual reference books published by official institutions in China, World Bank, International Monetary Fund, statistical data from international publications devoted to Chinese economy, articles, and monographs of economists. The main scientific provisions of this work were developed by the authors independently.

Research results and discussion

Let us start with the positive factors. Knowing the peculiarities of Chinese statistics and, if we accept the condition that the data correspond to reality, then the results of the PRC on the post-like recovery of the national economy are awe-inspiring.

The National Bureau of Statistics of China, on January 18, 2021, published a report on the main achievements of the national economy. GDP growth in 2020

¹ World Bank. (2020). *From recovery to rebalancing: China's economy in 2021*. <https://doi.org/10.1596/35014>; International Monetary Fund. Asia and Pacific Dept. (2021). *People's Republic of China staff report for the 2020 Article IV Consultation* (Country Report No. 2021/006). Retrieved April 12, 2021, from <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/01/06/Peoples-Republic-of-China-2020-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-49992>; Bloomberg News. (2021). *China joins U.S. as engine of global recovery with record growth*. Retrieved May 16, 2021, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-04-16/china-s-economy-soars-by-record-a-year-after-pandemic-slump>

amounted to 2.3% (about \$ 15.42 trillion). According to Bloomberg, the highest growth rate of the national economies in 2020 (Figure 1).

The volume of capital investment in the industrial sector increased by 2.9% compared to 2019. Investments in high-tech services increased by 9.1%, and in high-tech production – by 11.5%. Almost 12 million new jobs have been created, with 45% in the high-tech sector. The share of the tertiary sector in GDP reached 54.5%, which corresponds to an increase of 0.2% annually (Figure 2).²

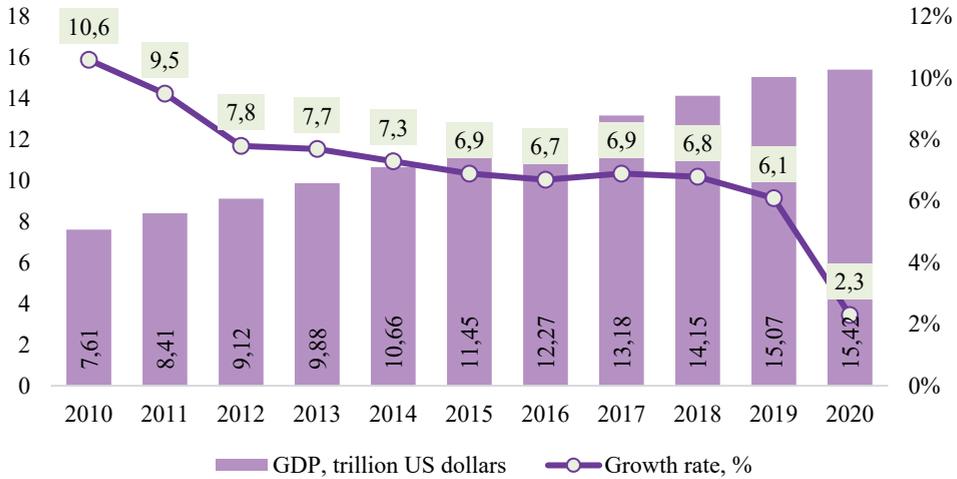

Figure 1. China's GDP dynamics 2010–2020

Source: compiled by the authors based on the data of the National Bureau of Statistics of China, 2021.³

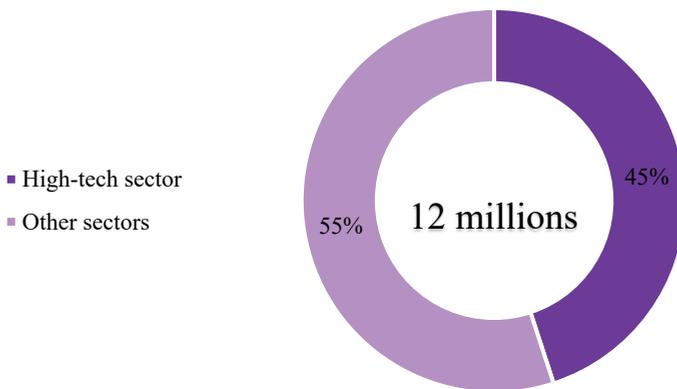

Figure 2. Structure of new jobs in the industrial sector in China

Source: compiled by the authors based on the data of the National Bureau of Statistics of China, 2021.⁴

² National Bureau of Statistics of China. (2021). *National economy recovered steadily in 2020 with main goals accomplished better than expectation*. Retrieved May 16, 2021, from http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html

³ Ibid.

⁴ Ibid.

In 2020 for the first time in Chinese history, the Government made a social reform aimed at creating a social insurance and pension system. Today, the social insurance system covers almost 95% of the population, which is 1.36 billion people (Dong, Park, 2019). It is the world's most extensive social protection system for citizens. The pension system covers over 1 billion people and guarantees them monthly payments. For reference, this is one-third of the world's population covered by the pension system (Dong, Wang, 2016). Social reform began to be prepared back in 2009. Its main goal is to transform the behavior of the Chinese population. It is expected that its implementation will make it possible to reorient it from accumulation towards increasing consumption. According to experts, the Government intends to spend more than \$ 1.5 trillion annually on this social reform (Chen, 2017). Beijing has that kind of money.

The beginning of 2021 was also quite optimistic from the point of view of overcoming the crisis phenomena. According to the Ministry of Industry and Information Technology, industrial production growth in the first two months of 2021 amounted to 3.5% compared to the same period in 2019.⁵

The growth of industrial enterprises profits especially of small and medium-sized businesses in China in the first two months of 2021 amounted to 72.1%, compared to the same period in 2019. The profit of the largest state-owned corporations by the end of the first quarter showed an increase of 31.1% compared to the pre-crisis period Dec 2019 (Figure 3).⁶

Figure 3. Profit of industrial enterprises, billion US dollars

Source: compiled by the authors based on the data of the State Council Information Office, 2021.⁷

⁵ State Council Information Office. (2021). SCIO briefing on development of China's industry and information technology in the first quarter of 2021. Retrieved May 16, 2021, from http://english.scio.gov.cn/pressroom/node_8023688.htm

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

The positive dynamics of economic recovery are also observed for several indirect signs. For example, electricity consumption in the first quarter increased by 21.2%, mainly due to small and medium-sized enterprises (SMEs).⁸ In addition, the growth in Russian gas exports through the Power of Siberia pipeline grew 3.2 times in annual terms.⁹

In March, according to the statement of the National Bureau of Statistics of China, the volume of domestic air transportation almost completely recovered.¹⁰

Since the beginning of 2021, Chinese companies have set a record for M&A transactions. Their volume, according to Refinitiv, amounted to an unprecedented amount of \$ 77.5 billion, which is almost three times higher than their level for the same period in 2020.¹¹ However, it should be noted that this behavior is not at all typical for Chinese companies. As a rule, the beginning of the year is not the most active period for Chinese M&A.

The main activity of M&A deals is in the high-tech sector, medicine, and logistics. Activity in the high-tech sector and medicine is expected. It builds on the launched import-substitution strategy aimed at reducing the dependence of the high-tech sector on foreign technologies and combating the consequences of the COVID-19 pandemic. These are the upward trends in Chinese M&A deals for years to come. In turn, the growth in the number of transactions in the field of logistics is a new trend in national M&A. An example is the recent takeover of Kerry Logistics by the Chinese courier service SF Holding. The deal was worth \$ 2.3 billion.¹² Equally impressive is the takeover of CJ Rokin, China's oldest logistics company, by FountainVest Partners, a private equity firm headquartered in Hong Kong, for \$ 2.1 billion.¹³ The rapid and massive growth in the popularity of e-commerce during the pandemic.

A particular surprise for the experts was a noticeable increase in M&A deals in construction companies. So, the cement manufacturer Xinjiang Tianshan ab-

⁸ Xinhua. (2021, February 6). *China's power consumption to increase 6–7 pct in 2021: Electricity council*. Retrieved April 16, 2021, from http://xinhuanet.com/english/2021-02/06/c_139726554.htm

⁹ Gazprom, Information Directorate. (2020, December 2). *Power of Siberia's first year: Reliable operation, increased supplies, above-target amounts*. Retrieved February 16, 2021, from <https://www.gazprom.com/press/news/2020/december/article519895/>

¹⁰ National Bureau of Statistics of China. (2021). *National economy recovered steadily in 2020 with main goals accomplished better than expectation*. Retrieved May 16, 2021, from http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html

¹¹ Chen, N. (2021, February 10). *Wisdom to nurture ambition, data to enable the future – 2021 China financial market forecast*. Retrieved February 16, 2021, from <https://www.refinitiv.com/perspectives/future-of-investing-trading/wisdom-to-nurture-ambition-data-to-enable-the-future-2021-china-financial-market-forecast/>

¹² Baigorri, M., Chan, V., & Chan, C. (2021, February 10). *SF Holding to take over Kerry Logistics for \$2.3 billion*. Retrieved February 16, 2021, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-09/chinese-courier-sf-to-take-over-kerry-logistics-for-2-3-billion>

¹³ PitchBook. (2021, February 11). *FountainVest to acquire CJ Rokin in \$1.1B deal*. Retrieved February 16, 2021, from <https://pitchbook.com/newsletter/fountainvest-to-acquire-cj-rokin-in-1-1b-deal>

sorbed four regional competitors for 98 billion yuan (\$ 15 billion).¹⁴ True, it is not very clear why this became so unexpected, since, from the second quarter of 2020, the development of national infrastructure projects has been recognized by Beijing as one of the primary triggers of economic recovery. By the third quarter, analysts at the CCID Think Tank Electronic Information Institute, a government think-tank, and Haitong Securities, a major Chinese securities firm, valued government investment portfolios associated with new infrastructure projects at \$ 1.43 trillion.¹⁵ This amount is expected to rise to \$ 2.51 trillion by 2025.¹⁶ Twenty-five provinces are actively involved in the development of infrastructure projects, implementing their local plans. Most impressive is Shanghai's plan, which has set an overall investment target of \$ 38.7 billion over the next three years.¹⁷

The question involuntarily arises: “Where will the government of China get such colossal financial resources?” Indeed, according to the Ministry of Commerce of the PRC, budget revenues in 2020 fell by 3.9%, which is \$ 2.8 billion, including tax revenues of individuals, decreased by 2.3% (\$ 1.7 billion). Revenues from value-added tax, the primary source of budget income, fell by 8.9% (to \$ 6.4 billion), consumption tax by 4.3% (\$ 3.1 billion).¹⁸ Yes, of course, the Government can turn on the printing press again. Neither state financial regulators nor the Central Bank, which do not play an independent role, will prevent this. However, it is impossible to print yuan indefinitely. There is already too much of it since 2015.

The result of such a difficult economic situation was an unprecedented debt increase in China. By the end of 2020, it amounted to 58.7% of GDP (Figure 4). A debt of the non-financial sector (industry + government + households) reached 280.3% of GDP, which is very close to that of the United States.¹⁹ However, there is also the so-called “hidden debt” – the local debt of the state, hanging on the balance sheet of state financial institutions. Financial regulators estimate its value at \$ 12.9 trillion.²⁰ At the same time, for some reason, analysts predict prosperity for the Chinese economy and the US economy – a quick death.

Perhaps the world leaders of economic growth will again come to China's aid. First, the US economy and some EU countries, despite the apparent difficulties, are beginning to overcome the crisis phenomena.

¹⁴ Refinitiv. (2021). *China mergers & acquisitions review. First quarter 2021*. Retrieved March 10, 2021, from <https://thesource.refinitiv.com/TheSource/getfile/download/a9f4db7f-f799-4539-9c29-1803b8e4a581>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Kawakami, T. (2021, January 21). China to pump \$1.6tn into tech infrastructure through 2025. Retrieved March 10, 2021, from <https://asia.nikkei.com/Business/China-tech/China-to-pump-1.6tn-into-tech-infrastructure-through-2025>

¹⁸ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (2021, June 4). *MOFCOM Regular Press Conference (June 3, 2021)*. Retrieved June 12, from <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202106/20210603069409.shtml>

¹⁹ Lee, A. (2021, June 5). *China debt: Has it changed in 2021 and how big is it now?* Retrieved June 12, 2021, from <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3135883/china-debt-has-it-changed-2021-and-how-big-it-now>

²⁰ Ibid.

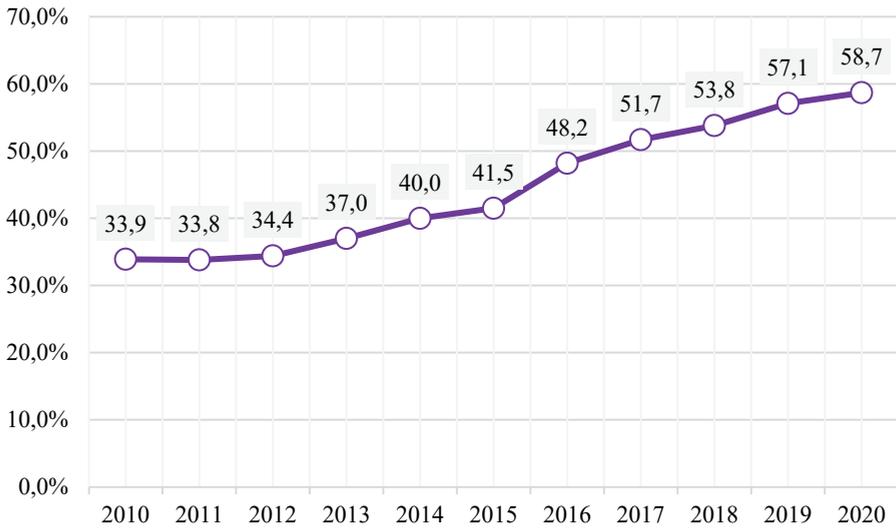

Figure 4. China's public debt, % of GDP

Source: compiled by the authors based on the data of the State Council Information Office, 2021.²¹

The trade balance is traditionally an essential factor for the Chinese economy. Export earnings since the beginning of Deng Xiaoping's economic reforms have been the cornerstone of its growth. For many years, China's stability has relied on exports, on large-scale production of cheap and not very high-quality consumer goods, and then medium-quality products of the high-tech sector. Unfortunately, the COVID-19 pandemic has hit significant buyers of Chinese products. In the first two months of 2020 alone, China's foreign trade fell by 11% (\$ 591.9 billion).²² Moreover, now salvation has come for Beijing's economic recovery plan.

According to The National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, there is a sharp increase in the volume of foreign trade in the first quarter. It reached 41.2%, which corresponds to \$ 834 billion. For the entire 2019, it amounted to \$ 662 billion.²³

There is a specific recovery in domestic demand, primarily due to the growth of online trading volumes. The first quarter alone exceeded \$ 1.81 trillion, which is 10.9% more than the same indicator of the pre-crisis level. At the same time, the situation in the offline trading sector is not yet so optimistic. The fall of 12% that happened in 2020 has not yet been won back (Figure 5).²⁴

²¹ State Council Information Office. (2021). SCIO briefing on development of China's industry and information technology in the first quarter of 2021. Retrieved May 16, 2021, from http://english.scio.gov.cn/pressroom/node_8023688.htm

²² Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (2021, June 4). *MOFCOM Regular Press Conference (June 3, 2021)*. Retrieved June 12, from <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202106/20210603069409.shtml>

²³ Ibid.; National Bureau of Statistics of China. (2021). *National economy recovered steadily in 2020 with main goals accomplished better than expectation*. Retrieved May 16, 2021, from http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html

²⁴ National Bureau of Statistics of China. (2021). *National economy recovered steadily in 2020 with main goals accomplished better than expectation*. Retrieved May 16, 2021, from http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html

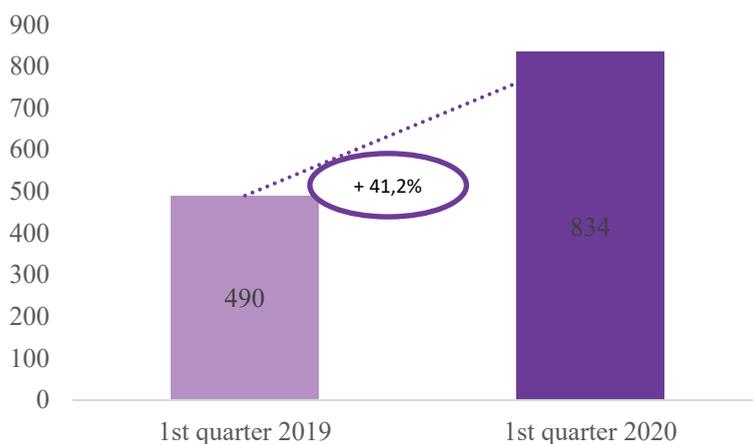

Figure 5. China's foreign trade growth, USD billion

Source: compiled by the authors based on the data of the Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2021 and the National Bureau of Statistics of the PRC, 2021.²⁵

First, due to the decline in sales of the automotive and electronics industries. With cars, perhaps everything is clear. Where will you travel with the permanent possibility of announcing the subsequent covid lockdown? With the sinking of the sales of electronic gadgets with the all-consuming love of the Chinese population for their purchase, the question is open. Is everything all right with the finances of the population of the “recovered” economy? The cotton trade war that engulfed the internal market of China looks strange against the same background. The boycott of the purchase of textile products from H&M, Converse, Adidas, and Calvin Klein due to their refusal to use Xinjiang cotton is too large-scale, supported by the state. Maybe in this way, the Government is trying to disguise another drop in sales on the domestic market.

Nevertheless, the growth of the trade balance had a positive effect on the state of the economy. As mentioned earlier, the first quarter saw positive changes in the Chinese industrial sector. There is also a significant increase in the inflow of direct investment, primarily in the high-tech sector. In the first quarter, it was 4%.²⁶

Here the first fiddle is played by the US stock market. We can say that the situation with Chinese companies is wild. In the first quarter of 2021, the growth of investments in companies from China amounted to 440% compared to 2020, almost a record \$ 11 billion.²⁷ The question involuntarily arises: “What is this – a sign of confidence of American investors in the completion of the technological confrontation between the two countries against the background of overcoming post-like economic difficulties by Beijing?” Nope.

²⁵ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (2021, June 4). *MOFCOM Regular Press Conference (June 3, 2021)*. Retrieved June 12, from <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202106/20210603069409.shtml>

²⁶ Ibid.

²⁷ Handley, L. (2021, May 31). *Chinese consumers are spending. UBS picks the stocks to cash in*. Retrieved June 12, 2021, from <https://www.cnbc.com/2021/05/31/china-stock-picks-chinese-shares-to-buy-as-consumers-get-richer-ubs.html>

The confrontation has not yet been canceled. On the contrary, Biden extended actions taken by the Trump administration in May 2020, changes to the Foreign Direct Product Rule (rules for controlling goods manufactured abroad, but having American-made components, technology, or software). Moreover, this is the continuation and consolidation of the blow to Chinese production, first, of semiconductor-based products. Thus, Beijing's dream of becoming a world center for the development of artificial intelligence in 2030 remains under attack. Furthermore, the utopian belief of American investors in Beijing's ability to be the first to overcome difficulties in the economy has nothing to do with it either. Undoubtedly, this is a consequence of the unprecedented pumping of the US economy with new tranches by the Biden government, which began in the new year. “Baydonomics” – this is how analysts defined this style of overcoming economic difficulties, a definition quite humiliating for the world's first economy. However, these are the problems of the US leadership, and at first glance, they have nothing to do with the topic of our research.

However, is it so? In China, there is an alarming situation in the stock market, in the market for innovative investments and the banking sector serving it, and the state of the credit system. By the first quarter of 2021, the capitalization of the Chinese stock market reached a 5-year high. Its growth amounted to 318% of GDP. This is a colossal amount, 85% of which is a private investment like in 2008. True, then the growth amounted to “only some” 140% of GDP. In 2008, Beijing was able to flood the overheated stock market with unsecured yuan. Now the situation is entirely different. In 2021, we are seeing more than just overheating. There has never been a “bubble” of this magnitude in the history of the world economy (Figure 6).

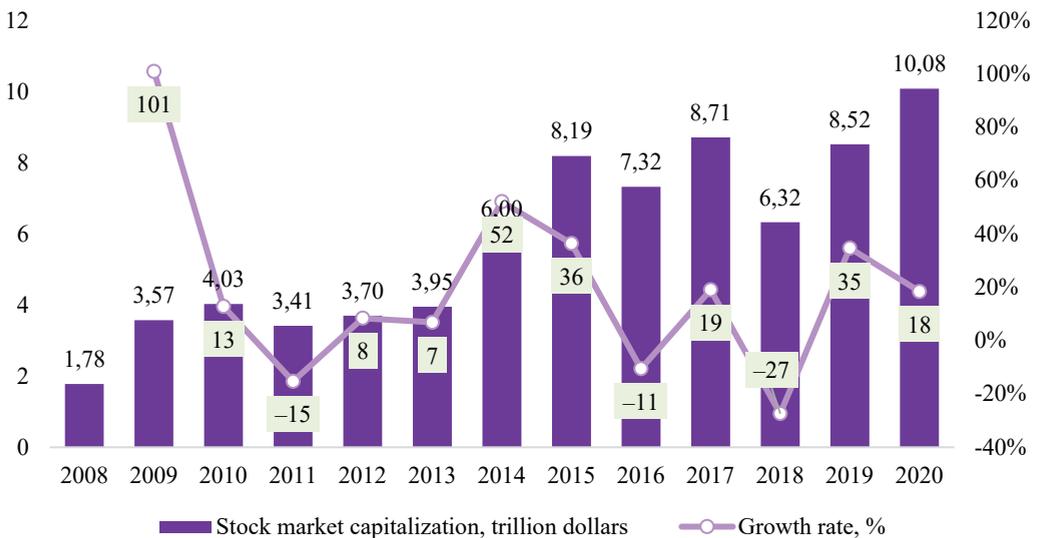

Figure 6. China stock market capitalization, 2008–2019

Source: compiled by the authors based on the data of the Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2021 and the National Bureau of Statistics of the PRC, 2021.²⁸

²⁸ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (2021, June 4). *MOFCOM Regular Press Conference (June 3, 2021)*. Retrieved June 12, from

Where do the funds that feed this “bubble” come from? Yes, all from the same place (Reshetnikova, 2020). Only the Government of Xi Jinping singles them out. For post-coronavirus recovery, Beijing sent \$ 785 billion to the economy. Some of it was to help industrial enterprises and banks, and some – to the previously mentioned development of infrastructure facilities. It seems that almost all of them went to warm up the stock market. So maybe we will help predictive analysts and introduce a new term characterizing the current state of the Chinese economy – “Xijin Pinoeconomics.”

The situation with private loans also complicates the situation. In 2020 alone, Chinese banks issued them for \$ 3 trillion, with 20% of them accounted for by inclusive financing, including lending to small and medium-sized businesses. Considering previous loans, the total debt burden in the Chinese economy reached \$ 30 trillion, and most of this money leaked into the Chinese stock market.²⁹ Complicating the situation is that the bulk of these funds belong to unqualified investors and refer to short-term loans. They are directed not at the development of the real sector of the economy but at short-term auction speculations, which, out of political correctness, are called “portfolio investments.” This money is fueling the bubble, supporting the insanely overbought and inflated stock prices of Chinese companies. All segments of the Chinese population are keen on gambling on the stock market. In anticipation of quick returns, both students and retirees rushed to investors. If the wave of bankruptcy will cover the economy of the Celestial Empire, it is difficult to imagine the level of the social explosion that will cover it.

Furthermore, they have already begun. So, the giant HNA Group Co., Ltd, the conglomerate which owns Hainan Airlines, the world’s fourth airline, in February 2021, filed for bankruptcy. The Government has made incredible efforts to halt this process. The next blow was the 14% drop in the stock market, which coincided with the start of the National People's Congress.³⁰ Not a very good moment.

Conclusions, proposals, recommendations

Beijing again flooded its economy with money. However, if bankruptcies start to roll in all the time, the yuan’s printing press may not hold up. Moreover, the only way to overcome the social explosion is the launch of sectoral bankruptcy by the Government. What will it choose? A social explosion of a scale that is difficult to imagine or a loss of face in the global reports on the success of China’s economy? Are these prospects a sign of a healthy economy? Probably not quite.

The COVID-19 pandemic has caused irreparable damage to all economies of the world, it has become not just a black swan, but a major global challenge,

<http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202106/20210603069409.shtml>; National Bureau of Statistics of China. (2021). *National economy recovered steadily in 2020 with main goals accomplished better than expectation*. Retrieved May 16, 2021, from http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210118_1812432.html

²⁹ Handley, L. (2021, May 31). *Chinese consumers are spending. UBS picks the stocks to cash in*. Retrieved June 12, 2021, from <https://www.cnbc.com/2021/05/31/china-stock-picks-chinese-shares-to-buy-as-consumers-get-richer-ubs.html>

³⁰ Stevenson, A. (2021, February 6). *HNA was once China’s biggest dealmaker. Now it faces bankruptcy*. Retrieved June 12, 2021, from <https://www.nytimes.com/2021/02/06/business/hna-was-once-chinas-biggest-dealmaker-now-it-faces-bankruptcy.html>

the consequences of which the world will have to assess and overcome for a long time to come.

So what about the question of the complete restoration of Chinese economy? This myth is very far from reality. China is only at the beginning. If we return to the image of a locomotive, then it only cares about itself and still cannot pull out the entire world economy, as it was in 2008.

References

- Chen, X. (2017). Reducing contribution rate, Pension Fund revenue and Pension Fund balancing in long term. *Chinese Journal of Population Science*, (3), 55–69. (In Chinese).
- Dong, K., & Park, D. (2019). *Reforming pension insurance in the People's Republic of China*. Asian Development Bank.
- Dong, K., & Wang, G. (2016). China's pension system: Achievements, challenges and future developments. *Economic and Political Studies*, 4(4), 414–433.
- Reshetnikova, M. (2020). Venture capital market in China: A new approach to innovation management. *Utopia y Praxis Latinoamericana: Revista Internacional de Filosofía Iberoamericana y Teoría Social*, (5), 252–264.

Сведения об авторах / Bio notes

Решетникова Марина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

Marina S. Reshetnikova, PhD, Associate Professor of Economic and Mathematic Modelling Department, Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: reshetnikova-ms@rudn.ru

Пугачева Ирина Алексеевна, выпускник магистратуры кафедры экономико-математического моделирования, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: 1032196331@rudn.ru

Irina A. Pugacheva, master graduate, Economic and Mathematic Modelling Department, Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: 1032196331@rudn.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ECONOMIC AND SOCIAL TRENDS

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-587-594

UDC 331

Research article / Научная статья

Contribution of Lionel Robbins' essay to economic psychology

Ivet Tileva

University of National and World Economy,
19 8-mi Dekemvri St, Sofia, 1700, Republic of Bulgaria
✉ itileva@unwe.bg

Abstract. Nowadays economic psychology is a field of science that has serious potential to compete classical economic theories. Many contemporary authors are interested in the discipline which is proved by the variety of emerging branches of economic psychology. Some of them are economists, other psychologists, but a small percentage of them have both economic and psychological education. This pattern explains some serious misunderstandings in the scientific literature in the field. The lack of understanding of both sciences at the same time leads to extremes in the conclusions, which in turn are not accepted as universally valid by economists and psychologists. Moreover, the literature on the subject written by economists and psychologists seems very different. Economists attach more importance to the results of economic choice, while psychologists analyze primarily the causes for it. However, the connection between the two disciplines is indisputable. Despite the variety of branches of economic psychology, it is worth paying attention to the first work in the field written by an economist, which gives fundamental answers that modern scientists seem to miss. Lionel Robbins' essay represents an extraordinary balance between the economic and the psychological issues, united in an ideal symbiosis.

Keywords: Lionel Robbins' essay, economic psychology, choice, decision-making process, irrational

Article history: received 18 March 2021; revised 28 April 2021; accepted 10.05.2021.

For citation: Tileva, I. (2021). Contribution of Lionel Robbins' essay to economic psychology. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 587–594. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-587-594>

Вклад эссе Лайонела Роббинса в экономическую психологию

И. Тилева

Университет национального и мирового хозяйства,
Республика Болгария, 1700, София, ул. 8-ми декември, д. 19
✉ itileva@unwe.bg

Аннотация. В настоящее время экономическая психология – это область науки, имеющая серьезный потенциал для конкуренции с классическими экономическими теориями. Многие современные ученые интересуются данной дисциплиной и это подтвер-

© Tileva I., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ждается множеством новых направлений в экономической психологии. Некоторые из них экономисты, другие психологи, но небольшая часть из них имеет как экономическое, так и психологическое образование. Этим фактом объясняется наличие недоразумения в научной литературе данной области. Недостаток знаний в обеих науках приводит к крайностям в выводах, которые, в свою очередь, не признаются экономистами и психологами как универсально действительными. Более того, научная литература в этой области, написанная экономистами и психологами, кажется очень разной. Экономисты придают большее значение результатам экономического выбора, а психологи анализируют в первую очередь его причины. Однако связь между двумя науками бесспорна. Несмотря на множество направлений в экономической психологии, следует обратить внимание на первое научное исследование в данной области, написанное экономистом. Оно дает фундаментальные ответы на вопросы, которые современные ученые, похоже, упускают. Эссе Лайонела Роббинса представляет собой сбалансированный анализ экономических и психологическими проблем, объединенных в идеальный симбиоз.

Ключевые слова: эссе Лайонела Роббинса, экономическая психология, выбор, процесс принятия решений, иррациональность

История статьи: поступила в редакцию 18 марта 2021 г.; проверена 28 апреля 2021 г.; принята к публикации 10 мая 2021 г.

Для цитирования: *Tileva I. Contribution of Lionel Robbins' essay to economic psychology // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 587–594. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-587-594>*

Introduction

Decades ago, people were not faced to so many everyday decisions like modern man. Today's dynamics require people to make constant choices in every plan: life, professional and even economic. For this reason, the decision-making process acquired economic significance at the beginning of the 20th century when the issue on the topic began to be studied more seriously. It can also be said that this was first steps in the development of economic psychology science. At that time, the relationship between economics and psychology was still not very clear and according to some scientists it does not even exist. However, even in classical economic theories the role of choice in production is mentioned, which is redefined by the scarcity of resources. Despite the fact that classical economists accept the understanding that man in economics is rational, in modern economic life there is practical evidence that the individual acts irrationally in certain situations. The role of economic psychology is to explain why there are discrepancies in the understanding of rationality in classical economic theories in comparison with the real practice. Although this paradigm is rejected by a number of economists, gradually, it is assumed that psychology is able to help in explaining some economic phenomena that are considered irrational by traditional economic theory.

Literature review

Several types of literature have been used for the purposes of the article, though larger volume of interdisciplinary knowledge contributes to its conclusions. The scientific literature on which the article is based can be divided into three main types: psychological, economic and literature related to economic psychology. Psychological literature includes classical and modern authors explaining basic terms and concepts in psychology. This overview is important in order to make a reference to the economy. The economic part of the article is based on classical under-

standings of economics during the years, which often rely on a sterile framework to draw conclusions. The third type of scientific literature is used for two purposes. First, an analysis of Lionel Robbins' essay is made, emphasizing on the psychological contributions to the economic science. Second, a connection between the works of important contemporary authors in the field of economic psychology and the reflections from Robbins' essay is made. This is an important part of the article because it reveals, on the one hand, the foundation that Robbins laid as an economist. On the other hand, it also presents the upgrade of economic psychology until nowadays and what is its significance in the real business practice.

Methodology

The main objective of the article is to present the early understandings of the relationship between economics and psychology, which Lionel Robbins presented in his essay in the 30s of the XX century. This is achieved through the method of analysis and synthesis of the psychological understandings underlying in the essay. To make the relations between economics and psychology significant theories in both disciplines are summarized. Hence, through logical connections, the psychological aspects which can be an influencing factor in the economy are presented. In order to trace the development of economic psychology in the modern world, the article includes a comparative analysis of contemporary trends in the field and distinguishes on which psychological approach their experiments rest. The aim is to present the development of economic psychology from the time of Robbins to the present days.

Theoretical interdisciplinary analysis

Though economic psychology is considered a relatively modern science, the problem of excluding human choice as a factor in economics has been noticed since the last century. Lionel Robbins was the first economist to analyze the relationship between economics and psychology in 1934. Until this moment, the topic is not relevant in economic communities and it is viewed with skepticism. The relationship between the two sciences has been poorly studied mainly by non-economists.

Studying the correlation between two sciences requires interdisciplinary knowledge and approach. In an essay entitled "*Remarks on the Relationship Between Economics and Psychology*", Robbins sets out his views on the subject from which several important conclusions can be drawn. The British economist believes that due to ignorance and misunderstanding of basic ideas in economics, non-economist authors hastily reject the conclusions of economics. In order to understand the opinion of the great economists for the connection between economics and psychology, Robbins reckon it is necessary to analyze their practical work and sporadic statements on the subject, rather than their systematic works (Robbins, 1934).

For this reason, a lot of studies aim to determine how rational man is in his behaviour. On the one hand, some scientist believe that rationalism is a sterile theory. On the other hand, researches are being conducted by supporters of the *rational choice theory*, which prove that any logical and consistent human be-

behaviour leads to maximizing utility. However, the question about the psychological mechanism that underlies their choice remains.

There is currently no specific definition of the relationship between economics and psychology. On the other hand, the significance of most hypotheses depends on the correct definition of the relationship. According to L. Robbins, economists avoid introducing new statements in the analysis due to the lack of interdisciplinary knowledge, which in turn blocks their work. Meanwhile, scientists who are interested in studying the relationship between economics and psychology have a different type of scientific views and interests (psychological, sociological, etc.) than scientific and economic. The misunderstanding between the scientists specialized in different fields creates a division between the two sciences and skepticism towards their hypothetical correlation (Robbins, 1934).

Lionel Robbins is the first economist who comments the undoubted connection between economics and psychology. Despite all the claims that economics is an independent science, Robbins believes that there are processes in it that can be described as psychological or, more precisely, psychical. The distinction between psychological and psychical process is made by L. Robbins after a terminological correction by the English philosopher Horace Joseph. This terminological clarification, voluntarily or involuntarily, becomes one of the most valuable things in Robbins' work and lays the foundations of different branches in economic psychology.

Joseph's remark on the terminological distinction between the concepts of psychical and psychological process (Robbins, 1934) is extremely appropriate and even necessary. Often the two terms are used as analogous, probably because of the identical root *psyche*, which comes from ancient Greek and means soul, spirit (ψυχή). *Psychically* and *psychologically*, however, are not synonymous. It is therefore important to present the difference in terms' meaning. In fact, **psychical** are those processes which take place in mind or, more precisely, in the psychical apparatus of human being (Freud, 1926). The *psychic apparatus* is a term coined by Freud and is sometimes translated as the *mental apparatus*. While, **psychological processes** are psychical processes that are already a subject of analysis by science. Therefore, psychical processes acquire the meaning of psychological when they become a subject of scientific research (Danov, 2002).

The first major task of Robbins' essay is to define what he calls **psychological elements** in economics. The main object of analysis in economics (both in theory and in practical aspect) are the limited resources that in the production process should be allocated optimally. The complete realization of the set goals is impossible with the materials that humanity has at its disposal. For this reason, people are forced to make choices – what to produce in larger quantities and what to sacrifice at the expense of more efficient production. Meanwhile, the main objects of analysis for economists are: interest rates, market prices, exchange rates, cyclical deviations, etc., and their theoretical views on these issues are abstract. Models that are not constant have been adopted. Over time, they are rejected due to the process of development of economic thought. Change in the understanding of psychological factors has a major contribution to this development (Robbins, 1934).

In his essay, Lionel Robbins makes a brief retrospective of the development stages of economic thought. This retrospection is probably provoked by the state-

ment that economics is an independent from psychology science and at the same time the main question it should solve is related to the choice: what a country should specialize in; where, how and how much to produce; at what price to sell its goods. The author does not pay much attention to the theory of Malthus and the theory of physiocrats, because they do not have psychological aspects, unlike the classical school of thought. Even in Ricardo's works, there are thoughts related to the decision-making process. In Ricardo's paradigm this process is strictly framed. He assumes that price is the major factor for purchase and man in economy always chooses the cheapest product and sells it at the highest price. This statement is the foundation of classical economic theory. According to Robbins, in Adam Smith's works, the opposite trend can be observed – towards equalization. Smith reckons that receiving money is not the only incentive to trade, but only part of it. In his theory, the absolute advantages are important, which predetermine the choice of what production a country should focus on in its international industry specialization. It is important to emphasize that in Smith's works, choice does not have this liberated nature set in the content of the word.

The classics focus on technical issues, which are undoubtedly important, but in modern economic dynamics, are not entirely decisive. Economic theories draw conclusions based on strictly defined assumptions and conditions in which the analysis of the economic situation is made. In the real world, such conditionalities cannot be defined. For this reason, as a serious omission, Robbins notes that the “demand” factor, which has a major influence on the economic system, is in no way taken into account in the works of the classics. According to the author, “demand” is a key element of economic relations and cannot be ignored. This is the element that contains the psychological aspects that affect the economic system. Focusing only on technical processes in the economy could be extremely misleading. In practice, this helps to describe the conditions of equilibrium, but does not explain how equilibrium can be made up of the supply of units of goods that are not equally attractive to the buyer and therefore their significance may vary in descending order (Robbins, 1934).

In the early days of new theories, William Jevons, among other economists, assumes that the economic benefits that are the subject of analysis of their own work are measurable. This is a statement that, according to Robbins, is somewhat true, but contradicts philosophical thinking.

One of the works that Robbins includes in his retrospective is the so-called Pareto efficiency. Pareto's theory states that: “A system is not able to produce more than one product at the same level of investment without reducing the production of another type of product – by transferring part of the investment between products or by improving production technology” (Hansson, 2004). The comparison of the benefits of different goods is often criticized by modern economists, as there is no precise definition to frame the concept of utility. In today's world, where new products are constantly entering the market, utility is becoming increasingly difficult to define because its subjective nature. Through these reflections in the essay, Robbins raises the important question of where the connection between economics and psychology is.

Robbins believes that the utility of a commodity becomes a subjective concept. In more modern economic developments, value theory is based on the assumption that benefits can be compared, not measured. For one economic entity a good could have much greater benefits than for another economic entity. On the one hand, Jevons' design assumes that the benefit of each commodity can be replaced by the use of a certain quantity of another commodity (Donzelli, 2009). On the other hand, nowadays the claim that most identical goods are interchangeable sounds implausible because the consumer has become too demanding. As a result of Pareto's work and the early Austrian school of thought, it was concluded that the claim of commensurability of benefits is unnecessary and useless. Nowadays, the saturation of the market with different types of goods and services, creates rather impossibility of commensurability, due to the growing specifics of each individual product.

Relation between Robbins' essay and contemporary theories

Subsequently, over the years economic psychology has developed many branches (Lewis et al., 1995) based on different psychological approaches: *psychoanalytic*, *cognitive* and *behavioural*. The three main approaches in psychology cannot exist in symbiosis, as their understandings are mutually exclusive (Martin, 2006). However, the similarity between them is related to the idea of existence of *conscious* and *unconscious*. The father of psychoanalytic theory, Sigmund Freud, compared human consciousness to an iceberg – a small part of the iceberg is what is seen above the water or the so called conscious. The much larger part that is hidden underwater is the unconscious (Freud, 2013). Behaviour is a function of a person's inner world. In the conscious part of the human psyche, behaviour is a consequence of thoughts and impulses that the individual understands. The person realizes why is taking a specific action. The rest of the unconscious leads to certain behaviours that may be within normal behaviour. They may also be abnormal, but it is a matter of pathology, which is out of the framework of the article. Manifestation of unconscious mental processes is inexplicable for non-specialists. They have no clear idea, and often do not even realize, why a certain action occurs. According to Freud, human behaviour is mainly determined by the unconscious processes that occur in the human mind (Freud, 2014). Carl Jung introduced the term "*collective unconscious*", which concerns all the minimal experience of humanity. According to Jung, the collective unconscious influences people's behaviour, because it is inherited and contains archetypes (Jung, 2016).

However, branches of contemporary economic psychology differ from Robbins' work, but they are nonetheless related to the choice and the irrationality he analyzes. These trends arise because of the sterile environment that classical economists use in their analyzes. Underestimation of the human factor leads to conclusions that are valid theoretically but not always practically. Basically, the branches of economic psychology analyze human choice and the decision-making process. Among the most cited works is the so called "Prospect Theory" of Daniel Kahneman and Amos Tversky (1979). It develops the idea of how a person makes a decision in situation of risk, taking into account the serious influence of emotionality in the choice and in particular the fear of loss. Kahneman and Tversky

also believe that *The framing effect* is of great importance for the human choice (Tversky, Kahneman, 1981, 1986). A similar theory is developed by Richard Thaler, who reckons that people's choices can be managed in a better direction by nudging and develops the idea of choice architecture (Thaler, Sunstein, 2008). As with Kahneman and Tversky, Thaler's experiments are based on the behavioural approach in psychology. Another notable scientist, Barry Schwartz, analyzes the effect of too many options for purchase that modern man is faced. Schwartz's theory claims that too many alternatives can lead to serious confusion and exhaustion. Instead of the purchase bringing satisfaction, the effect is a bad emotional state. This phenomenon occurs because the individual asks itself questions such as, "Did I buy the best product?" or "Did I make a sufficiently informed choice?" (Schwartz, 2009). Dan Ariely is another contemporary scientist who deals with practical aspects of economic psychology and its implementation in real business. Ariely supports the understanding that man presumably makes irrational choices and this is not difficult to predict (Ariely, 2018). David Thackett is the one who uses a different method in comparison with the other mentioned scientists to analyze the behaviour of financial market players. He conducts interviews based on the psychoanalytic approach, through which he explains the behaviour of brokers in the financial markets (Thackett, 2011).

As can be seen, all modern trends in economic psychology have taken into account the importance of human factor, something that Lionel Robbins has already discussed in his essay. All these scientists are one of the most significant modern names in economic psychology with very different points of view. They further developed the idea of Robbins' essay so that their theoretical analyzes could be applied in the modern economic practice. As can be seen, all contemporary trends in economic psychology have taken into account the importance of human factor, something that Lionel Robbins has already discussed in his essay decades ago.

Conclusion

In conclusion, a huge contribution to science would be to overcome the distinctions between economics and psychology. This in turn will change the vision of some already accepted hypotheses, which will avoid misunderstandings in future analyzes. Lionel Robbins' views and achievements in this area are relatively poorly studied compared to modern theories of economic psychology. However, Robbins lays a conceptual foundation on which many scientists step on and develop in the context of the modern economic system. Due to the fact that Robbins is the first economist to draw a correlation between economics and psychology and because of his more in-depth analysis, which rests on interdisciplinary knowledge, he can boldly be defined as the father of economic psychology.

From the theoretical exposition it is clear that the analysis of the decision-making process from the time of Robbins to the present day has undoubtedly changed. With increasing consumption, the focus of scientific interest has shifted from choices connected with allocation of resources for optimized production to choices connected with purchase that the individual makes. The direction in which economic psychology is possible to develop is to deepen the analysis of psycho-

logical factors influencing business decisions in choosing an international partner or supplier, viewed by individual psychological analyzes of the behaviour in particular companies

References

- Ariely, D. (2018). *Predictably irrational: The hidden forces that shape our decisions*. Harper Collins Publishers Ltd.
- Danov, D. (2002). *Physiologic factors in global economy*. 1st ed. UNSS. (In Bulg.)
- Donzelli, F. (2009). Jevons, Jenkin, and Walras on demand-and-supply analysis in the theory of exchange. *Departmental Working Papers 2009-39*. Department of Economics, Management and Quantitative Methods, Università degli Studi di Milano..
- Freud, S. (1926). *The Question of Lay Analysis. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XX (1925–1926): An Autobiographical Study, Inhibitions, Symptoms and Anxiety, The Question of Lay Analysis and Other Works* (pp. 177–258). The Hogarth Press, Institute of Psycho-Analysis.
- Freud, S. (2013). *Introductory lectures on psychoanalysis*. Colibri. (In Bulg.)
- Freud, S. (2014). *Psychology of the unconscious*. Colibri. (In Bulg.)
- Hansson, S. (2004). Welfare, justice, and Pareto efficiency. *Ethical Theory and Moral Practice*, 7(4), 361–380.
- Jung, C.G. (2016). *Archetypes and the collective unconscious*. Lege Artis. (In Bulg.)
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263–291.
- Lewis, A., & Webley, P., & Furnhman, A. (1995). *The new economic mind: The social psychology of economic behaviour*. 2nd ed. Harvester Wheatsheaf.
- Martin, D. (2006). *Psychology of human behavior*. The Teaching Company.
- Robbins, L. (1934). *Remarks on the relationship between economics and psychology. The Manchester School*, 5, 89–101.
- Schwartz, B. (2009). *The paradox of choice: Why more is less*. Revised ed. Harper Collins eBooks.
- Thaler, R., & Sunstein, C. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press.
- Tuckett, D. (2011). *Minding the markets: An emotional finance view of financial instability*. Palgrave Macmillan.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1981). *The framing of decisions and the psychology of choice. Science*, 211, 453–458.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1986). Rational choice and the framing of decisions. *Journal of Business*, 59, S251–S278.

Сведения об авторе / Bio note

Тилева Ивет Георгиева, PhD, лектор кафедры международных отношений и бизнеса, Университет национальной и мировой экономики. E-mail: itileva@unwe.bg

Ivet Tileva, PhD, lecturer at the Department of International Economic Relations and Business, University of National and World Economy. E-mail: itileva@unwe.bg

DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-3-595-605

UDC 330.564.2+316.34

Research article / Научная статья

Group averaging and the Gini deviation

Oleg I. Pavlov¹, Olga Yu. Pavlova²¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*²*All-Russian Correspondence Multidisciplinary School,
B-234 Vorob'evy Gory, Moscow, 119234, Russian Federation* pavlov_oi@rudn.ru

Abstract. It is known that partitioning a society into groups with subsequent averaging in each group decreases the Gini coefficient. The resulting Lorenz function is piecewise linear. This study deals with a natural question: by how much the Gini coefficient could decrease when passing to a piecewise linear Lorenz function? Obtained results are quite illustrative (since they are expressed in terms of the geometric parameters of the polygon Lorenz curve, such as the lengths of its segments and the angles between successive segments) upper bound estimates for the maximum possible change in the Gini coefficient with a restriction on the group shares, or on the difference between the averaged values of the attribute for consecutive groups. It is shown that there exist Lorenz curves with the Gini coefficient arbitrarily close to one, and at the same time with the Gini coefficient of the averaged society arbitrarily close to zero.

Keywords: Gini coefficient, Lorenz curve, Gini deviation

Article history: received 21 April 2021; revised 1 June 2021; accepted 15 June 2021.

For citation: Pavlov, O.I., & Pavlova, O.Yu. (2021). Group averaging and the Gini deviation. *RUDN Journal of Economics*, 29(3), 595–605. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-595-605>

Усреднение по группам и изменение коэффициента Джини

О.И. Павлов¹, О.Ю. Павлова²¹*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*²*Всероссийская заочная многопредметная школа,
Российская Федерация, 119234, Москва, Воробьевы горы, В-234* pavlov_oi@rudn.ru

Аннотация. Известно, что разбиение общества на группы с последующим усреднением в каждой группе приводит к уменьшению коэффициента Джини. Изучается вопрос, насколько может уменьшиться коэффициент Джини при переходе к данной кусочно-

© Pavlov O.I., Pavlova O.Yu., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

линейной функции Лоренца. Получены весьма наглядные (так как они выражены через геометрические параметры графика кусочно-линейной функции Лоренца, такие как длины ее звеньев и углы между последовательными звеньями) оценки сверху на максимально возможное изменение коэффициента Джини при ограничении на величину доли групп либо на величину разности между усредненными значениями признака по данной группе и по предшествующей группе. Показано, что существуют кривые Лоренца с коэффициентом Джини, сколь угодно близким к единице, и при этом с коэффициентом Джини усредненного общества, сколь угодно близким к нулю.

Ключевые слова: коэффициент Джини, кривая Лоренца, отклонение коэффициента Джини, кусочно-линейная функция

История статьи: поступила в редакцию 21 апреля 2021 г.; проверена 1 июня 2021 г.; принята к публикации 15 июня 2021 г.

Для цитирования: Pavlov O.I., Pavlova O.Yu. Group averaging and the Gini deviation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 3. С. 595–605. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-595-605>

Introduction: the Gini coefficient of a piecewise linear Lorenz function

The Gini coefficient is one of the most important (income) inequality measures. Originally due to Gini (1912), also see (Ceriani, Verme, 2012), it is defined as twice the area of the region between the Lorenz curve and the diagonal OD (Figure 1). The Lorenz curve is the graph of the Lorenz function, that is, the function $L(x)$ defined on $[0; 1]$ such that $L(x)$ is equal to the fraction of the total income or wealth, owned by the poorest fraction x of the population. The Lorenz function is necessarily non-decreasing and concave up, i.e. $\frac{L(x)-L(x_0)}{x-x_0}$ is a non-decreasing function of x for every $x_0 \in [0; 1]$.

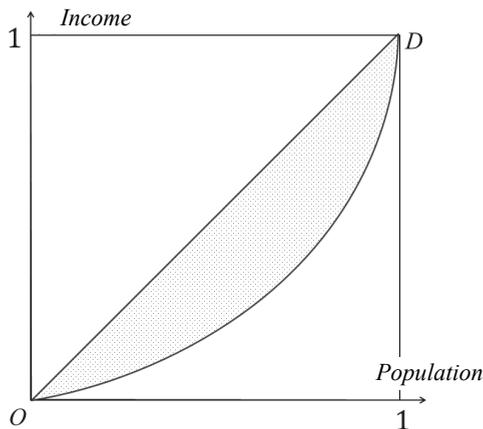

Figure 1. The Lorenz curve

Throughout the paper, the Gini coefficient corresponding to the Lorenz function $L(x)$ is denoted by $J(L)$ or simply by J . The Gini coefficient is widely used in economics and other fields of knowledge (see more details in: Arnold, 2007; Farris, 2010; Astashenko, Malykhin, 2012; Pavlov, Pavlova, 2016, 2018), but most often for measuring income inequality. For example, the Gini coefficient

for the total volume of monetary income of population in Russia in 2019 was 0,411.¹ In the European Union in 2019 the Gini coefficient for equivalised disposable income ranged from 0,228 for Slovakia to 0,408 for Bulgaria according to Eurostat.²

If the Lorenz curve is a polygonal chain (which corresponds to the division of society into groups with uniform distribution in each group) then the Gini coefficient of the society is (Kämpke, Radermacher, 2015):

$$J = 1 - \sum_{i=1}^n (x_i - x_{i-1})(y_i + y_{i-1}), \tag{1}$$

where $(x_0; y_0) = (0; 0)$, $(x_1; y_1)$, $(x_2; y_2), \dots, (x_n; y_n) = (1; 1)$ are the vertices of this chain.

Consider a typical oval-shaped Lorenz curve L (with no segment of population having a uniform income distribution). Let $x_0 = 0 < x_1 < \dots < x_{n-1} < x_n = 1$ be a finite increasing sequence on the x -axis. If we average out the income in each group $[x_0; x_1)$, $[x_1; x_2), \dots, [x_{n-1}; x_n)$, then the resulting Lorenz curve L' will be piecewise linear and inscribed into original Lorenz curve L (Figure 2). Since L is concave up and does not contain a non-trivial segment, the only common points of L and L' are $(x_0; L(x_0))$, $(x_1; L(x_1)), \dots, (x_n; L(x_n))$. Hence L' is above L everywhere except these points, so the area of the region between L' and the diagonal of the square is strictly less than between L and this diagonal. Therefore $J(L') < J(L)$.

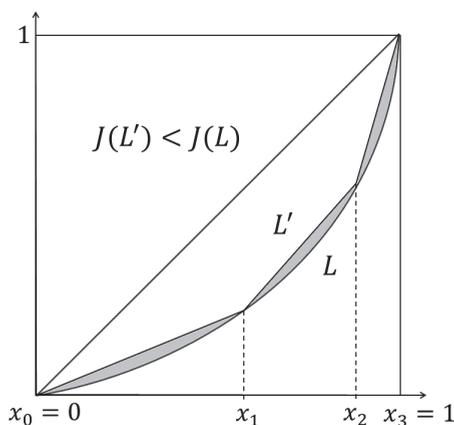

Figure 2. The original Lorenz curve L and its piecewise linearization L'

The procedure of partitioning the population into 5 or 10 equal groups (i.e. into quintiles or deciles) is a standard one and is used “for the convenience of computations and to increase the analyticity of the data.”³ Such data modification can lead to computational errors. How much does the Gini coefficient decrease when such a procedure is used?

¹ Federal State Statistics Service. (2020). *Russian Statistical Yearbook 2020* (p. 161). Moscow.

² Eurostat. (2021). *Gini coefficient of equivalised disposable income – EU-SILC survey*. Retrieved July 15, 2021, from http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12

³ Minashkin, V.G. (2016). Gini index. *The Great Russian Encyclopedia. Electronic Version*. (In Russ.) Retrieved July 15, 2021, from <https://bigenc.ru/economics/text/1952567>

In the above mentioned total monetary income in Russia in 2019 the combined income of the five 20 percent groups is, respectively, 5,3; 10,1; 15,1; 22,6, and 46,9 percent of the total monetary income. It follows from (1) that this partition (with subsequent averaging in each group) corresponds to the Gini coefficient of 0,319, which is considerably less than 0,411!

Literature review

Estimation of the Gini coefficient from incomplete/grouped data has been studied extensively. Since grouped data leads to Lorenz curve which is a polygonal chain, and the definite integral over the latter is computed with the trapezoidal rule exactly, any estimation formula for this rule (e.g., see: Zorich, 2019) produces an estimate for the Gini coefficient $J(L)$. However, there are better alternatives. For example, Gastwirth (1972) presented several methods for calculation of the lower and upper bounds using a probability density function. Golden (2008) proposed an easy to compute estimate for data presented in cumulative income quintiles using a single point of the Lorenz curve. Farris (2012) gave interval estimates using aggregate parameters (such as the number of individuals/families in a percentile and their overall wealth). Fellman (2012) surveyed further publications and concluded that “no method is uniformly optimal, but the trapezium rule is almost always inferior, and Simpson’s rule is superior. Golden’s method is usually of medium quality.”

In this note we obtain upper bound estimates for the maximum possible change in the Gini coefficient with a restriction on the group shares, or on the difference between the averaged values of the attribute for consecutive groups. These estimates are as illustrative as in (Golden, 2008) because they are expressed in terms of the geometric parameters of the polygonal Lorenz curve (such as the lengths of its segments and the angles between successive segments), but some of them are more accurate. Let L be an arbitrary Lorenz function/curve and P – some finite increasing sequence on the x -axis $x_0 = 0 < x_1 < \dots < x_{n-1} < x_n = 1$. Then L_P or simply L' will denote the Lorenz function/curve which is obtained from L by linearization on segments whose endpoints are consecutive elements of P . We will call L' a piecewise linearization of L corresponding to P and call the difference $J(L) - J(L')$ the deviation of the Gini coefficient or simply the Gini deviation. We show that the deviation of the Gini coefficient can be arbitrary close to 1 (i.e., simultaneously $J(L)$ can be arbitrary close to 1, and $J(L')$ to 0).

A Lorenz curve with a large Gini deviation

Example 1. Consider a Lorenz curve L which is a polygonal chain $OABCD$, where $O = (0; 0)$, $D = (1; 1)$, $A = (\varepsilon; \varepsilon^2)$, $C = (1 - \varepsilon^2; 1 - \varepsilon)$ and ε is small (so that A is much closer to the x -axis than to the y -axis and C is much closer to the vertical line $x = 1$ than to the horizontal line $y = 1$, see Figure 3).

The lines OA and CD have equations $y = \varepsilon x$ and $y = \frac{1}{\varepsilon}x + \frac{\varepsilon-1}{\varepsilon}$ respectively; we denote their intersection by B . By solving the system of these equations, we get $B = \left(\frac{1}{1+\varepsilon}; \frac{\varepsilon}{1+\varepsilon}\right)$. As B is close to the vertex $(1; 0)$, the area of the region between L and the diagonal OD is close to the area of the triangle with the vertices

O, D and $(1; 0)$, and the latter area equals $1/2$. This means that $J(L)$ is close to 1. $J(L)$ could be calculated exactly using (1), but it is easy to do so by doubling the difference between $1/2$ and the area of the region under L . This region is a union of a rectangle (actually, a square) and two triangles. Its area is equal to

$$\frac{1}{2} \cdot \frac{1}{1+\varepsilon} \cdot \frac{\varepsilon}{1+\varepsilon} + \frac{1}{2} \left(1 - \frac{1}{1+\varepsilon}\right) \left(1 - \frac{\varepsilon}{1+\varepsilon}\right) + \left(1 - \frac{1}{1+\varepsilon}\right) \frac{\varepsilon}{1+\varepsilon} = \frac{\varepsilon + \varepsilon^2}{1 + \varepsilon^2}.$$

$$J(L) = 2 \left(\frac{1}{2} - \frac{\varepsilon + \varepsilon^2}{1 + \varepsilon^2} \right) = 1 - \frac{2\varepsilon + 2\varepsilon^2}{1 + \varepsilon^2}.$$

Thus, $J(L)$ is indeed close to 1 for small ε .

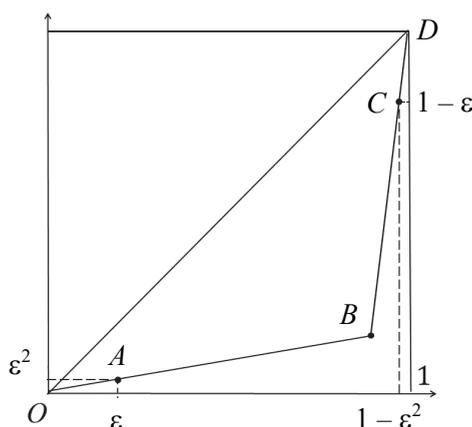

Figure 3. Lorenz curve L

Let $P = \{0; \varepsilon; 1 - \varepsilon^2; 1\}$, then L_P is a polygonal chain $OACD$. Since the points A and C are close to the diagonal, $J(L_P)$ is close to 0. We calculate it using (1). The differences $x_i - x_{i-1}$ equal $\varepsilon - 0, 1 - \varepsilon^2 - \varepsilon, 1 - \varepsilon^2$ for $i = 1, 2, 3$ respectively; the sums $y_i + y_{i-1}$ equal $\varepsilon^2 + 0, 1 - \varepsilon + \varepsilon^2, 2 - \varepsilon$ respectively.

$$J(L_P) = 1 - [\varepsilon \cdot \varepsilon^2 + (1 - \varepsilon^2 - \varepsilon)(1 - \varepsilon + \varepsilon^2) + \varepsilon^2(2 - \varepsilon)] = 2\varepsilon - 3\varepsilon^2 + \varepsilon^4.$$

Therefore, both $J(L)$ and $1 - J(L_P)$ are of order $O(\varepsilon)$ for the considered Lorenz curve L . This means that $J(L)$ is close to 1, and $J(L_P)$ is close to 0 for a small ε .

Note the following features of the considered L : the share of one of the groups (the second one) is close to 1 and the angle between some segments of L (namely, between AB and BC and also between AB and CD) is close to 90° .

These features are not accidental. We show below that both the smallness of the share of each group or the smallness of the angle between every two consecutive segments of L (or of every two segments standing the next but one) implies the smallness of the Gini deviation.

The Gini deviation and the shares of groups

Theorem 1. Let d be the largest share of groups in a society (i.e. the maximum of values $x_i - x_{i-1}$ for $1 \leq i \leq n$). Then $J(L) - J(L') \leq d$.

Proof. Let L' be a piecewise linearization of the Lorenz curve L corresponding to a sequence $P = x_0 = 0 < x_1 < \dots < x_{n-1} < x_n = 1$. For every $i \leq n$, y_i will denote the common value of $L(x_i)$ and $L'(x_i)$.

If $n = 1$, then the society is “divided” into a single group whose share is equal to 1. The theorem is valid in this case as the Gini deviation never exceeds 1. So we can assume that $n > 1$.

Consider two consecutive vertices $A_{i-1} = (x_{i-1}; y_{i-1})$ and $A_i = (x_i; y_i)$ of L' . Since L is a graph of a non-decreasing function, its entire piece lying between A_{i-1} and A_i is contained in the right triangle $A_{i-1}A_iO_i$, which is bounded by the hypotenuse $A_{i-1}A_i$ from above and by a horizontal leg $A_{i-1}O_i$ and a vertical leg A_iO_i from below (Figure 4).

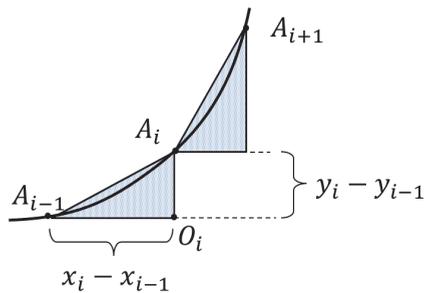

Figure 4. The Gini deviation and the shares of groups

Consequently, the part of the region between L' and L which lies between A_{i-1} and A_i is also included in this triangle. Therefore, the whole region between L' and L is included in the union of such right triangles. Hence it is enough to show that the combined area of these triangles does not exceed d .

In the triangle $A_{i-1}A_iO_i$, the leg $A_{i-1}O_i$ is equal to $x_i - x_{i-1}$ and the leg A_iO_i is equal to $y_i - y_{i-1}$, so its area is equal to $\frac{1}{2}(x_i - x_{i-1})(y_i - y_{i-1})$. The deviation $J(L) - J(L')$ is equal to twice the area of the region between L' and L , which does not exceed $\sum_{i=1}^n (x_i - x_{i-1})(y_i - y_{i-1})$ according to the previous calculations. But $\sum_{i=1}^n (x_i - x_{i-1})(y_i - y_{i-1}) \leq \sum_{i=1}^n d(y_i - y_{i-1}) \leq d \cdot 1 = d$. Theorem 1 is proved.

If a society is divided into n equal groups, then share each of them is equal to $\frac{1}{n}$. Then, according to Theorem 1, the Gini deviation does not exceed $1/n$. Therefore, the maximum possible Gini deviation in the above mentioned total monetary income distribution in Russia in 2019 is $1/5 = 0,2$. The real deviation for this distribution is equal to $0,411 - 0,319 = 0,092$, which is a significant fraction of $0,2$. We obtained $J(L') = 0,319$ using (1) and the data from Federal State Statistics Service.⁴

⁴ Federal State Statistics Service. (2020). *Russian Statistical Yearbook 2020* (p. 161). Moscow.

The Gini deviation estimate given by Theorem 1 is sharp for every d . For example, in case of perfect inequality in a society (all the income/wealth belongs to a single person), $J = 1$. The corresponding Lorenz curve L is a two-segment polygonal chain ABD , where B almost coincides with $(0; 1)$. Divide such a society into several groups so that the share of the richest of them is equal to an arbitrary d . Then L' will consist of a horizontal segment OB' , where $B' = \left(\frac{n-1}{n}; 0\right)$ (this segment may correspond to several groups of the society) and an inclined line segment $B'D$. The doubled area between L' and the diagonal OD is equal to $1 - d$ which is $J(L')$. Thus, $J(L) - J(L') = 1 - (1 - d) = d$ as required.

The Gini deviation and the angles between segments

Every two consecutive segments of a polygonal Lorenz curve are at the angle from 0 to 90° to each other. The more segments, the smaller this angle can be uniformly given a fixed Gini coefficient. It turns out that a constraint on the magnitude of such an angle also limits the Gini deviation. It is also possible to consider a constraint on segments standing the next but one. Since the slope of the segment⁵ with the vertices $(x_i; y_i)$ и $(x_{i+1}; y_{i+1})$ is the average income in the group $[x_i; x_{i+1}]$, the proximity of the slopes of two consecutive groups is equivalent to the closeness of the average incomes in these groups. We denote the points $(-1; 0)$ and $(1; 2)$ by A_{-1} and A_{n+1} , respectively, and will consider $A_{-1}A_0$ and DA_{n+1} as new segments of L' .

Theorem 2. Let α be the largest of the angles between the segments of L' standing the next but one. Then

a) if l_1, l_2, \dots, l_n denote the lengths of the segments $A_0A_1, A_1A_2, \dots, A_{n-1}A_n$, then $J(L) - J(L') \leq \frac{1}{4} \sum_{i=1}^n (l_i)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$;

b) if p_1, p_2, \dots, p_n denote the lengths of the projections of the segments $A_0A_1, A_1A_2, \dots, A_{n-1}A_n$ on the diagonal OD , then $J(L) - J(L') \leq \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n (p_i)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$;

c) if $\frac{1}{n}$ is the largest fraction of the projections of the segments of L' on the diagonal OD , then $J(L) - J(L') \leq \frac{1}{n} \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$;

d) $J(L) - J(L') \leq \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$.

In each item **a–d**, $\frac{\alpha}{2}$ can be replaced by the largest of the angles between any two consecutive segments of L' .

Proof:

a) we use the following well-known fact from geometry (e.g. see: Boltyanskij et. al., 1974): if the length of a side S of a triangle is equal to l , and the other two sides make angles with S that in total do not exceed α , then the area of such a triangle does not exceed $\frac{1}{4} l^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$. Consider an arbitrary segment $A_{i-1}A_i$ of L' , as well as the previous and subsequent segments (Figure 5).

⁵ More precisely, of a straight line containing this segment.

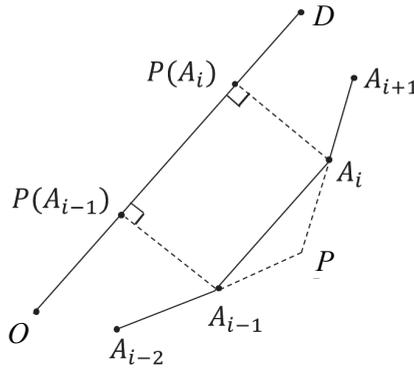

Figure 5. The Gini deviation and the angles between segments

Due to concavity of L , every point lying between the arc $A_{i-1}A_i$ of L (the arc is not shown in Figure 5) and the segment $A_{i-1}A_i$, must be not lower than both lines $A_{i-2}A_{i-1}$ and A_iA_{i+1} , i.e. it belongs to triangle $A_{i-1}A_iP$, where P is the intersection of the lines $A_{i-2}A_{i-1}$ and A_iA_{i+1} . By condition, the angle between the lines $A_{i-2}A_{i-1}$ and A_iA_{i+1} is at most α . Then, by the mentioned fact, the area of the triangle $A_{i-1}A_iP$ does not exceed

$$\frac{1}{4}|A_{i-1}A_i|^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right) = \frac{1}{4}(l_i)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right).$$

If the lines $A_{i-2}A_{i-1}$ and A_iA_{i+1} coincide, then triangle $A_{i-1}A_iP$ degenerates into segment $A_{i-1}A_i$ having zero area. Therefore $J(L) - J(L') \leq \frac{1}{4} \sum_{i=1}^n (l_i)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$. Item **a** is proved;

b) let $p(A_{i-1})$ and $p(A_i)$ denote, respectively, the projections of points A_{i-1} and A_i on the diagonal OD . Then the length of the segment $A_{i-1}A_i$ does not exceed the length of segment $p(A_{i-1})p(A_i)$ multiplied by $\sqrt{2}$. Thus $l_i \leq p_i\sqrt{2}$ and further

$$J(L) - J(L') \leq \frac{1}{4} \sum_{i=1}^n (p_i\sqrt{2})^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right) = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n (p_i)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right).$$

Item **b** is proved;

c) it follows directly from the condition of item **c** that $p_i \leq \frac{1}{n}\sqrt{2}$ whence

$$J(L) - J(L') \leq \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n \left(\frac{\sqrt{2}}{n}\right)^2 \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right) = \frac{1}{n^2} n \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right) = \frac{1}{n} \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right);$$

d) follows from **c** as $\operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right) \geq \frac{1}{n} \operatorname{tg}\left(\frac{\alpha}{2}\right)$ since $n \geq 1$.

If β is the largest of the angles between any two consecutive segments of L' , then the largest of the angles between the segments of L' standing the next but one does not exceed 2β , so $\frac{\alpha}{2}$ can be replaced by β in each item **a–d**. Theorem 2 is proved.

A comparison with Golden’s approach

Golden (2008) proposed a simple way to compute the upper bound Gini coefficient estimate for data presented in cumulative income quintiles. We compare the Gini deviation corresponding to this estimate, obtained for a particular Lorenz function $L(x) = x^2$, with the estimates from our Theorem 2 and find that the estimates given in items a, b, c of Theorem 2 are more accurate.

Golden called his method for approximating the upper bound of the Lorenz curve’s L Gini coefficient “the Z -gradient rule”. The estimate given by this rule is the Gini coefficient of a three-segment polygonal chain $OPQD$ (which we further denote by L_G), where $O = (0; 0)$, $D = (1; 1)$, and points P and Q lie on the x -axis and y -axis, respectively, so that the line PQ is tangent to L at a point $(z_0, L(z_0))$ of L farthest from the diagonal OD . It is known that $L'(z_0) = 1$, see Hoover (1936) and Kakwani (1980). Since $L(x) = x^2$, $L'(x) = 2x$, so that $z_0 = 0,5$ and $L(z_0) = 0,25$. The tangent line to the Lorenz curve at the point $(0,5; 0,25)$ has an equation

$$y - 0,25 = 1 \cdot (x - 0,5),$$

or $y = x - 0,25$, thus $P = (0,25; 0)$ and $Q = (1; 0,75)$. Therefore, $J(L_G) = \frac{7}{16}$ by (1). Let $x_0 = 0$, $x_1 = 0,2$, $x_2 = 0,4, \dots, x_5 = 1$ be the first coordinates of the vertices of L' (which is the linearization of $L(x) = x^2$ corresponding to the division of the segment $[0; 1]$ into five equal subsegments). Then $J(L') = 0,32$ by (1), therefore

$$J(L_G) - J(L') = \frac{7}{16} - 0,32 = 0,1175,$$

which is the error of Golden’s approximation.

We organize the calculations of the estimates from Theorem 2 in the Table.

Here k_i is the slope of the i -th segment of the linearized Lorenz curve L' and ϕ_i is its angle with the positive direction of the x -axis (measured in radians). The largest half-angle $\alpha/2$ between the segments of L' standing the next but one is $0,294$ rad (the angle between the first and the third segments), its tangent is equal to $0,303$. The sum of the squares of the segments of L' is equal to $0,464$, the sum of the squares of the projections of these segments on the diagonal OD is $0,432$.

Calculations of the estimates from Theorem 2

x_i	y_i	Δx_i	Δy_i	$k_i = \Delta y_i / \Delta x_i$	ϕ_i	$(\phi_i - \phi_{i-2})/2$	$\phi_i - \phi_{i-1}$	l_i^2	p_i^2
0	0								
0,2	0,04	0,2	0,04	0,2	0,197			0,042	0,029
0,4	0,16	0,2	0,12	0,6	0,54		0,343	0,054	0,051
0,6	0,36	0,2	0,2	1	0,785	0,294	0,245	0,08	0,08
0,8	0,64	0,2	0,28	1,4	0,951	0,205	0,165	0,118	0,115
1	1	0,2	0,36	1,8	1,064	0,139	0,113	0,17	0,157
Σ								0,464	0,432
max						0,294	0,343		

Consequently, the estimates obtained in items **a**, **b**, **c** of Theorem 2 are

$$\frac{1}{4} \sum_{i=1}^5 (l_i)^2 \operatorname{tg} \left(\frac{\alpha}{2} \right) = 0,035,$$

$$\frac{1}{2} \sum_{i=1}^5 (p_i)^2 \operatorname{tg} \left(\frac{\alpha}{2} \right) = 0,065,$$

$$\frac{1}{5} \operatorname{tg} \left(\frac{\alpha}{2} \right) = 0,061$$

respectively (rounded to the nearest thousandth), which are considerably more accurate, than 0,1175 obtained by applying the Golden's Z-gradient rule. The largest angle β between any two consecutive segments of L' is 0,343 rad (the angle between the first and the second segments). Its tangent is equal to 0,357, which is 18% greater, than $\operatorname{tg} \alpha = 0,303$. Hence replacing $\alpha/2$ with β in the latter three displayed formulas increases the estimates by 18% which still leaves them less than 0,1175.

Conclusion

We obtained upper bound estimates for the maximum possible change in the Gini coefficient with a restriction on the group shares, or on the difference between the averaged values of the attribute for consecutive groups (geometrically – in terms of the geometric parameters of the polygon Lorenz curve, such as the lengths of its segments and the angles between successive segments). For a considered particular Lorenz curve these estimates are much more accurate than derived by Golden (2008). Further research may include deriving still better (ultimately, sharp) estimates, e.g. such that for a given $\varepsilon > 0$ the Gini deviation could not be multiplied by $1 - \varepsilon$. The case of equal groups is of particular interest.

References

- Arnold, B.C. (2007). The Lorenz curve: Evergreen after 100 years. In S. Betti, A. Lemmi (Eds.), *Advances in Income Inequality Concentration Measures* (pp. 12–24). New York: Routledge.
- Astashenko, A.N., & Malykhin, V.I. (2012). *Income inequality measures*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Boltyanskij, V.G., Sidorov, Yu.V., & Shabunin, M.I. (1974). *Lectures and problems on elementary mathematics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Ceriani, L., & Verme, P. (2012). The origins of the Gini index: Extracts from *Variabilità e Mutabilità* (1912) by Corrado Gini. *J. Econ. Inequal*, 10, 412–443.
- Farris, F.A. (2010). The Gini index and measures of inequality. *American Mathematical Monthly*, 117(10), 851–864.
- Fellman, J. (2012). Estimation of Gini coefficients using Lorenz curves. *Journal of Statistical and Econometric Methods*, 1(2), 31–38.
- Gastwirth, J. (1972). The estimation of the Lorenz curve and Gini index. *Rev. Econom. Statist*, 54, 306–316.
- Gini, C. (1912). *Variabilità e mutuabilità: Contributo allo studio delle distribuzioni e delle relazioni statistiche*. Bologna: C. Cuppini.

- Golden, J. (2008). A simple geometric approach to approximating the Gini coefficient. *The Journal of Economic Education*, 39(1), 68–77.
- Hoover, E. (1936). The measurement of industrial localization. *The Review of Economics and Statistics*, 18, 162–171.
- Kakwani, N. (1980). *Income inequality and poverty: Methods of estimation and poverty applications*. Oxford University Press.
- Kämpke, T., & Radermacher, F.J. (2015). Income modeling and balancing. A rigorous treatment of distribution patterns. *Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems*, 679, 44–53.
- Pavlov, O.I., & Pavlova, O.Yu. (2016). The Lorenz curve and a mathematical definition of the middle class. *Management of Economic Systems*, (12). Retrieved March 15, 2021, from <http://uecs.ru/uecs-94-942016/item/4239-2016-12-24-07-45-16>
- Pavlov, O.I., & Pavlova, O.Yu. (2018). Differential deviation and the Gini coefficient. *Russian Economics Online-Journal*, (4). Retrieved March 15, 2021, from <http://www.e-rej.ru/publications/176/%D0%9F/>
- Zorich, V.A. (2019). *Mathematical analysis* (part 1). Moscow: MCCME Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах / Bio notes

Павлов Олег Иванович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, экономический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: pavlov-oi@rudn.ru

Oleg I. Pavlov, PhD, Associate Professor of Economic and Mathematic Modelling Department, Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: pavlov-oi@rudn.ru

Павлова Ольга Юрьевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики, Всероссийская заочная многопредметная школа. E-mail: lolgau@yandex.ru

Olga Yu. Pavlova, PhD, Associate Professor at the Department of Higher Mathematics, All-Russian Correspondence Multidisciplinary School. E-mail: lolgau@yandex.ru